ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 4 (16) 2023

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 4 (16)

2023

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 4 (16) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный редактор номера
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН),

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2023
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2023

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 4 (16)

2023

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 4 (16) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editor of the issue
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu.Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2023
© Orel State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Биткеева А.Н. О концепции, методологии и перспективах социолингвистического прогнозирования (на примере многоязычной Российской Федерации) 9

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Субъективные данные в социолингвистике и методы их исследования в ракурсе прогнозирования 35

Каплунова М.Я. Социолингвистические сценарии языкового развития как стимул для мониторинга языковой ситуации в Российской Федерации. 53

Li Jia. Minor incidents as an indicator of language prognosis: the case of Hong Kong. 70

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Кириленко С.В. Изменения в языковой жизни сообщества в условиях языкового сдвига. 80

Биткеева А.Н., Данилова Р.А. Языковая биография арктического города (материалы полевого исследования в городе Анадырь) 92

Фан Лыонг Хунг. Системы письменности языков этнических меньшинств во Вьетнаме и пример языка нунг. 107

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Замятин К.Ю. Разработка Концепции государственной языковой политики: проблемы согласования бюрократического и академического подходов 119

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Коммодификация языка ***(Э.В. Хилханова)*** 144

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Двадцатое заседание дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики (Москва, Институт языкознания Российской академии наук, 20 сентября 2022 г.) (***К.А. Давыдова***).. 150

Требования и рекомендации к оформлению статей 162

CONTENTS

Editorial preface. 7

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

Bitkeeva A.N. Concept, methodology and prospects of sociolinguistic prognosis (Multilingual Russia as an example) 9

LANGUAGE PLANNING AND SOCIOLINGUISTIC PROGNOSIS

Khilkhanova E.V., Khilkhanov D.L. Subjective data in sociolinguistics and their research methods from the prognostic perspective. 35

Kaplunova M.Ya. Sociolinguistic scenarios of language development as a stimulus for monitoring the language situation in the Russian Federation. 53

LI Jia. Minor incidents as an indicator of language prognosis: the case of Hong Kong. 70

LANGUAGE SITUATION

Kirilenko S.V. Changes in the language life of a community in the context of language shift. 80

Bitkeeva, A.N., Danilova, R.A. Language biography of the Arctic city (on the material of the field research in Anadyr) 92

Phan Luong Hung. Writing systems of ethnic minority languages in Vietnam and the case of Nung. 107

LANGUAGE POLICY

Zamyatin K.Yu. Development of the concept of state language policy: the problem of adjusting the bureaucratic and academic approaches. 119

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Commodification of language ***(Khilkhanova E.V.)*** 144

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

The twentieth meeting of the analytical discussion club on language policy (Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, September 20, 2022) (***K.A. Davydova***) 150

Style sheet 162

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Последние годы социолингвистическая тема исследований стала особо популярной, в процессе решения языковых задач в РФ наблюдается коллаборация государственного уровня с научным сообществом. В этом контексте нельзя не заметить, что статус и практические возможности отечественной социолингвистики, сферы приложения социолингвистических исследований значительно расширяются. Вероятно, это связано с требованиями времени, но, в значительной степени, это говорит о том, что отечественная социолингвистика переходит на новый уровень развития, происходит расширение и углубление собственной концептуальной, методологической базы российской социолингвистики, применимой непосредственно к языкам России, идет активное накопление эмпирического материала. Еще одним фактором, подтверждающим этот момент, являются сформировавшиеся социолингвистические школы в рамках отечественной социолингвистики – московская, петербургская, хакасская, калмыцкая, бурятская, татарская, пермская. Происходит активная институционализация российской социолингвистики, в ВУЗах появился курс «Социолингвистика», иногда обязательного характера, в некоторых университетах открылись магистерские программы подготовки специалистов по языковой политике и т.д. В 2019 г. сформировалась Ассоциация российских социолингвистов, основной целью которой является поддержка и объединение социолингвистов России, укрепление профессиональных связей, в 2020 г. при Ассоциации основан научный журнал «Социолингвистика», который освещает актуальные проблемы теории и практики социолингвистики. С 2021 г. ежегодно проводится ставшая традиционной школа-семинар молодых социолингвистов. Самое главное в этих начинаниях то, что идет активное концептуальное и методологическое развитие отечественной социолингвистики, появились новые научные темы, актуальные для решения языковых вопросов России. Одной из таких тем современной социолингвистики посвящен данный номер журнала «Социолингвистика» – теме социолингвистического прогнозирования, в фокусе особого внимания которого – будущее полиэтничной и многоязычной Российской Федерации.

В статьях данного спецномера журнала публикуются результаты исследования, проведенного в рамках научного проекта РФФИ и DFG № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации). Авторы рассматривают концепцию, методы прогнозирования языкового развития, сценарии развития языковой политики в России, глобальные и локальные

тренды в развитии языков РФ, перспективы и сценарии языкового развития многонациональных стран, регионов, отдельных языков.

Социолингвистическое прогнозирование языковых процессов включает три основных момента: анализ сложившейся ситуации, прогноз относительно ее развития и опережающее отражение масштаба проблемы и разработка инструментов, которые влияют на развитие, например, с целью предотвращения и решения языковых конфликтов. Разработка прогностических методов и моделей в языковой политике Российской Федерации с учетом последних исследований в этой области и практического опыта других стран важна для планирования государственной политики и эффективного регулирования межэтнических отношений в Российской Федерации.

Теме социолингвистического прогнозирования в 2023 г. был посвящен ряд научных конференций. Одно из недавних мероприятий – прошедшая в Москве 6–7 декабря 2023 г. Международная научная конференция «Тенденции языкового развития многонациональных стран: от прогнозирования к языковому планированию», организованная Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям ИЯз РАН. Основной темой стала тема теоретических и практических возможностей социолингвистического прогнозирования. Обсудив общие и частные сценарии развития языковой политики в РФ, мы разделяем точку зрениях участников дискуссий: приоритетом языковой политики в России должно быть сохранение двух тенденций – соблюдение сохранения языкового единства страны и поддержка и развитие языкового разнообразия многонациональной России, прогнозирование же должно стать инструментом и основой языковой политики и языкового планирования Российской Федерации.

А.Н. Биткеева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-9-34

О КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МНОГОЯЗЫЧНОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Айса Н. Биткеева
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы концепции, методологии и методов социолингвистического прогнозирования в полиэтническом государстве, разрабатываются сценарии развития языковой политики в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях. В качестве эмпирического материала в статье использованы данные социолингвистического обследования проведенного в 2021–2022 гг. в Республике Тыва, Республике Дагестан, Республике Калмыкия и Приморском крае, в 2022 г. в Республике Чечня, Республике Саха (Якутия), Республике Татарстан и Республике Карелия. Социолингвистическое прогнозирование языковых процессов включает три основных момента: анализ сложившейся ситуации, прогноз относительно ее развития, опережающее отражение масштаба проблемы и разработка инструментов, которые влияют на развитие, например с целью предотвращения и решения языковых конфликтов. В основе метода сценариев развития языковой политики лежит создание многофакторной модели прогнозирования, которая представляет модель будущего развития языков Российской Федерации и включает в себя типологические аспекты языковой политики и языковой ситуации на национальном/федеральном уровне, на локальном уровне и на собственно лингвистическом уровне. Модель отображает корреляции между разными признаками и отражает динамику развития языковой ситуации. Апробировалась применимость разрабатываемых моделей и методов на языковой ситуации в ходе полевых исследований, проведенных в Республике Татарстан, Республике Тыва, Республике Калмыкия, Республике Дагестан и Приморском крае, Республике Чечня, Республике Карелия, Республике Саха (Якутия). Регионы были отобраны по принципу «ключевых акторов» (активистские движения, дебаты) и «ключевых моделей» языковой ситуации в РФ. Особое внимание в статье уделено методам социолингвистического прогнозирования для последующей экспертной оценки современной языковой ситуации в РФ, ее трендов, идеологий и акторов. Так, разработан метод сценария развития языковой политики, метод языковой биографии, метод исследования языковых идеологий в рамках прогнозирования, метод измерения конфликтогенного потенциала, метод анализа больших данных в изучении языковой политики, метод Гис-технологий. Анализ данных обследования в указанных регионах в рамках многокомпонентной модели прогнозирования позволяет выделить следующие коррелирующие факторы, влияющие на языковую жизнь: статус языка, исторический фактор, географический фактор, политический/идеологический факторы, экономический фактор, культурный фактор, ИКТ фактор, лингвистический фактор и др. Моделирование этих факторов и анализ корреляций между ними выявляет результирующие события: языковой конфликтогенный потенциал в языковой общности, языковой активизм, языковой сдвиг, ассимиляцию, языковую смерть и др., что дает возможность моделировать различные сценарии языкового развития. Исходя из анализа коррелирующих факторов, влияющих на

витальность языка и их функциональное развитие, в рамках проекта анализируются эффективные сценарии языковой политики, стимулирующие гармоничное развитие языкового многообразия в России. Разработка прогностических методов с учетом последних исследований важна для языковой политики и языкового планирования, что может способствовать эффективному регулированию межэтнических отношений в Российской Федерации.

***Ключевые слова**: языки России, языковая политика, социолингвистическое прогнозирование, метод сценария, развитие языка, этнокультурная языковая ассимиляция*

CONCEPT, METHODOLOGY AND PROSPECTS OF SOCIOLINGUISTIC PROGNOSIS (MULTILINGUAL RUSSIA AS AN EXAMPLE)

Aysa N. Bitkeeva
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article considers concept, methodology and methods of sociolinguistic prognosis in a multi-ethnic state, and develops scenarios for the development of language policy in the Russian Federation at the federal and regional levels. The analytical part of the article is based on the empirical material collected in the sociolinguistic surveys conducted in 2021-2022 in the Republic of Tyva, the Republic of Dagestan, the Republic of Kalmykia, the Primorsky Territory, the Republic of Chechnya, the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Tatarstan and the Republic of Karelia. Sociolinguistic prognosis of language processes includes three main points: analysis of the current situation, a prognosis of its development, the estimation of the problem scale and development of the tools that can help to prevent and to solve the language conflicts. The scenarios method used to develop the language policy is based on the creation of the multifactor prognostic model, which represents future development of languages of the Russian Federation and includes typological aspects of language policy and language situation at the national/ federal level, at the local level and at the linguistic level. The model displays correlations between different aspects and reflects the dynamics of the language situation development. The prognostic model and methods were probated during field studies conducted in the Republic of Tatarstan, the Republic of Tyva, the Republic of Kalmykia, the Republic of Dagestan and the Primorsky Territory, the Republic of Chechnya, the Republic of Karelia, and the Republic of Sakha (Yakutia). The regions were selected based on the principle of "key actors" (activist movements, debates) and "key models" of the language situation in the Russian Federation. Specical attention in the article is paid to the methods of sociolinguistic prognosis for subsequent expert assessment of the modern language situation in the Russian Federation, its trends, ideologies and actors. There have been developed scenario method for the development of language policy, language biography method, method of studying language ideologies within the framework of prognosis, method of measuring conflict potential, method of big data analyzing in the study of language policy, a method of GIS technologies. Analysis of survey data in the considered regions allows us to identify the following correlating factors influencing language life: language status, historical factor, geographical factor, political/ideological factors, economic factor, cultural factor, linguistic factor, etc. Modeling of these factors and analysis of correlations between them reveals the language conflict potential in a linguistic community, language activism, language shift, assimilation, language death, etc., which makes it possible to simulate possible scenarios of language development. Based on the analysis of correlating factors influencing the vitality of a language and their functional development, the project analyzes effective language policy scenarios that stimulate the harmonious development of linguistic diversity in Russia. The development of predictive methods taking into account the latest research is important for language policy and

language planning, which can contribute to the effective regulation of interethnic relations in the Russian Federation.

Keywords: *languages of Russia, language policy, sociolinguistic forecasting, language development, ethnocultural language assimilation*

1. Введение

В статье предлагаются к рассмотрению вопросы концепции, методологии и методов социолингвистического прогнозирования в полиэтническом государстве. Тема прогнозирования экономического, социального, финансового развития страны является одной из актуальных в отечественном научном дискурсе в последние годы. Работы, разрабатывающие концепции и методологические инструменты в отношении прогностических моделей, часто связаны с социальными науками и в первую очередь с областью международных отношений [Davydchuk et al., 2018; Ramirez et al., 2015]. Эти работы связаны с изучением будущего, с футуристическими концепциями, такими как сценарии будущего. Как отмечают А. Риалланд и К.Е. Уолд [2009], концепция сценария используется государственными политиками и футуристическими институтами в различных областях, таких как антикризисное управление, наука, бизнес, образование [Rialland, Wold, 2009: 13]. Понятие сценария используется и применяется по-разному [Ramirez et al., 2015].

Социолингвистическое прогнозирование языковых процессов включает три основных момента: анализ сложившейся ситуации, прогноз относительно ее развития, опережающее отражение масштаба проблемы и разработка инструментов, которые влияют на развитие, например с целью предотвращения и решения языковых конфликтов.

Стратегическое применение междисциплинарного подхода при разработке прогностических моделей в языковой политике повышает продуктивность мер языковой политики, прогнозирует и предотвращает конфликты, способствует поиску механизмов решения языковых проблем. Тема социолингвистического прогнозирования относительно новая, одними из последних работ на эту тему являются следующие статьи: [Биткеева, 2018; Биткеева и др., 2019; Биткеева, 2022].

Целью данной статьи является разработка концептуальной и методологической основы социолингвистического прогнозирования в полиэтническом государстве в теории и на практике, анализ наиболее эффективного сценария развития языковой политики в Российской Федерации.

Данный научный подход применен к анализу языковой ситуации в рамках социолингвистических обследований, проведенных в рамках проекта РФФИ-DFG «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной

Российской Федерации)» (рук. А.Н. Биткеева). В качестве эмпирического материала в статье использованы данные социолингвистических обследований, проведенных в 2021–2022 гг. в следующих республиках РФ. В Республике Тыва нами (А.Н. Биткеевой, Ч.С. Цыбеновой и М.Я. Каплуновой) в 2021 г. проводилось социолингвистическое обследование, включавшее анкетирование, интервьюирование людей власти, экспертов, языковых активистов носителей тувинского языка. В опросе в Республике Тыва приняли участие около 450 респондентов городских и сельских жителей. В 2021 г. проведено социолингвистическое исследование актуальной языковой ситуации, языковой политики в Республике Дагестан. В проведенном совместно с Б.М. Атаевым, С.В. Кириленко обследовании приняли участие около 500 респондентов (жители городской и сельской местности), носителей аварского, даргинского, агульского, лезгинского, табасаранского, кумыкского, бежтинского, лакского, рутульского и чамалинского языков. Апробировалась также методика измерения конфликтогенного потенциала. В 2020–2022 гг. совместно с Ц.Д. Манжиевой проведено социолингвистическое исследование (анкетирование, интервьюирование) в Республике Калмыкия, в котором приняли участие около 500 респондентов – городских и сельских жителей. В 2021 г. нами вместе с М.Я. Каплуновой было предпринято исследование этнической группы тазов, проживающей в Приморском крае, которые входят в число коренных малочисленных народов РФ. В 2022 г. проведено полевое исследование в Республике Саха (Якутия), опрос велся в рамках метода языковой биографии, методики измерения конфликтогенного потенциала, всего было охвачено 1600 инофрмантов. В 2022 г. в Республике Карелия и Республике Татарстан С.В. Кириленко и Э.В. Хилхановой проведено социолингвистическое исследование по методике оценки конфликтогенного потенциала и языковой биографии, всего опросом в Карелии охвачено около 500 чел, в Республике Татарстан около 800 чел.

2. Концепция и методология языкового прогнозирования

Социальные конструктивисты под будущим понимают зону ближайшего развития. Будущее формируется не как отдаленная перспектива, а как сегодняшнее действие над преобразованием своего окружения, контроля над своими действиями. Конструирование общества будущего – это не рисование в воображении идеального будущего, это кропотливая работа ума в настоящий момент, и это не обязательно положительный образ будущей ситуации.

Социолингвистическое прогнозирование должно ответить на следующий исследовательский вопрос: каково будущее многоязычия в многонациональной России? Многие исследователи признают, что де-юре и де-факто языковая политика находится в зоне

интенсивной напряженности в России. Это не только исторический факт, но и актуальная социальная проблема сегодня в стране.

Социолингвистическое прогнозирование языковых процессов включает три основных момента: анализ сложившейся ситуации, прогноз относительно ее развития, опережающее отражение масштаба проблемы, разработка инструментов, которые влияют на развитие, например, с целью предотвращения и решения языковых конфликтов.

В данном контексте актуальна задача прогнозирования общих и частных сценариев развития языковой политики, приоритетом которых должно быть сохранение двух тенденций: соблюдение сохранения языкового единства страны и поддержка и развитие языкового разнообразия многонациональной России. Стратегическое применение междисциплинарного подхода при разработке прогностических моделей в языковой политике повышает продуктивность мер языковой политики, прогнозирует и предотвращает конфликты, способствует поиску механизмов решения языковых проблем.

В российском и зарубежном научном дискурсе тему социолингвистического прогнозирования следует считать новой, направленной на исследование и формирование будущего языков России. Разработка методов социолингвистического прогнозирования и использование его для планирования языковой политики, разработка моделей языковой политики представляет собой фундаментальную научную проблему сегодня.

В основе анализа, представленного в статье, – результаты исследования, проводимого в рамках проекта РФФИ «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)». Исследование позволяет системно исследовать основы прогностических методов в отдельных областях языковой политики и проверить их применимость на основе языковой ситуации Российской Федерации. Это позволило раскрыть общую картину современного состояния и развития русского и миноритарных языков в России. В качестве эмпирического материала выбраны актуальные тенденции в языковой политике и языковой ситуации республик РФ: Республика Тыва, Республика Дагестан, Приморский край, Республика Чечня, Республика Калмыкия, Республика Татарстан.

Многоязычная Российская Федерация характеризуется сложной языковой ситуацией. Предыдущие исследования языковой политики и языкового планирования не смогли дать исчерпывающего описания и измерения языкового разнообразия России во всех его аспектах. Наша рабочая гипотеза предполагает, что разработанные в рамках проекта новые прогностические методы на основе методологии сценария позволят представить более полную картину развития языковых ситуаций в Российской Федерации. На основе интенсивной

полевой работы в различных регионах мы обнаруживаем гораздо больше факторов, имеющих значение для прогностических моделей в языковой политике.

Мы понимаем прогностические модели не как простые прогнозы, а интерпретируем их в соответствии с концепцией сценариев будущего, придерживаемся следующего понимания сценариев: «Сценарии – это структурно разные истории о том, как может развиваться будущее, которые оказывают влияние на определенную область. Они представлены таким образом, что дают толчок воображению и отражению, создавая тем самым видение будущего. Сценарии бросают вызов основополагающим предположениям и установленным истинам, они могут применяться для целей стратегического и инновационного развития и планирования в определенном контексте или на уровне страны или индустрии» [Rialland, Wold, 2009: 8]. В работах по международным отношениям определены три важные особенности сценариев, они должны быть: 1) правдоподобными, основанными на эмпирическом анализе; 2) инновационными и наводящими на размышления и 3) краткими и содержащими легко коммуницируемые идеи (см.: [Davydchuk et al., 2018: 36]). Считаем, что основа для метода сценариев в социолингвистике заключается в создании факторной модели, которая включает в себя типологические аспекты языковой политики. Важно установить факторы, которые имеют значение для развития языковой политики.

3. Методы социолингвистического прогнозирования

Разработка методов социолингвистического прогнозирования и использование его для планирования языковой политики, определение моделей языковой политики представляет собой фундаментальную научную проблему в силу следующих причин: новизны постановки проблемы и недостаточного осознания теоретической и практической значимости прогнозирования как инструмента и основы языковой политики и планирования; отсутствия фундаментальных научных работ по проблематике прогнозирования ввиду ее принципиально междисциплинарного характера, неразработанности концепции сценария будущего языкового развития; несформулированности целей, неопределенности терминологии, отсутствия доктринального документа в области планирования языковой политики Российской Федерации. Очевидно, что на сегодня отсутствуют адекватные прогностические методы и модели языковой политики, о чем свидетельствуют активные общественные дебаты о мерах языковой политики в последние годы.

Что касается специфических методов социолингвистического прогнозирования, то их разработка представляет собой сложную задачу для исследователей, по-видимому, в силу неоднородности целей и множественности прогностических направлений, требующих

применения комплекса различных методов. Необходимо разграничевать различные области/сферы языковой политики и комбинировать различные методы. Только такой смешанный методический подход способен справиться с многочисленными и сложными задачами социолингвистического прогнозирования и его применения к такому динамичному объекту, как языковое разнообразие и развитие многоязычных языковых ситуаций. Что касается прогностических методов в зарубежной социолингвистике, то они в первую очередь связаны с исследованием языкового планирования, поскольку планирование направлено на развитие языка в будущем. Данное исследование фокусируется прежде всего на поддержании языка, языковом сдвиге или результатах ревитализации языка (обсуждаемых, например, в труде К. Паульстон [Paulston, 1994], см. также «классические» работы Дж. Фишмана, напр.: [Fishman, 2013]), исследующие многоязычие в США и основные тенденции его развития. Другой акцент делается на оценке языковой политики (см.: [Gazzola et al.,2017; De Korne, 2012]).

Разработка методов прогнозирования и моделирование языковой политики РФ с учетом новейших исследований в этой области и практического опыта других стран важна для планирования государственной политики и эффективного регулирования межэтнических отношений в Российской Федерации. Комплексный подход к данной проблематике возможен лишь на основе синтеза современных междисциплинарных исследований.

В ходе исследования особое внимание уделено разработке методов социолингвистического прогнозирования для последующей экспертной оценки современной языковой ситуации в РФ, ее трендов, идеологий и акторов, что должно впоследствии лечь в основу планирования взвешенной языковой политики в РФ. Хотя прогнозная аналитика стала очень востребованной в различных областях: медицине, маркетинге, рекламе, PR, политике, спорте, экологии, к миноритарным языкам России она еще не применялась.

В условиях быстро меняющейся ситуации и нестабильности в международных отношениях становится чрезвычайно востребован мониторинг, анализ и прогнозирование языкового и этнокультурного развития, а также анализ реальных и расчет потенциальных языковых конфликтов для выработки стратегий регулирования языковой ситуации, контроля проблемных зон. Далее речь пойдет о новых методах прогнозирования языкового развития, которые разрабатывались и применялись в исследовании в 2021 г.

Метод сценария развития языковой политики

При ближайшем рассмотрении существующих исследований языкового разнообразия становится ясно, что особое внимание, как правило, уделяется инструментам анализа

предпосылок, истории и актуальной ситуации языкового многообразия. Однако удивляет тот факт, что этих работ нет статей, посвященных методам исследования перспектив, т.е. развития языкового многообразия – лингвистического прогнозирования. Можно констатировать отсутствие в российском научном дискурсе осознания теоретической и практической значимости прогнозирования как инструмента и основы языковой политики и планирования, есть неразработанность концепции, методологии и методов прогнозирования, сценария будущего языкового развития, неопределенности терминологического аппарата этого научного направления. Одними из последних научных работ на эту тему являются следующие публикации автора статьи: [Биткеева и др., 2019; Биткеева, Вингендер, 2020].

В современных же условиях актуализируется потребность в прогнозировании в целях повышения продуктивности мер языковой политики, прогнозирования и предотвращения этнолингвистических конфликтов. Применение метода сценария для экспертной оценки современной языковой ситуации в РФ, ее трендов, идеологий и акторов рассматривается нами как наиболее эффективное и должно впоследствии лечь в основу планирования языковой политики в РФ.

Говоря о будущем лингвистического разнообразия, исследователи подчеркивают: «Трудно точно и конкретно предсказать будущее языков, поскольку это зависит от большого числа факторов: экономических, социальных, политических, психологических, технических и т. д. С другой стороны, можно более четко выделить пути и средства, которые могут быть созданы для управления языками и их распространением» [Chaudenson, 2009: 185]. Поэтому комплексный анализ взаимодействия этих факторов может помочь в разработке будущих сценариев языковой политики. Таким образом, сценарии – это структурно разные истории о том, как может развиваться будущее, и которые оказывают влияние на определенную область. Они представлены таким образом, что дают толчок воображению и отражению, создавая тем самым видение будущего. Сценарии бросают вызов основополагающим предположениям и установленным истинам, они могут применяться для целей стратегического и инновационного развития и планирования в определенном контексте или на уровне страны или индустрии» [Rialland, Wold, 2009: 8]. Сценарии могут применяться для целей стратегического и инновационного языкового развития в стране в целом, отдельных этнических групп в частности, для языкового планирования на федеральном и региональном уровнях. В работах по международным отношениям определены три важные особенности сценариев, они должны быть:

1) правдоподобными, основанными на эмпирическом анализе;

2) инновационными и наводящими на размышления;

3) краткими и содержащими легко коммуницируемые идеи [Davydchuk et al., 2018: 36].

Исследователи в области международных отношений часто используют модель с несколькими сценариями, которые должны дать толчок воображению и отражению реальной языковой ситуации, создавая тем самым видение будущего. Сценарий лучшего развития событий предлагает реально возможные пути к желаемому будущему, сценарий худшего развития событий предостерегает нас от опасного результата.

Сценарий будущего необходимо выводить, с одной стороны, из объективной оценки состояния языковой ситуации, языковой политики и планирования как объективных условий развития, а с другой стороны, с точки зрения субъективного мнения разных групп населения, представляющих как власть, реализующую языковую политику, так и разные группы народа-носителя. Такими могут быть пять групп: 1) люди, обладающие властью; 2) люди, обладающие знаниями; 3) люди, обладающие влиянием; 4) языковые активисты; 5) члены языковых общностей (включая молодежь).

Мы рассматриваем эти сценарии в целях анализа возможных преимуществ и недостатков последствий реализации того или иного типа языковой политики. Такой анализ проясняет вероятность того или иного сценария, некоторые сценарии могут не исключать друг друга.

Метод языковой биографии

Последние несколько лет активно развивается научное направление исследования *языковой биографии*. Термин «языковая биография» сначала использовался довольно узко на индивидуальном уровне в лингводидактическом аспекте, как правило, анализировался автобиографический нарратив жителей территорий многоязычной или диглоссной языковой ситуации, центральной темой были языки, их усвоение и функционал. Сегодня понятие «языковая биография» мыслится шире и развивается особенно активно в контексте междисциплинарных исследований, поскольку исследование языковых биографий затрагивает вопросы миграционной лингвистики, языковых контактов, многоязычия и т.д.

Представляется, что вполне продуктивно экстраполировать опыт исследования языковой биографии с индивидуального уровня на всю этническую группу, проанализировать, как происходит конструирование языковой биографии этнической группы в рамках государственного строя, идеологии и как эти моменты влияют на взаимоотношения большинства и меньшинства, включая различные взгляды широкого спектра участников этого процесса. Языковая биография конструируется в мультивекторном пространстве, состоящем из глобального и локального дискурсивного поля, которые способны генерировать новые дискурсивные поля и новые этапы *языковой биографии* этнической группы. Глобальное

дискурсивное поле, например языковая политика государства, универсально для всех этнических групп одной территории, локальное дискурсивное поле, например репрессии в отношении некоторых народов России в 1930–1940 гг., очевидно, специфично в отношении той или иной этнической группы. Языковая биография этнической группы включает универсальные параметры: исторический контекст (история и условия формирования этнической группы, история сложения языка, история территории, на которой проживает группа); демографическая мощность языка (распространение языка, город/село, тип расселения); коммуникативная мощность языка (языковая компетенция носителей языка, сферы функционирования, миграционный аспект, урбанизация, степень стандартизации языка); символическая мощность языка (отношение к языку носителей, самоидентификация носителей, взаимоотношения большинства к меньшинству (внутригрупповые параметры идентичности и внешние параметры)); политический блок (права и признание прав носителями языка, уровень и степень официального признания языка, идеологический контекст/условия, спецстатус территории/автономизация); география (географическая информация о распространении языка, территориальные особенности проживания группы); религия (тип и сила связи между религией и языком, важность религии на данной территории); образование (вовлеченность группы в сферу образования, тип поддержки языка в школе, законодательное регулирование сферы образования на территории проживания группы); экономический фактор (экономическое состояние группы носителей языка, связь между языком и экономической мобильностью группы, экономическое состояние региона); технологический фактор (представленность группы и языка в СМИ, информированность широкой общественности о данной группе). Комплексный анализ этих параметров делает возможным предположить перспективы языкового развития этнической группы.

Глобальный и локальный уровни взаимосвязаны, локальный всегда зависит от общего, глобального, но у разных групп эта зависимость реализуется по-разному, например языковая ситуация внутри группы зависит от общей языковой политики, внешней ситуации. Кроме того, указанные факторы не в одинаковой степени оказывают влияние на развитие языковой ситуации, в одном случае основной причиной сдвига является экономический фактор, в другом случае – демографическая мощность и т.д. Определение специфики зависимостей в развитии отдельных этнических групп – основная исследовательская задача.

Основным методом получения знаний о языковой биографии являются нарративные интервью, развернутые автобиографические повествования, центральной темой которых являются язык/языки, овладение ими и их использование, дополненное результатами наблюдений за речевым поведением индивидуума. Метод языковой биографии в отношении,

например, бесписьменных языков продуктивен тем, что не имея письменных источников более ранних периодов истории, не имея свидетельств отношения самих народов к тем или иным событиям, например XIX в. – 1917 г., узнаем из рассказов, сохранившихся в памяти народа, через нарративы памяти, нарративы истории, биографические нарративы. Кроме того, возможно из первых рук фиксировать изменения в языковом дискурсе, например в отношении родного языка и т.д.

Метод измерения конфликтогенного потенциала

Разрабатывался метод измерения вероятности возникновения языкового конфликта. Научная новизна заключается в выделении триггеров языкового конфликта, которые были разделены на следующие подтипы:

– внутренние противоречия в языковом сообществе: стремительные изменения устройства сообщества, затрагивающие языковые интересы; события, непосредственно влияющие на появление конфликта, которыми может стать отказ части говорящих от использования родного языка даже в семейно-бытовой сфере, сопровождающийся переходом на другой язык, что ведет к негативному отношению со стороны консервативной части языкового сообщества; это обычно сопровождается растущим негативизмом говорящих по отношению к родному языку и исчезновением языковой лояльности;

– внешние угрозы благополучию языка; одним из триггеров могут стать следующие события: резкие изменения в языковой политике вследствие давления «извне», эскалация языковой дискриминации со стороны говорящих на доминирующем языке, введение ограничений на использование языка или изучение/обучение языку сторонним языковым сообществом.

Оригинальность результатов исследования заключается в том, что определение уровня конфликтогенного потенциала среди говорящих проводилось посредством применения методологии «интегрированной теории угроз», т.е. путем измерения уровня напряженности среди членов языковой общности. Было проведено выявление компонентов, способных угрожать благополучию языка в рамках трех компонентов оценивания уровня возможной напряженности языкового сообщества: реалистичные угрозы, символические угрозы и межгрупповая тревога.

Так, на основе ответов респондентов в Республике Дагестан в рамках «символических угроз» конфликтогенных параметров выявлено не было. Языковой престиж высок, говорящие высоко мотивированы к изучению языка. В рамках «реалистичных угроз», напротив, существует определенная напряженность в рассматриваемом языковом сообществе. Отмечены

отрицательные реакции и проявления дискриминации к разговаривающим на незнакомом языке, некоторые говорящие ощущают дискомфорт, когда слышат речь на незнакомом языке. Часть опрошенных отмечает отдельные случаи возникновения межъязыковых конфликтов. Доминирующее положение русского языка вызывает обеспокоенность у определенной части говорящих на языках Дагестана.

Или, например, на основе ответов респондентов в Республике Татарстан в рамках «реалистичных угроз» выяснилось, что, хотя около 30 % респондентов иногда сталкиваются с языковыми конфликтами, респонденты не считают, что существует угроза целостности существующего языкового сообщества. Межгрупповая тревога находится на среднем уровне: показатели эмоционального, когнитивного и физиологического компонентов не достигают критических уровней. В рамках «символических угроз» также отсутствуют показатели, свидетельствующие о высокой напряженности в языковом сообществе [Биткеева, Кириленко, 2023].

Метод анализа больших данных в изучении языковой политики полиэтнических стран

В период повсеместной цифровизации наблюдается активное вовлечение больших данных в процесс принятия политических решений на всех этапах политико-управленческого цикла. В данном контексте языковая политика многонациональных стран не является исключением, в результате чего применение методов анализа больших данных, будь то оценка общественного мнения относительно сложившейся языковой ситуации в регионе за счет анализа социальных медиа, осуществление мониторинга посредством обработки регулярных статистических данных или применение алгоритмов для оценки причинно-следственной связи тех или иных политических решений в отношении функционального статуса языков – все это открывает новые перспективы для реализации языкового строительства и языкового планирования.

Большие данные (от англ. big data) представляют собой структурированные или неструктурированные массивы данных большого объема, требующие автоматической обработки с целью проведения статистического анализа и дальнейшего прогнозирования перспектив в соответствующей сфере деятельности. Источником больших данных стали так называемый «Интернет вещей», под которым подразумевается сеть передачи данных между физическими объектами с помощью соответствующих устройств, а также социальные медиа – комплекс компьютерных технологий, обеспечивающих создание и объем информации между участниками виртуальных сообществ посредством социальных сетей, интернет-приложений и др.

Выделяют четыре основных метода анализа больших данных: *описательный, диагностический, прогнозный* и *предписательный*. Описательный метод применяется на начальном этапе анализа данных, на котором в результате извлечения информации из массивов данных происходит обобщение и классификация данных. Следующий за ним диагностический метод позволяет с применением алгоритмов машинного обучения проанализировать полученные на предыдущем этапе данные с точки зрения причины произошедших событий и выявить их связь с теми или иными действиями. При этом первые два этапа ограничены причинно-следственным подходом, в результате чего ограничиваются их прогнозные и предписательные возможности. На этапе применения прогнозного метода использование алгоритмов машинного обучения происходит совместно с методами статистического анализа. Предписательный метод подразумевает применение алгоритма оптимизации и моделирования с целью выявления наиболее благоприятного исхода при максимальном снижении рисков. Таким образом, для обработки данных применяются различные технологии, включающие применение специального программного обеспечения для их анализа и визуализации, а также нейросетей для построения моделей на основе этих данных.

Процесс принятия политических решений, отличающийся повышенным вниманием к социальным медиа и социальным процессам, а также возможностям современного программного обеспечения и таким образом отвечающий современным требованиям учета возможностей информационных технологий, в западной литературе принято обозначать термином “policymaking 2.0”.

В результате подобных трансформаций в процессе принятия политических решений сам цикл, с формальной точки зрения, остается неизменным, тогда как все его этапы подвергаются качественным изменениям.

Использование подобных циклов с учетом больших данных представляется весьма перспективным с точки зрения принятия решений относительно вопросов языковой политики полиэтнических стран. Начиная с определения повестки дня, предполагается извлечение больших данных их социальных медиа, которые позволят выявить наиболее острые вопросы в контексте языковой ситуации страны, решение которых является необходимым условием взвешенной языковой политики государства. С применением таких методов, как автоматическая обработка текстов на естественном языке (natural language processing), позволяющей выявить тональность текстов СМИ, социальных сетей и др., представляется возможным осуществление мониторинга языковой ситуации в стране и выявление конфликтогенного потенциала среди граждан на почве языковой нетерпимости или ущемления прав представителей того или иного этноса. Анализ такой важной составляющей языковой

жизни страны, как витальность языка, также предполагает применение алгоритма моделирования на основе таких ключевых факторов, как число носителей данного языка, его статус, наличие/отсутствие письменности, межпоколенной передачи и др.

Таким образом, большие данные открывают новые возможности для анализа текущей ситуации и перспектив применения того или иного политического курса в стране. В итоге языковая политика, как неотъемлемая часть общегосударственной политики, неизбежно претерпевает изменения в эпоху больших данных, в результате чего в настоящее время можно говорить о феномене «языковая политика 2.0» (см.: [Каплунова, 2023]).

4. Метод исследования языковых идеологий в рамках прогнозирования

Для будущего языков России важно изучение языковой культуры и языковых идеологий среди представителей как миноритарных сообществ, так и русского большинства. В современных условиях идентичности языковых и этнических сообществ, а также интернет и социальные сети играют все большую роль для сохранения или исчезновения языков. Проанализированы теоретические наработки в области изучения языковых идеологий и тесно связанного с ними понятия языковой культуры, роль интернета в сохранении миноритарных языков, степень изученности данной проблемы и, наконец, представлены сведения о материалах и методах изучения языковых идеологий и языковой культуры российского общества в контексте прогнозирования. Предлагаемый методический инструментарий включает в себя: 1) *контент-анализ* на материале *корпусов релевантных текстов* с применением одного из инструментов корпусных исследований – программы AntConc (http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/software.html); 2) *дискурсный анализ текстового корпуса*, составленного из материалов СМИ и социальных сетей (новости, тексты и посты на темы языковой политики и языковой ситуации в России, комментарии к ним).

Рассмотренные социолингвистические методы исследования должны стимулировать научные дискуссии, что пойдет на пользу развития целей, задач и методов социолингвистического прогнозирования.

ГИС-технологии являются эффективным инструментом геолингвистических исследований. Географические факторы исключительно важны для объяснения многих языковых явлений, генетических связей между языками и/или диалектами, выявления характера и скорости языковых изменений.

ГИС и база данных социолингвистического прогнозирования включают следующие аспекты: социально-географические и этнографические характеристики; социолингвистические

характеристики; языковая среда; количественные результаты (результаты обработки анкет); растровые изображения (ментальные карты).

5. Принципы коррелятивной многофакторной модели социолингвистического прогнозирования

Основа для метода сценариев в социолингвистике заключается в создании многофакторной модели сценария, которая включает в себя типологические аспекты языковой политики. Модель должна отображать корреляции между признаками и отражать динамику развития языковой политики.

Основные вопросы при создании модели: каковы основные стимулы и ограничения в развитии языков РФ? Каково будущее многоязычия в многонациональной стране?

Рис. 1. Многофакторная модель прогнозирования

Коррелятивная многофакторная модель включает в себя совокупности положительных и отрицательных факторов функционального развития языков, при которых возникает неравномерная дистрибуция языков в многоязычной ситуации на *национальном/федеральном уровне* (исторические травмы, политический, идеологический контексты, географический, экономический, миграционный аспекты, языковое доминирование одного языка относительно другого, сознательная интеграция), *на локальном уровне* (демографическая, коммуникативная

символическая мощности, региональная языковая политика, языковой активизм, языковая компетенция), *на лингвистическом уровне* (степень стандартизации, нормированности языка, оппозиция язык-диалект, наличие письменности, разработанность корпуса и т.д.).

Моделирование этих факторов и их зависимостей, анализ корреляций между ними выявляет результирующие события – языковой конфликтогенный потенциал в языковой общности, языковой активизм, языковой сдвиг, ассимиляцию, языковую смерть и др., что дает возможность моделировать возможные сценарии языкового развития.

Исходя из анализа коррелирующих факторов, влияющих на витальность языка, его функционального развития, возможно проанализировать наиболее эффективные сценарии языковой политики, стимулирующие гармоничное развитие языкового многообразия в России и соответственно моделировать определенные прогностические модели.

Ученые определяют факторы, влияющие на витальность языков, в том числе экономические переменные, урбанизацию, демографию, иммиграцию, дифференцированный уровень рождаемости и использование новых технологий [Chaudenson, 2009: 94]. Чоденсон подчеркивает как проблемы, так и преимущества лингвистической футурологии: «Трудно точно и конкретно предсказать будущее языков, поскольку это зависит от большого числа факторов: экономических, социальных, политических, психологических, технических и так далее. С другой стороны, можно более четко выделить пути и средства, которые могут быть созданы для управления языками и их распространением» [Chaudenson, 2009: 185]. Поэтому комплексный анализ взаимодействия этих факторов может помочь в разработке будущих сценариев языковой политики.

Нами исследовались ключевые факторы прогностических моделей развития языков РФ в ходе полевых исследований в регионах РФ. Так, проведены масштабные социолингвистические обследования в Республике Саха (Якутия), Чеченской Республике, Республике Карелия, Республике Ингушетия, Республике Калмыкия, Республике Татарстан, Республике Тыва, Республике Дагестан, Приморском крае. Анализ данных обследования в данных регионах в рамках многокомпонентной модели прогнозирования позволяет выделить следующие коррелирующие факторы, влияющие на языковую жизнь.

Статус языка. Наличие государственной и институциональной поддержки – наделение официальным статусом языка, проведение мероприятий в рамках различных программ, расширяют функциональный аспект языка, формируют положительный образ языка, повышают его престиж, способствуют его популяризации. Поэтому прогноз для языков, имеющих статус государственных в своих территориях, более благоприятен. Государственный статус способствует их сохранению и развитию, создает основу для принятия лингвоохранных мер.

Следует учесть, что в сферах организованного общения фактически многие функции сегодня выполняет русский язык. Юридический статус языков частично не соответствует сложившемуся реальному распределению функций между языками в республиках, даже в республиках с наиболее высокой витальностью титульного языка. Например, тувинский язык, являясь языком тувинцев, доминирующих в численном отношении в регионе, уже не функционирует как язык межнационального общения и в сферах организованного общения является дополнительным языком. Тем не менее статус государственного языка, определяемый и закрепленный законодательно, «обязывает» региональные власти принимать меры по его сохранению и развитию.

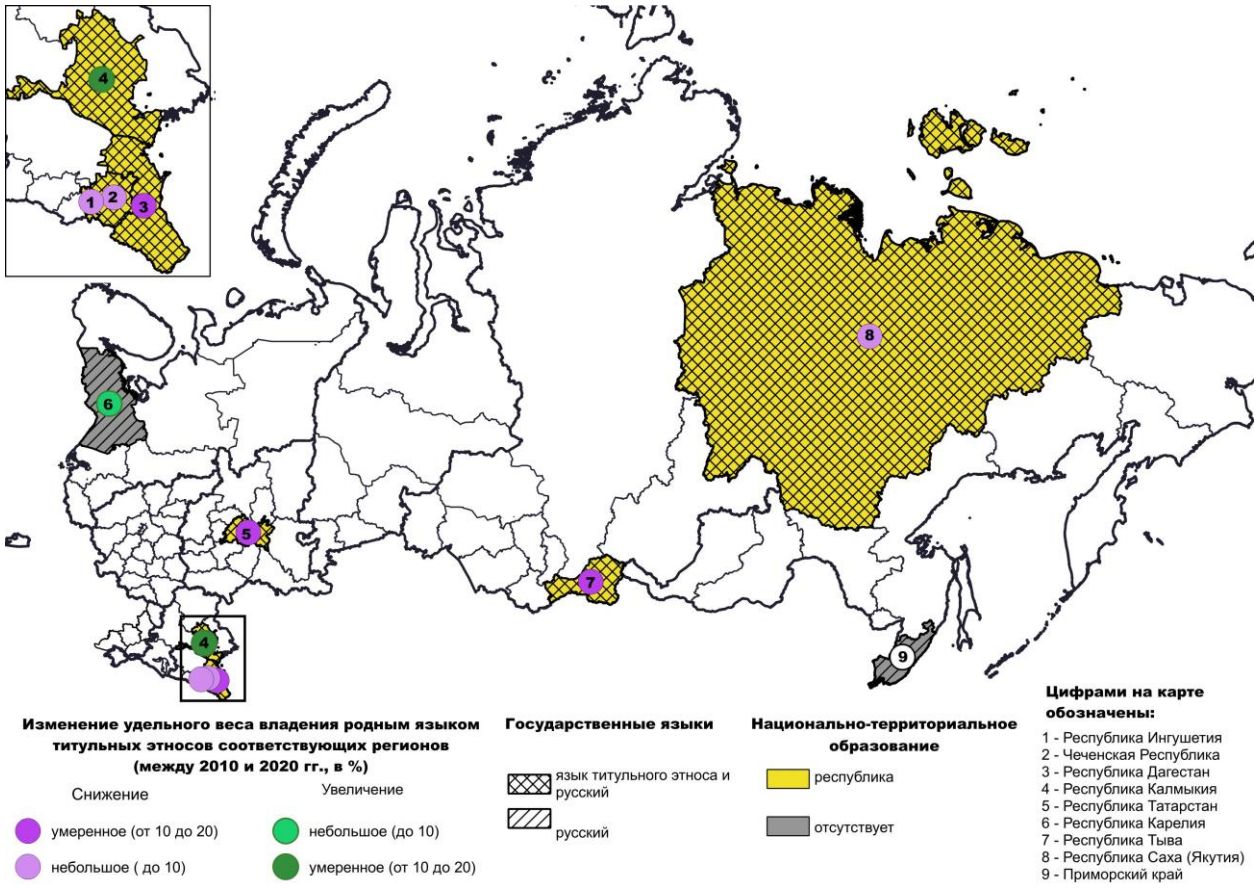

Рис. 2. Статус языка

Исторический фактор. Исторические травмы, негативные идеологический и политический контексты в языковой биографии народа негативно влияют на витальность языка, на демографическую, коммуникативную мощности этнической группы. Например, ассимиляторская политика в отношении тазов в начале XX в., репрессии в отношении калмыков в 1943–1956 гг. привели к потере языка и культуры. Или наоборот, исторический контекст позитивно отразился на языковой ситуации у тувинцев. Относительно тувинского

языка следует выделить два момента, повлиявших на его развитие в период новой истории Тувы. Во-первых, тувинцы имели свою государственность – Тувинскую Народную Республику с 1921 по 1944 гг. Во-вторых, Тува вошла в состав СССР намного позже других национальных республик – лишь в 1944 г. Эти два события сыграли огромную роль для сохранения позиций тувинского языка и его развития.

Политический и идеологический факторы. Латентная языковая политика моноязычия повышает конфликтогенный потенциал, что негативно сказывается на межнациональных отношениях в регионе, наблюдается усиление движений самосохранения этнических групп, в современной форме это языковые активисты. Наиболее гармонична идеология сохранения языкового и культурного многообразия, способствующая сбалансированной языковой ситуации и функциональному развитию языков.

Географический фактор. Географическое расселение этнической группы влияет на витальность языка. Компактность проживания этнической группы способствует гомогенности языка, формированию единых норм языка, не способствует диалектной раздробленности. В плане языковой политики компактный тип расселения языковой общности способствует институциональной и административной поддержке в рамках региональной языковой политики. Следовательно, языковая компетенция на этническом языке в языковой общности выше.

Кроме того, географический горный ландшафт, как правило, предполагает языковое многообразие, что представляет собой, например, Дагестан, являясь «горой языков». Горный рельеф, труднодоступность горных поселений предполагает компактность расселения этнических групп, соответственно более высокую витальность языков. Однако языковая ситуация складывается не совсем однозначная в Дагестане, а именно полиэтничность и многоязычие Дагестана и на этом фоне бесперспективность национальных языков (см.: [Атаев, Ибрагимова, 2021; 2022 и др.]).

Противоположная картина складывается в Туве. Географическое положение Тувы изначально не способствовало массовому проникновению русскоязычного населения. Это во многом обусловило преобладание титульной нации в республике, способствовало компактности проживания тувинцев, а следовательно, сохранению и развитию тувинского языка [Биткеева, Цыбенова, 2022].

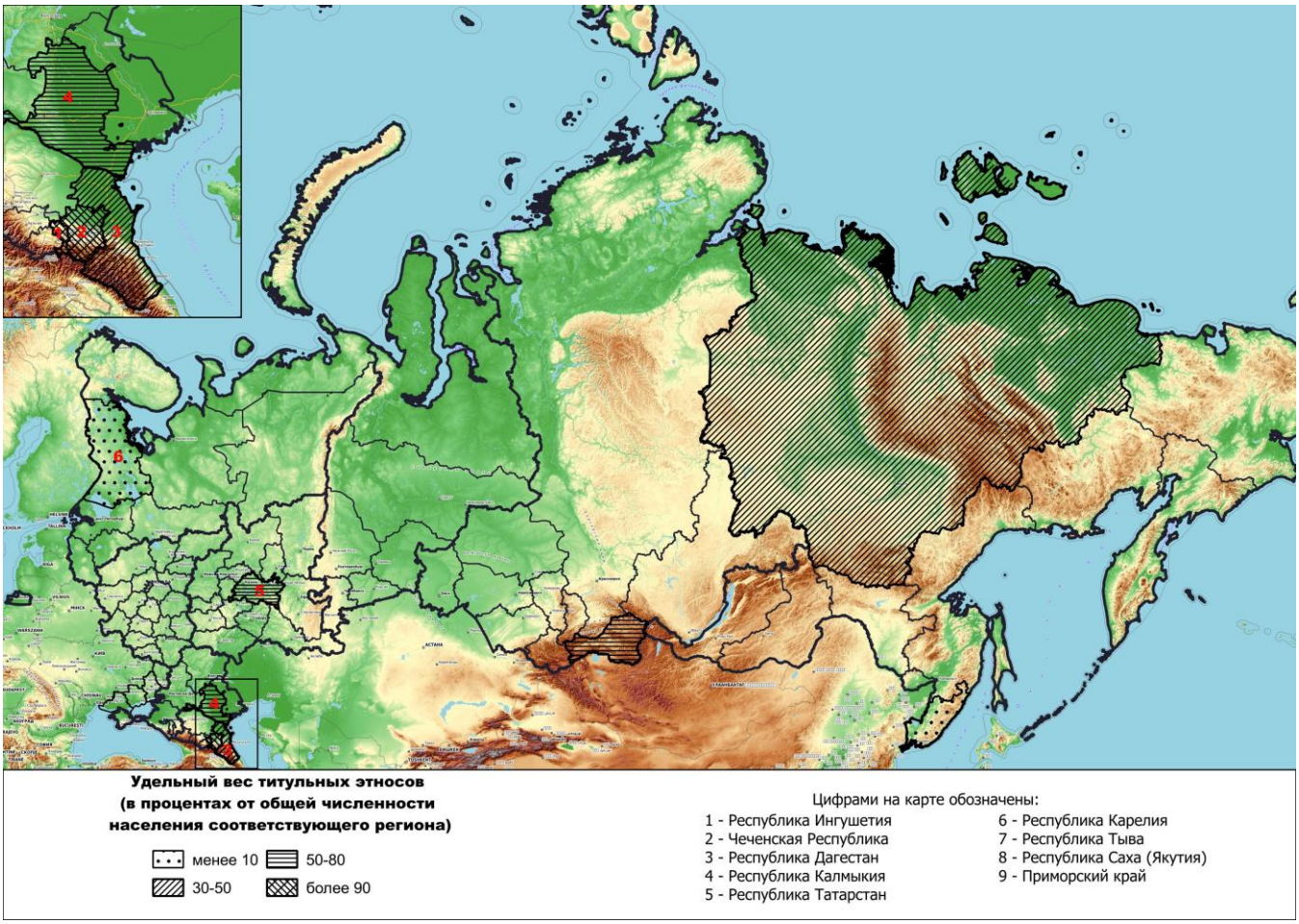

Рис. 3. Географический фактор и язык

Демографический фактор. Стабильная или увеличивающаяся демографическая мощность этнической группы предполагает витальность языка, увеличение его коммуникативной и символической мощности. Постепенное сокращение численности этнической группы уменьшает возможности его гармоничного функционального развития, что может означать переход языковой общности на доминирующий язык, следовательно, на постепенную ассимиляцию.

Экономический фактор. Функциональное развитие языка напрямую зависит от экономической ситуации в регионе. Благоприятный экономический климат в регионе положительно влияет на витальность языка, этнической группе нет необходимости мигрировать, есть условия для поддержания языковой компетенции на языке.

Нестабильная экономическая ситуация вынуждает население выезжать за пределы региона в поисках заработка, соответственно численность языковой общности постепенно уменьшается, что ведет к последовательному исчезновению данного сообщества, его культуры и языка. В регионах РФ с неблагоприятной экономической ситуацией наблюдается сильная

миграция за пределы региона. В иноэтнической полиязычной городской среде постепенно появляется нарушение межпоколенной передачи родного языка детям, развивается асимметричный билингвизм, с постепенным переходом на доминирующий русский язык.

С другой стороны, социально-экономические факторы стимулируют появление новых сфер финансовых услуг, профессиональных услуг, услуг телекоммуникаций. В указанных интегрированных сферах, и таких как рынок услуг, наблюдается доминирование функционально сильного русского языка. Для большинства регионов характерна урбанизация, что ведет к переходу на русский язык. Так, в северных арктических городах наблюдается промышленная миграция, которая не способствует сохранности языка и культуры коренных малочисленных народов [Биткеева, Данилова, 2023].

Наблюдается и такая ситуация относительно экономического фактора и языков. Знание татарского, вепсского и карельского языков приносит как непосредственные, так и опосредованные дивиденды от установления деловых и личных контактов с тюркоязычным и финно-угорским миром до возможностей трудоустройства и подработок в сферах, где необходимо владение данными языками [Хилханова, 2022].

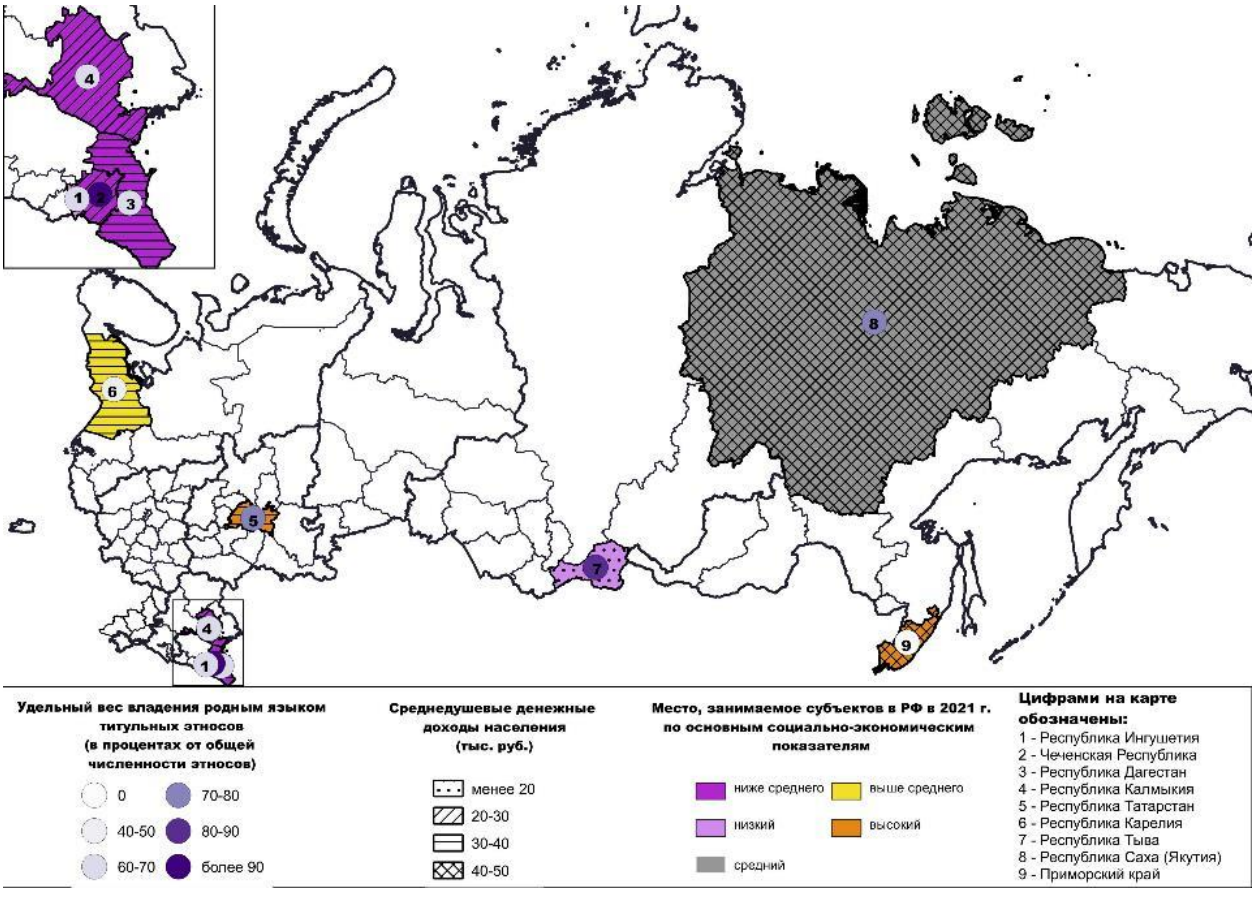

Рис. 4. Экономика и язык

Культурный фактор. Культурный контекст тесно взаимосвязан с будущим языка. Посредством культуры многие приобщаются к языку. Сегодня многие формы культуры в регионах страны привлекают внимание не только самих носителей этой культуры, но и представителей других культур, что способствует высокой языковой компетенции, расширяет его функциональную базу.

Отмечается и противоположное явление – в качестве реального и символического ресурса этничности у многих народов происходит замещение языка религией, и это не оказывает значительного влияния на витальность языка.

Религиозный фактор. Как показало исследование, в регионах РФ наблюдается замещение языка религией в качестве символического ресурса этничности у многих народов. При этом усиление значимости религиозного фактора, как правило, не оказывает значительного влияния на витальность языка. Это явление наблюдается, например, в Дагестане, в Татарстане – отмечается усиление религиозного фактора в регионах, но сильного влияния на витальность языка не наблюдается.

Рис. 5. Религия и язык

Фактор информационно-коммуникативных технологий. Фактор информационно-коммуникативных технологий играет существенную роль для модели прогнозирования. С одной стороны, по мнению носителей языка, это основная причина потери родного языка – происходит естественное освоение русского языка детьми в мононациональных сельских районах через гаджеты, детский канал «Карусель» на российском ТВ. С другой стороны, присутствие языков в интернете стимулирует интерес к его освоению, создает имидж современного языка.

6. Сценарии развития языковой политики в России

Подобный коррелятивный анализ языковых процессов дает хорошие стимулы для развития сценариев языковой политики в стране. На основе рассмотренных корреляций можно сделать следующий вывод относительно наиболее гармоничных и эффективных сценариев языковой политики в России.

Последние годы реализуется сценарий языковой политики «Единство в многообразии», при котором имеет место языковая политика централизации – создание моноязычного пространства в целях организации единого коммуникативного пространства, что ведет к языковой монополии, доминированию русского языка во всех сферах функционирования. В этой стратегии есть определенные угрозы стабильности сложившейся языковой ситуации в сообществе, поскольку выявляется определенная степень неудовлетворенности среди членов языкового сообщества. Сейчас в России наблюдается Resilience effect («эффект самосохранения»), который проявляется в усилении деятельности активистов, этнонациональных движений и т.д. Конфликтогенный потенциал высокий. Негативные эффекты актуальной языковой политики стимулируют активность защитников родного языка, представляющих движение «снизу», языковой активизм, преимущественно из числа национальной молодежи. Как показало наше обследование, есть определенная взаимосвязь между недовольством среди представителей этнических групп и вероятностью появления конфликтной ситуации. Это часто позиционируется, например, движением так называемых языковых активистов.

Видим, что язык может стать эффективным политическим средством давления на разные языковые общности, проживающие в том или ином регионе, о чем свидетельствует опыт использования языка в политических целях в ряде республик бывшего СССР. События последних лет свидетельствуют о возможности *сценария политики языковой монополии*, что может усугубить состояние миноритарных и малоиспользуемых языков. Конфликтогенный потенциал высокий. Возникает протест против дискриминации других языков.

Наиболее оптимальными положительными сценариями языковой политики для России представляются *сценарий полилингвальной языковой политики* и *сценарий либеральной языковой политики*. Суть полилингвальной языковой политики в том, что миноритарные и мажоритарные народы страны обучаются на родных языках, овладевая параллельно общегосударственным языком – русским, региональными языками и иностранными языками через сферу образования. Мажоритарный народ может изучать дополнительные языки, миноритарные народы – изучать государственные федеральный и региональные языки. Полилингвальное образование гарантирует активное гражданское участие в правительственных инициативах.

Элементы же либеральной модели языковой политики, которая также направлена на поддержание функционального многоязычия и гарантирует равные права для всех языковых общностей в некоторых регионах РФ, все больше находит поддержку и на местах реализуется. Так, в Республике Бурятия и Республике Татарстан полагают, что наиболее перспективна реализация языковой политики в первую очередь через муниципальный уровень. Но, поскольку либеральный подход языковой политики предполагает, что языковая общность сама определяет судьбу родного языка и его функциональную дистрибуцию, государство не вмешивается в процессы языкового урегулирования, это требует высокой степени самоорганизации общества. Однако учитывая финансовую и социальную зависимость муниципального уровня от государственного, этот сценарий в целом утопичен в реалиях страны.

Полагаем, что социолингвистическое прогнозирование должно проводиться в рамках общих и частных сценариев развития языков, языковой политики, приоритетом которых должно быть сохранение двух тенденций – соблюдение сохранения языкового единства страны и поддержка и развитие языкового разнообразия многонациональной России. Анализ сценариев языковой политики позволяет выявить вероятность реализации того или иного сценария, определить возможные преимущества и недостатки последствий реализации языковой политики. Очевидно, что рассмотренные сценарии не исключают друг друга и не ограничиваются только этими моделями.

Надеемся, что социолингвистическое прогнозирование, сценарная методика относительно языковой политики в РФ станут основными инструментами языковой политики. Эти подходы связаны с практической задачей сохранения языков России, с созданием толерантного общественного климата, что напрямую связано с предотвращением напряженности в сфере межнациональных отношений.

Литература

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: Динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1. С. 31–37.

Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: Социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Т. 18, № 3. С. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Биткеева А.Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 39–52. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3

Биткеева А. Н., Кириленко С. В. (2023) Измерение конфликтогенного потенциала языковой ситуации: поиск инструментария // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 4. С. 192–207. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.4.15

Биткеева А.Н., Цыбенова Ч.С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4

Биткеева А.Н., Данилова Р.А. (2023) Языковая биография арктического города: (Материалы полевого исследования в городе Анадырь) // Социолингвистика. № 4 (16). С. 92-106. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-92-106

Каплунова М.Я. (2023) Социолингвистические сценарии языкового развития как стимул для мониторинга языковой ситуации в Российской Федерации // Социолингвистика. № 4 (16). С. 53–69 DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-53-69.

*Хилханова Э.В. (*2022) Экономика языка и многоязычие: Опыт исследования в Татарстане // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. № 2 (8). С. 52–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Chaudenson, R. (2009) On the futurology of linguistic development // Globalisation and language vitality: perspectives from Black Africa / Ed.by C.B. Vigouroux, S.M. Salikoko. Pp. 171–190.

Davydchuk, M., Mehlhausen, T., Priesmeyer-Tkocz, W. (2018) The price of success, the benefit of setbacks: Alternative futures of EU-Ukraine relations. Futures 97. Pp. 35–46.

Rialland, A., Wold, K.E. (2009). Future studies, foresight and scenarios as basis for better strategic decisions: Working paper. Trondheim.

Sanchez-Stockhammer, Ch. (Ed.) (2015) Can we predict linguistic change?: An introduction. Available at: http://www. helsinki.fi /varieng/series/volumes/16/introduction.html.

Fishman, J. (2013) Language maintenance, language shift, and reversing language shift // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism. Second Edition / Ed. by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. Blackwell Publishing Ltd. Pp. 466–494.

Gazzola, Michele (2014) The Evaluation of Language Regimes // Theory and application to multilingual patent organisations. Amsterdam; Philadelphia.

Hult, F.M., Cassels Johnson, D. (Eds.) (2015) Research methods in language policy and planning: A practical guide. Chichester; West Sussex.

De Korne, Haley (2012) Improving language policy and planning through evaluation: Approaches to evaluating minority language policies. 27, (2). Retrieved from: https:// repository.upenn.edu /wpel/vol27/iss2/3.

Paulston, Christina B. (1994) Linguistic Minorities in Multilingual Settings. // Implications for language policies. Amsterdam.

Ramirez, R., Mukherjee, M., Vezzoli, S., Kramer, A.M. (2015) Scenarios as a scholarly methodology to produce “interesting research”. Futures 71. Pp. 70–87.

Reference

Bitkeeva, A.N. (2018) Razvitie yazykov Rossijskoj Federacii: Dinamika, problemy, prognozy [Development of languages of the Russian Federation: Dynamics, problems, prognosis]. Voprosy filologii. No. 1. Pp. 31–37. (In Russ.)

Bitkeeva, A.N. Wingender, M., Mikhalchenko, V.Yu. (2019) Prognozirovanie i yazykovoe mnogoobrazie v Rossijskoj Federac: Sociolingvisticheskij aspekt *[*Prognosis and linguistic diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic aspect]. Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics. Vol. 18, No. 3. Pp. 6–23DOI: 10.15688.jvolsu2.2019.3.1. . (In Russ.)

Bitkeeva, A.N. Model' sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniia i aktual'nye tendentsii iazykovoi politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic prognosis and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *New Research of Tuva.* No. 4. Pp. 38–52. (In Russ.). DOI: 10.25178.nit.2022.4.3

Bitkeeva, A.N., Tsybenova, Ch.S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*. No. 4. Pp. 6–27. (In Russ.). DOI: https: doi.org.10.25178.nit.2022.4.1

Bitkeeva, A.N., Danilova, R.A. (2023) Language biography of the Arctic city: (On the material of the field research in Anadyr). Sociolinguistics. No. 4 (16). Pp. 92-106. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-92-106

Kaplunova, M.Ya. (2023) Sociolinguistic Scenarios of Language Development as a Stimulus for Monitoring the Language Situation in the Russian Federation. Sociolinguistics. No. 4 (16). Pp. 53–69. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-53-69

Chaudenson, R. (2009) On the futurology of linguistic development. Globalisation and language vitality: Perspectives from Black Africa. Ed.by C.B. Vigouroux, S.M. Salikoko. Pp. 171–190.

Davydchuk, M., Mehlhausen, T., Priesmeyer-Tkocz, W. (2018) The price of success, the benefit of setbacks: Alternative futures of EU-Ukraine relations. Futures 97. Pp. 35–46.

Rialland, A., Wold, K.E. (2009). Future studies, foresight and scenarios as basis for better strategic decisions: Working paper. Trondheim.

Sanchez-Stockhammer, Ch. (Ed.) (2015) Can we predict linguistic change?: An introduction. Available at: http:.www. helsinki.fi.varieng.series.volumes.16.introduction.html.

Fishman, J. (2013) Language maintenance, language shift, and reversing language shift. The Handbook of Bilingualism and Multilingualism. Second Edition. Ed. by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. Blackwell Publishing Ltd. Pp. 466–494.

Gazzola, M. (2014) The Evaluation of Language Regimes: Theory and application to multilingual patent organisations. Amsterdam. Philadelphia.

Hult, F.M., Cassels Johnson, D. (eds.) (2015) Research methods in language policy and planning: A practical guide. Chichester; West Sussex.

De Korne, Haley (2012) Improving language policy and planning through evaluation: approaches to evaluating minority language policies. 27 (2). Available at: https: repository.upenn.edu. wpel.vol27.iss2.3.

Paulston, Christina B. (1994) Linguistic Minorities in Multilingual Settings: Implications for language policies. Amsterdam.

Ramirez, R. Mukherjee, M., Vezzoli, S., Kramer, A.M. (2015) Scenarios as a scholarly methodology to produce "interesting research. Futures 71. Pp. 70–87.

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 НИИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multicultural Russia as an example”.

Биткеева Айса Николаевна – доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Bitkeeva Aisa Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Для цитирования: *Биткеева А.Н.* О концепции, методологии и перспективах социолингвистического прогнозирования: (На примере многоязычной Российской Федерации) // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). Стр. 9–34. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-9-34

For citation: *Bitkeeva, A.N.* Concept, methodology and prospects of sociolinguistic prognosis: (Multilingual Russia as an example) // Sociolinguistics. 2023. No. 4 (16). Pp. 9–34 (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-9-34

The article was submitted 07.11. 2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 10.12.2023

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

LANGUAGE PLANNING AND SOCIOLINGUISTIC PROGNOSIS

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-35-52

СУБЪЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ В СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ И МЕТОДЫ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАКУРСЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Эржен В. Хилханова
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация
Доржи Л. Хилханов
Московский городской педагогический университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются две взаимосвязанные теоретические проблемы: во-первых, использование субъективных данных вообще и языковых идеологий и языковых установок в частности для прогнозирования функционального и коммуникативного будущего языков; во-вторых, противоречие между субъективными данными в качестве объекта исследования и методами их изучения, особенно в прогностическом аспекте. В предиктивной аналитике доминируют количественные методы, а в исследовании субъективных данных – качественные методы. Авторы приходят к выводу, что такие когнитивно-бессознательные феномены, как языковые идеологии и языковые установки, непригодны для социолингвистического прогнозирования, если опираться только на них. Однако при сочетании с количественными данными они могут дать доступ к причинам и контекстам «сухих» цифр, показав более многомерную картину функционирования языков в настоящем и будущем. Кроме того, повысить объективность прогноза и снизить потенциальные ошибки может использование групповых экспертных методов, например метода «Дельфи». Наконец, в статье говорится о разнице между языковыми установками и языковыми идеологиями в прогностическом ракурсе. Изучение первых для прогнозирования практически бесполезно. Языковые же идеологии, точнее глобальные идеологии, частью которых они являются, имеют некий прогностический потенциал, однако анализ глобальных идеологических трендов выходит за рамки социолингвистики.

***Ключевые слова**: субъективные данные, языковые идеологии, языковые установки, качественные методы, триангуляция методов, (социолингвистическое) прогнозирование, советская идеология*

SUBJECTIVE DATA IN SOCIOLINGUISTICS AND THEIR RESEARCH METHODS FROM THE PROGNOSTIC PERSPECTIVE

Erzhen V. Khilkhanova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Dorzhi L. Khilkhanov
Moscow City University, Russian Federation

The article deals with two interrelated theoretical problems: firstly, the use of subjective data in general and of language ideologies and language attitudes, in particular, to predict the functional

and communicative future of languages; secondly, the contradiction between subjective data as a research object and their research methods, especially in the prognostic aspect. Quantitative methods dominate in predictive analytics, and qualitative methods dominate in the study of subjective data. The authors come to the conclusion that such cognitive and unconscious phenomena as language ideologies and language attitudes are unsuitable for sociolinguistic prognosis if we rely only on them. However, when combined with quantitative data, they can give access to the causes and contexts of "dry" figures, showing a more multidimensional picture of functioning of languages in the present and future. Also, the use of group expert methods, for example, the Delphi method, can increase the objectivity of prognosis and reduce potential errors. Finally, the article talks about the difference between language attitudes and language ideologies in a prognostic perspective. Studying language attitudes is practically useless for prognosis. Language ideologies, more precisely, the global ideologies of which they are a part, have some prognostic potential, but the analysis of global ideological trends goes beyond sociolinguistics.

***Keywords**: subjective data, language ideologies, language attitudes, qualitative methods, triangulation of methods, (sociolinguistic) prognosis, Soviet ideology*

1. Введение

Сочетание объектов исследования, носящих субъективный характер и традиционно изучаемых качественными методами, с одной стороны, и прогнозирования – с другой, является как минимум нетривиальным занятием. На то есть по меньшей мере три причины.

Во-первых, несмотря на то, что о предсказании путей развития языков писали еще в начале XX в. такие крупнейшие российские лингвисты, как И.А. Бодуэн де Куртенэ и Е.Д. Поливанов, сама лингвистическая прогностика, как справедливо отмечает П.Б. Паршин, никогда не относилась в лингвистической науке к числу респектабельных занятий, хотя интерес общественности к будущему языков как был, так и остается, как, впрочем, и ко всяким другим прогнозам [Паршин, 2013]. «Нереспектабельности» лингвистической прогностики/ прогнозирования способствовало как отношение лингвистов к этому занятию, так и ошибочность прогнозов, в частности социолингвистических, которые «делаются особенно охотно и не сбываются особенно часто. Большинство прогнозов, сделанных советскими учеными 20–40-х годов в отношении развития языковых ситуаций не только в СССР, но и в других странах, не подтвердились» [Алпатов, 2023: 379].

Во-вторых, лингвистическое прогнозирование не является сформировавшимся направлением, хотя прогнозы делались многими лингвистами, помимо вышеупомянутых [см. об этом: Алпатов, 2023: 375–382]. В этой же работе[1] В.М. Алпатовым дается обобщение оснований, на которых делались прогнозы, или гипотезы, о языковом будущем: 1) экстраполяция; 2) аналогия; 3) системность; 4) априорность. Вероятно, третье основание, представляет собой частный случай второго [Там же: 376].

[1] Впервые данная работа была опубликована в 2000 г.

Наконец, качественные методы не относятся к тем, которые обычно используются для предиктивной аналитики, ставшей столь популярной в различных областях: медицине, маркетинге, рекламе, PR, политике, спорте, экологии и особенно в финансовой аналитике, где она достигла значительных успехов, в то время как в области социальных процессов предиктивная аналитика еще не набрала обороты [Pilgun, Gabdrakhmanova, 2020].

Говоря о лингвистическом прогнозировании, очень важно прояснить, о каком «будущем языка/языков» идет речь. Если речь идет об одном конкретном языке, то как обычных людей, так и специалистов интересует одна из двух вещей:

− как изменится и изменится ли вообще структура языка на ее различных уровнях (фонетика, морфология, лексика, синтаксис, структура текста);

− как изменится его функционирование (каков будет набор его вариантов и разновидностей; в каких коммуникативных ситуациях и как они будут употребляться и т.д.).

Если речь идет о будущем множества существующих на настоящий момент на планете языков – изменится ли их число и за счет каких процессов, а именно:

− как изменится их распространение в мире (фактически – как будет через столько-то лет выглядеть языковая карта мира);

− изменится ли и как именно социолингвистический и правовой, в том числе международно-правовой, статус тех или иных языков;

− каково будет соотношение различных языков мира, будут ли они конкурировать между собой и если да, то как, или же их функции будут распределены естественно или искусственно;

− как будет осуществляться общение между нациями и этносами, пользующимися разными языками;

− каковы перспективы искусственных языков и т.д. [Паршин, 2013].

Примером исследований, условно говоря, первой группы, т.е. структурного плана является монография А.А. Кретова об основах лексико-семантической прогностики. Работа построена на анализе лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия, на основе которого автор пытается прогнозировать ход ее дальнейшего развития, в частности появление новых лексико-семантических вариантов и изменение функциональной нагрузки на лексико-семантическую единицу [Кретов, 2006]. Автор выделяет «*футурогностику* (экстраполяцию тенденций развития), направленную на познание будущего состояния языка, *онтогностику* (“восполняющую экспликацию”), направленную на познание современного состояния объекта, и *ретрогностику* (“анализ пережитков”, реконструкцию), направленную на познание прошлых состояний объекта» [Кретов, 2006: 8, 9].

Прогнозирование, о котором говорится в настоящей статье, относится ко второй группе и связано с функционированием языков и возможностью (или невозможностью) использования субъективных данных в целях прогнозной аналитики (Predictive Analytics). Это теоретическое исследование, методологически расположенное в рамках социолингвистики, а не предиктивной аналитики как таковой. Из широкого спектра субъективных (социо)лингвистических данных в фокусе настоящего исследования находятся языковые установки и языковые идеологии.

Вначале необходимо кратко оговорить, что мы считаем необходимым разделять понятия *языковые установки* и *языковые идеологии*, поэтому рассматриваем их в отдельных разделах. Мы исходим из того, что реальность вообще не нейтральна, а пронизана идеологиями/идеологией, которая «производится внутри самого субъекта и самим субъектом, хотя и под контролем и влиянием» [Рубцов и др., 2016: 31]. Это (вос)производство ценностных и поведенческих ориентиров свойственно и идеологии, и установке, но идеологии рационализируются в большей степени, чем установки. И (языковые) установки, и (языковые) идеологии могут быть и индивидуальными, и коллективными, но установки в первую очередь индивидуальны, а идеологии больше коллективны. Идеологии усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных социальных же обстоятельствах и имеют социальные последствия. (Языковые) идеологии представляют собой более широкое и абстрактное понятие, чем языковые установки (подробнее см.: [Хилханова, 2022]).

Использование субъективных, «привязанных к человеку» данных и связанных с ними качественных методов исследования в социолингвистике все еще представляет собой теоретическую и методологическую проблему, которая заслуживает отдельного комментария сама по себе и тем более – в ракурсе прогнозирования.

2. Субъективные лингвистические данные и качественные методы в прогностическом аспекте

Нам уже доводилось писать о том, что субъективные данные, «привязанные» к говорящим, создают наибольшие сложности при любой аналитике [Хилханова и др., 2016]. Если говорить о социолингвистике, субъективные данные (такие как оценки и установки говорящих, идентичности, идеологии, преломление культурного контекста в сознании человека и т.п.) долго оставались вне зоны интересов социолингвистов как «ненаучные», в отличие от «объективных» данных – изменений самого языка или количественных данных.

Более сильное и продолжительное, чем в западных социальных науках, недоверие к субъективным фактам и факторам было характерно для советской социолингвистики;

социолингвистами исследовались либо внешние, социальные аспекты языковых ситуаций, либо структурные (внутриязыковые) изменения, происходящие с контактирующими языками. Об этом свидетельствует и отсутствие ряда обозначающих субъектность терминов (языковые установки, агентивность, актор и т.д.) в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 г. [Лингвистический энциклопедический...,1990], его втором издании – Большом энциклопедическом словаре по языкознанию 1998 г. [Языкознание. Большой энциклопедический..., 1998], в «Словаре социолингвистических терминов» 2006 г. [Словарь социолингвистических…, 2006][2].

Это происходило в том числе и потому, что существовавшие в то время подходы и методы не очень подходили для изучения этих субъективных данных. Доминировавший в советский период метод анкетного опроса, несмотря на свои очевидные преимущества, недостаточен для получения достоверных данных аксиологического плана, т.к. известно, что социальная оценка идиомов носит, как правило, подсознательный характер и редко вербализуется. Поэтому ученые многократно предостерегали от использования только прямого метода для анализа языковых установок, поскольку он либо может не выявить «истинные» языковые установки, о наличии которых не догадываются сами респонденты, либо опрашиваемые могут не признаваться в тех или иных оценках языков по разным соображениям – стыда, престижа и т.д. [Ferrer, Sankoff, 2003; Woolard, Gahng, 1990].

Этнографические подходы с их вниманием к людям, их мнениям и установкам, контекстам их действий и (речевого) поведения появились в западной науке примерно с конца 1990 – начала 2000-х годов. [Ricento, Hornberger, 1996; Reclaiming the Local..., 2005]. Экспериментальные методы появились раньше – в 1960-х годах, и первенство здесь принадлежит также западной науке. Так, «классический» метод для выявления языковых установок – «техника парных масок» (matched guise technique – MGT) – был изначально разработан У. Ламбертом и его коллегами в Канаде. Метод был предназначен для изучения языковых установок франко- и англоговорящих канадцев по отношению к своей и другой языковой группе. Он построен на так называемом семантическом дифференциале Ч. Осгуда и базируется на механизме стимул–реакция [подробнее об этом см., напр.: Вахтин, Головко, 2004; Хилханова и др., 2016].

В современной социолингвистике и смежных с ней науках «человеческому фактору» уделяется значительно больше внимания (в лингвистической антропологии этот фактор является ключевым). Тем не менее в целом проблема признания важности *субъективного,*

[2] В «Словаре социолингвистических терминов» языковые установки лексикографированы как социальные установки.

человеческого существует не только в лингвистике, но и в других областях гуманитарного знания в России, особенно в прикладном, практическом аспекте. Ученые говорят о проблеме учета этого знания в реальной политике и управлении, в социально-экономической практике. Свидетельств тому много: это и отсутствие гуманитарных наук в списке приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, утвержденных указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899; преимущественно технологическая направленность национального проекта «Наука и университеты» (сроки реализации с 01.10.2018 по 31.12.2024); закрытие фонда РФФИ, который считался почти единственным фондом, который поддерживал гуманитарные дисциплины.

Как пишет А.В. Рубцов, «провал на месте включенного гуманитарного знания зияет в прогнозах и сценариях, в документах стратегического планирования. Это видно по структурам мозговых центров, по аналитике и креативу, по составу проектов и экспертов, по повесткам дня. Лишними украшениями здесь смотрятся категории сознания и психологии, этики и морали, ценностей и норм, архетипов и поведенческих стандартов, уроков истории и образов будущего, самооценки и гуманитарного потенциала» [Рубцов и др., 2016: 88]. Автор называет это *инженеризмом* (курсив мой – *Э.Х.*), проистекающим «еще и от неуважения и даже откровенного презрения к человеку и людям, когда “эффективные” меры принимаются, даже если они вопиюще некрасивы (в этическом смысле). Сказано: XXI в. будет веком гуманитарного знания – или его не будет вовсе. Это справедливо и в отношении страны <…> завтра, в свете «непредвиденных», но запрограммированных обвалов выяснится, что для соответствия вызову времени этой политике (политикам) просто не хватило масштаба, исторического и человеческого» [Там же: 89].

Тем не менее если говорить о проекции будущего, субъективные данные, в том числе и (социо)лингвистические, хоть и не очень востребованы государством, все же используются в прогнозной аналитике. До недавнего времени не только в лингвистике, но и в других областях – маркетинге, экономике, политике – трудность формализации трудноструктурируемого набора эмоций, представлений, идей и других когнитивных объектов, находящихся «в голове» индивида и группы, почти исключало их из прогнозной аналитики.

Следующая схема (рис. 1) в наглядной и простой форме показывает, что из себя представляют и как соотносятся друг с другом эти феномены:

Рис. 1. Объекты и направления качественных исследований

В текстовом виде схему можно пояснить так:

- то, что люди говорят – это речь, дискурс;
- то, что люди делают – поведение;
- значения, потребности и желания – это эмоциональные драйверы, сознательные и бессознательные, т.е. изучение психики;
- культура, понимаемая в широком смысле слова – это культурные факторы и смысловые системы, исследующие общие культурные смыслы, нормы и кодексы [Sage encyclopedia..., 2008].

Мы видим, что эти исследовательские объекты и, соответственно, направления качественных исследований все вращаются вокруг человека и тесно переплетены друг с другом. Это, конечно же, тот случай, когда каждый из исследуемых объектов очень сложен и не поддается чисто математическому описанию (см. об этом далее). Как уже было сказано во Введении, в нашей работе рассматриваются только два феномена и возможность их использования для прогнозирования: *языковые установки* и *языковые идеологии*. Они могут выражаться как в речи (то, что люди говорят), так и в действиях (то, что люди делают). Безусловно, языковые установки и языковые идеологии относятся к сфере субъективного, психического, но в то же время и социального. Наконец, они являются частью культуры, т.к., с одной стороны, они культурно-детерминированы, с другой – формируют культуру общества, в том числе и языковую (см. рис. 1).

Между социально-антропологическими феноменами в качестве *объекта* исследования и *методами* их изучения, особенно в прогностическом аспекте, существует трудноразрешимое

противоречие. В прогнозировании доминируют количественные методы, а в исследовании языковых идеологий, языковых установок и других объектов, подспудно присутствующих в кружочках схемы 1 – качественные методы. Здесь, однако, существуют определенные подвижки.

Несколько раньше считалось, что сфера знаний под названием Predictive Analytics взаимодействует исключительно с точными выборками и величинами, а точность прогнозов напрямую зависит от качества взятых во внимание показателей. Чем больше сведений и достовернее цифры, тем выше шанс на получение достойной и по-настоящему работающей модели. При этом считается, что экономические условия, действия конкурентов, предпочтения потребителей, а также *другие социальные явления* (курсив мой. – *Э.Х.*) носят непредсказуемый характер [Пивоваров, 2014].

Соответственно, из двух групп методов прогнозирования – *интуитивных* (качественных) и *формализованных* (количественных) предпочтение раньше отдавалось только формализованным методам. Считалось, что место применения интуитивных методов прогнозирования, имеющих дело с суждениями и оценками (в первую очередь, экспертов) – это те случаи, когда система, поведение которой необходимо спрогнозировать, или очень сложна и не поддается математическому описанию, или очень проста и в таком описании не нуждается [Armstrong, 1999]. Впоследствии отрицание пригодности для прогнозирования «непредсказуемых социальных явлений» и связанного с этим предпочтения только количественных методов сменилось на более интегративный подход. Сегодня в подходах к исследованию будущего интеграция количественных и качественных методов считается одним из трех основных трендов [Чулок, 2021].

Для анализа качественных данных используются как индивидуальные, так и коллективные экспертные методы. К последним относятся такие, как метод синектики, метод комиссий, «мозговой штурм», метод «Дельфи». Последний считается одним из наиболее надежных как при краткосрочном, так и при среднесрочном прогнозировании. Метод «Дельфи» заключается в индивидуальном письменном опросе экспертов в несколько этапов по специальной процедуре. Перед началом следующего этапа экспертам оглашают итоги предыдущего, для того чтобы дать экспертам дополнительную информацию о предмете опроса. Итогом данного метода является сведение мнений экспертов к узкому диапазону, т.е. все эксперты должны прийти к общему мнению. При построении прогноза с помощью метода «Дельфи» может привлекаться до 150 экспертов [Высочина, Афонина, 2019].

3. Языковые установки и их прогностический потенциал

Более определенным и достаточно хорошо изученным в науке является вопрос о наличии (а точнее, отсутствии) прогностического потенциала у языковых установок (далее – ЯУ), чем у языковых идеологий (далее – ЯИ). Вопрос о том, можно ли на основании выявленных установок предсказать поведение человека, ставился еще в XX в. То, что установки и реальное поведение часто не совпадают, было доказано еще в 1960-х годах экспериментальным путем. Так, А. Викер изложил результаты эмпирического исследования с участием 42 информантов, в котором он сравнил сформулированные эксплицитно установки с поведением информантов. Корреляция между установками и поведением составила в его исследовании около 0,1513, из чего он сделал вывод, что установки, вероятно, лишь в слабой степени или вообще не коррелируют с поведением [Wicker, 1969; цит. по: Eagly, Chaiken, 1993: 157].

Следствием этой и других публикаций об установках явилось признание неустойчивости связи между установками и поведением. Соответственно, посредством анализа установок невозможно предсказать поведение человека – слишком много других контекстуальных факторов, модифицирующих это поведение. Согласно Фишбайну и Азьену, когда люди решают действовать определенным образом, на это решение лишь частично влияют их «соответствующие установки»; на это также влияют суждения этих людей о нормативной желательности их действий (что подумают другие люди?) и другие факторы [Fishbein, Azjen, 1975; цит. по: Potter, Wetherell, 1987].

В исследованиях на стыке социальной психологии и дискурсного анализа вообще ставится под сомнение релевантность понятия установки и целесообразность ее поисков. Так, Дж. Поттер и М. Везерелл доказывают, что дискурсный анализ с его контекстуальным фокусом более эффективен и достоверен, чем выявление установок «как они есть». В их версии дискурсного анализа основное внимание уделяется самому дискурсу, тому, как он организован, а не тому, как через дискурс найти путь к сущностям или явлениям, лежащим «за пределами» текста, включая установки [Potter, Wetherell, 1987: 49]. Эта позиция строится на ключевом положении, что дискурсы не просто *отражают* объекты, события и категории, ранее существовавшие в социальном и природном мире. Скорее, они активно *конструируют* версию этих вещей. Они не просто описывают вещи; они «делают вещи» (do things) [Там же: 6]. В плане установок это означает, что и установки создаются, конструируются прямо в процессе порождения дискурса под влиянием как одномоментных, случайных факторов (напр., фактора собеседника или ситуативного контекста), так и более устойчивых и продолжительных детерминантов (политических, идеологических и т.д.).

Несмотря на всю убедительность аргументов Поттера и Везерелл, все же нельзя со стопроцентной точностью сказать, что установок как таковых, вне дискурса, не существует. Огромное количество теоретических и эмпирических работ, посвященных (языковым) установкам, а также экспериментальное исследование одного из авторов настоящей статьи, проведенное в 2013 г. с целью выявления установок по отношению к русскому и бурятскому языкам [Хилханова и др., 2016], заставляют все же усомниться в этом. Дискуссия на эту тему выходит, однако, за рамки проблематики нашей статьи. Но что с достоверностью вытекает как из вышеупомянутого эксперимента, так и из публикаций на тему (языковых) установок – это то, что предсказать речевое поведение индивида на основании ЯУ можно лишь с учетом комплекса задействованных в ситуации факторов. Мы не можем выделить в поведении влияние ЯУ (равно как и любой установки, не только языковой) в «чистом» виде.

Но при этом верно обратное: именно на основании определенных актов поведения и высказываний субъекта можно сделать вывод, вернее предположение, о наличии у него определенной (языковой) установки / установок. Другими словами, речевое и неречевое поведении индивида или группы может обнаруживать наличие у них определенных ЯУ.

Что касается методов изучения ЯУ, наиболее адекватными считаются экспериментальные и косвенные методы (подробнее см.: [Хилханова и др., 2016; Khilkhanova, 2019]). Те, кто отрицает существование «истинных» установок, считая, что они конструируются в процессе порождения дискурса, полагаются, соответственно, на метод анализа дискурса [Potter, Wetherell, 1987]. Но в любом случае речь идет о вариациях качественных методов.

Таким образом, подводя итог, нужно сказать о том, что для прогнозирования изучение ЯУ практически бесполезно. Их изучение ценно в экспланаторном, т.е. в «обратном» плане: связь «(речевое) поведение → языковая установка» может многое сказать о «говорящем человеке» или группе.

4. Языковые идеологии и их прогностический потенциал

Вопрос о возможности языковых идеологий повлиять на функционирование языков в будущем, насколько нам известно, не ставится в научной литературе – обычно действие языковых идеологий изучается в настоящем или прошлом. В работах на тему ЯИ только иногда упоминается, что, к примеру, распространенность определенных идеологий может повлиять на ревитализацию какого-то языка/языков – как правило, негативно. Среди таких идеологий лингвистами называется обычно фольклоризация, гипертрадиционализация (см., напр.: [Sallabank, Marquis, 2018]), ассоциация языка только с прошлым и стариной (см., напр.:

[Боргоякова, Гусейнова, 2017]). Многие идеологии вращаются вокруг понятий легитимности и «владения» языком, аутентичности, причем последняя идет рука об руку с пуризмом [Pischlöger, 2016].

Среди методов изучения ЯИ однозначно доминируют качественные методы (напр., различные вариации дискурсного анализа: критический дискурсный анализ, тематический контентный анализ). Даже если используются количественные методы, сами исследователи приходят к выводу об их недостаточности. В качестве примера можно привести исследование ЯИ с применением методов корпусной лингвистики [Vessey, 2017]. В этой работе задействованы статистически значимые функции/инструменты корпусных лингвистических программ для идентификации и исследования языковых идеологий в корпусах канадских газет на английском и французском языках. Франкофонные и англофонные идеологии анализировались с применением функции *частотности* (подсчета и представления релевантных словоупотреблений, встречающихся в корпусе), *конкорданса* (все контексты слова или словосочетания в корпусе), *ключевых слов*. Несмотря на удобство корпусного метода, автор отмечает и его ограничения, считая главным недостатком «отсутствие контекстуальной насыщенности» (lack of contextual richness). Поэтому делается вывод, что именно *сочетание* (курсив мой. – *Э.Х.*) корпусной лингвистики и этнографии могло бы улучшить и углубить исследования ЯИ [Там же: 293].

То, что трудно предсказать, как действие вышеупомянутых и других ЯИ проецируется в будущее, совершенно оправданно – ЯИ изменчивы и трансформативны, и слишком много факторов, которые могут «вмешаться» в описанное в какой-то период действие ЯИ, как и в случае с ЯУ (см. раздел 3).

Однако посмотрим на другой, довольно очевидный факт – ЯИ тесно связаны с более глобальными (государственными и т.п.) идеологиями. В странах с демократическими режимами больше идеологического плюрализма, в странах с более авторитарными режимами идеологии, разделяемые «верхами», довольно эффективно транслируются всему обществу, определяя и более «частные» идеологии, в том числе и языковые. Например, как показывает история, если страна берет идеологический курс на единение и централизацию, это, как правило, идет рука об руку с монолингвальной идеологией. Так было в Советском Союзе, когда идеология единения страны, сформировавшаяся во второй половине 1930-х годов и окончательно зафиксировавшаяся в 1950-е годы, имела совершенно определенные последствия для функционирования языков в стране, а именно курс «на ускоренную русификацию, во многом на возврат к царской политике, хотя официальные лозунги равноправия языков не изменились <.> Максимума русификация достигла при Н. С. Хрущеве, считавшем, что по мере

продвижения к коммунизму должны отмирать всяческие различия, в том числе языковые; в конце 50 – начале 60-х годов уже почти не велось образование на языках меньшинств (исключая лишь языки союзных республик)» [Алпатов, 2013: 22].

Именно эта область – анализ «глобальных», масштабных идеологий – имеет определенный прогностический потенциал. Зная общие идеологические тренды, можно предсказать и языковую политику страны. Однако сами глобальные тренды предсказать трудно. Так, на Западе в XX в. было много квалифицированных советологов, но только некоторые предсказали развал СССР (см. об этом также: [Алпатов, 2000: 208]). К таким относился, например, З. Бжезинский, чья статья «Советской империи грозит самораспад» в 1989 г. вышла в журнале «Родина» [Прогнозы иностранных специалистов, 2016]. Поскольку в кризисное время спрос на прогнозирование увеличивается, мы сегодня также являемся свидетелями построения различных сценариев будущего как для России, так и для всего мира, включая прогнозирование идеологических трендов. Однако с дисциплинарной точки зрения анализ «глобальных» идеологий в прогностическом аспекте уже не является (социо)лингвистической задачей – это дело футурологов, политологов, философов и т.д.

Попытки выработать сценарии функционального развития языков России делаются в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)» (см., напр.: [Каплунова, 2020; Биткеева, 2022]). Принципиальная возможность создания сценариев будущего и прогностических моделей здесь обеспечивается наличием как качественных (напр., ЯУ и ЯИ), так и количественных данных (напр., сведения о демографической и коммуникативной мощности языков).

При наличии же только субъективных данных, лежащих отчасти в области ментального, как в случае с ЯУ и ЯИ, можно попытаться выстроить прогноз, опираясь сугубо на качественные методы, основанные на суждениях экспертов (к примеру, метод Дельфи и др.). Однако такой прогноз не будет доказательным, т.к. он будет нести в себе известные минусы метода экспертных оценок, а именно субъективизм экспертов.

5. Заключение

В статье был представлен анализ пригодности субъективных данных и традиционно используемых для этого качественных методов для социолингвистического прогнозирования. Анализ показал, что данные, находящиеся «в головах» людей и только отчасти рефлексируемые и выходящие на уровень сознания (именно такими являются ЯУ и ЯИ), крайне сложны для прогнозирования функционального и коммуникативного будущего языков.

ЯУ и ЯИ не очень целесообразно изучать в проекции будущего еще и потому, что субъективизм и собственные ЯИ исследователя могут повлиять на результат.

При этом существует разница между пригодностью ЯУ и ЯИ для социолингвистического прогнозирования. Разница обусловлена отличиями между ЯУ и ЯИ, о которых говорилось во Введении: тем, что ЯУ – это в первую очередь феномены психики индивида, направленные на конкретные объекты, в то время как ЯИ – явления более широкого социально-психологического плана и (по мнению многих ученых) с выраженным социально-политическим измерением. В силу этого изучение ЯУ для прогнозирования практически бесполезно. ЯИ же обладают определенным прогностическим потенциалом в том смысле, что их распространенность в обществе, слитность с более глобальными господствующими идеологиями, в том числе государственными, может предсказать вектор действий (или недействий) граждан. Сама их распространенность говорит о массовом характере и владении умами, а идеи, приобретшие массовый характер, могут выливаться в массовые же действия. На этом строятся прогнозы в нестабильные периоды, какой, например, Россия переживает сейчас.

Таким образом, когнитивно-бессознательный характер ЯУ и ЯИ, изменчивость и труднопредсказуемость социальной реальности вкупе с субъективными искажениями исследователя делают невозможным использование только ЯУ и ЯИ в качестве базовых предпосылок для разработки сценариев будущего.[3] Такой прогноз не будет соответствовать самому главному признаку качественного прогноза – доказательности. Это не значит, что субъективные данные, о которых говорилось в данной статье, в принципе непригодны для прогноза. Их можно использовать в сочетании с формализуемыми (количественными) данными; тогда они могут дать доступ к причинам и контекстам «сухих» цифр, дав более многомерную картину функционирования языков в настоящем и будущем.

Помимо *интеграции (триангуляции),* т.е. использования как субъективных, так и количественных данных, повысить объективность прогноза и снизить потенциальные ошибки может привлечение *группы* экспертов. Как уже говорилось в разделе 2, можно использовать разные коллективные экспертные методы, наиболее оптимальным из которых представляется метод «Дельфи».

В заключение нам хотелось бы привести цитату философа А.В. Рубцова о важности субъективного в кризисные эпохи: «Кризисы как никогда ярко высвечивают роль субъективного: интерпретаций и оценок, аналитики, утечек, неосторожных слов и выкриков,

[3] При этом именно «выбор базовых предпосылок считается главной проблемой при составлении сценариев» [Чулок, 2021].

прогнозов и проектов ожиданий и разочарований, доверия и репутации, акционерных неврозов и биржевых психозов, надежды и паники. Существует особого рода антропология кризиса. Все это человеческое, слишком человеческое, имеет свои амплитуды и волатильность, конвертируется, измеряется в котировках, курсах, активах, фондах, просто в твердой валюте. Рекомендации Forex по играм на валютном рынке выглядят как теория работы коллективного сознания. Управлению и стратегическому планированию еще только предстоит освоить то, чем биржевые спекулянты давно пользуются как главным ресурсом» [Рубцов и др., 2016: 89].

Языковая политика также нередко предстает как нечто обезличенное, а языки и их будущее обсуждаются как нечто оторванное от людей. Однако языковые решения как государственного, так и «низового» уровней принимаются людьми. Эти решения и, следовательно, будущее языков зависят во многом от ряда когнитивных и бессознательных феноменов – ЯИ, ЯУ, социально-культурных норм, стереотипов и т.д. Поэтому эти феномены заслуживают пристального изучения как в контексте прогнозирования, так и вне его.

Литература

Алпатов В.М. (2000) Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой. М.: Эдиториал УРСС. С. 192–209.

Алпатов В.М. О прогнозах в лингвистике и социолингвистике // Избранные труды XX века / В.М. Алпатов; сост. П.М. Аркадьев, А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, С.Г. Татевосов. М.: Языкознание, 2023. 459 с. DOI: 10.37892/978-5-6049527-0-2. С. 375-382.

Алпатов В.М. (2013) Языковая политика в современном мире // Научный диалог. № 5 (17): Филология. С. 8–28.

Биткеева А.Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 38–52. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.3

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова». 136 с.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. (2004) Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. 336 с.

Высочина, М.В., Афонина Д.С. (2019) Применение качественных методов прогнозирования в управленческом процессе // Эффективное управление экономикой: Проблемы и перспективы: Сб. трудов IV Всероссийской науч.-практ. конф. Симферополь, 11–12 апреля 2019 г. Симферополь: Ариал. С. 161–164.

Каплунова М.Я. (2020) Методы прогнозирования в социолингвистике [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 1. С. 54–62. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-54-62

Кретов А.А. (2006) Основы лексико-семантической прогностики / ВГУ. Воронеж. 390 с.

Лингвистический энциклопедический словарь (1990) / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 682 с.

Паршин П.Б. (2013) Языки мира через 100 лет // Демоскоп weekly. № 571,572. 14–31 октября 2013. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit01.php. Дата обращения: 12.01.2023.

Рубцов А.В. (2016) Практическая идеология: К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности / А.В. Рубцов, Т.Б. Любимова, А.А. Сыродеева; Институт философии РАН. М. 246 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. М. 213с.

Хилханова Э.В. (2022) Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: О разграничении понятий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 148–162.

Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А., Любимова Л.М., Сундуева Д.Б. (2016) Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России: (На примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Восточная литература. 174 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь (1998) / Гл. ред.В.Н. Ярцева. 2-е (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года. М.: Большая Российская энциклопедия. 685 с.

Armstrong, J.S. (1999) Forecasting for Marketing // Quantitative Methods in Marketing. L.: International Thompson Business Press. Pp. 92–119.

Eagly, A.H., Chaiken, S. (1993) The psychology of attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt Brace College. 794 p.

Ferrer, R. Sankoff, D. (2003) Identity as the primary determinant of language choice in Valencia // Journal of Sociolinguistics. No. 7 (1). Pp. 50–64.

Khilkhanova, E. (2019) A Sociolinguistic Study of Language Attitudes Among the Buriat and Russian Youth in the Republic of Buriatiia, Russia // Sibirica. Vol. 18 (2). Pp. 27–55. DOI: https://doi.org/10.3167/sib.2019.180203

Pilgun, M., Gabdrakhmanova, N. (2020) Digital spaces of network aggression: Muscovites' perception of migrants // Russian Journal of Communication. No. 12:3. Pp. 237–261. DOI: 10.1080/19409419.2020.1850088

Pischlöger, C. (2016) Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // R. Toivanen, J. Saarikivi (eds.). Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters. Pp. 108–132.

Reclaiming the Local in Language Policy and Practice (2005) / Ed. By Canagarajah A. S. Mahwah. New Jersey: Lawrence Erlbaum. 271 p.

Ricento, T.K., Hornberger, N.H. (1996) Unpeeling the Onion: Language Planning and Policy and the ELT Profession // TESOL Quarterly. Vol. 30. No. 3. Pp. 401–427.

Sage encyclopedia of qualitative research methods (2008) / Ed. Given L. M. The SAGE Publications, Inc. 490 p.

Sallabank, J., Marquis, Y. (2018)'We Don't Say It Like That': Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker // C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N.Ó. Murchadha (eds.). New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices. Basingstoke: Palgrave McMillan. Pp. 67–90.

Vessey, R. (2017) Corpus Approaches to Language Ideology // Applied Linguistics. Vol. 38. Iss. 3. Pp. 277–296. DOI: 10.1093/applin/amv023.

Woolard, K., Gahng, T.-J. (1990) Changing language policies and attitudes in autonomous Catalonia // Language in Society. No. 19. Pp. 311–330.

Источники

Пивоваров С.Э. (2014) Качественные методы прогнозирования. Деловой мир. 29 октября 2014. Режим доступа: https:.delovoymir.biz.kachestvennye-metody- prognozirovaniya.html. Дата обращения: 22.06.2023.

Чулок А.А. (2021) 21 метод работы с будущим в эпоху неопределенности. Большие идеи. Наука. 4 февраля 2021. Режим доступа: https:.big-i.ru.biznes-i- obshchestvo.nauka.854793. Дата обращения: 22.06.2023.

Прогнозы иностранных специалистов о распаде СССР (2016). 9 декабря 2016. Режим доступа: https:.www.kp.ru.daily.26617.3634738.. Дата обращения: 07.07.2023.

References

Alpatov, V.M. (2000) Zarubezhnaja sociolingvistika o problemah dvujazychija i jazykov nacional'nyh men'shinstv [Foreign sociolinguistics on the problems of bilingualism and languages of national minorities]. Rechevoe obshhenie v uslovijah jazykovoj neodnorodnosti [Speech communication in the conditions of linguistic heterogeneity]. M.: URSS. Pp. 192–209. (In Russ.)

Alpatov, B.M. O prognozah v lingvistike i sociolingvistike [About prognoses in linguistics and sociolinguistics]. Izbrannye trudy XX veka [Selected works of the 20th century]. compiled by P.M. Arkadiev, A.A. Kibrik, X.P. Semionova, S.G. Tatevosov. M.: Jazykoznanie, 2023. 459 p. DOI: 10.37892.978-5-6049527-0-2. Pp. 375-382. (In Russ.).

Alpatov, V.M. (2013) Jazykovaja politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world]. Nauchnyj dialog. No. 5 (17): Filologija. Pp. 8–28. (In Russ.)

Bitkeeva, A.N. (2022) Model' sociolingvisticheskogo prognozirovanija i aktual'nye tendencii jazykovoj politiki v regionah Rossii. Novye issledovanija Tuvy. No. 4. Pp. 38–52. DOI: 10.25178.nit.2022.4.3 (In Russ.).

Borgojakova, T.G., Gusejnova, A.V. (2017) Status i funkcionirovanie tjurkskih jazykov Juzhnoj Sibiri [Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia.]. Abakan: Hakasskij gos. un-t im. N. F. Katanova. 136 p. (In Russ.)

Vakhtin, N.B., Golovko, E.V. (2004) Sociolingvistika i sociologija jazyka [Sociolinguistics and the sociology of language]. SPb.: Gumanitarnaja akademija, Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. 336 p. (In Russ.)

Vysochina M.V., Afonina D.S. (2019) Primenenije kachestvennykh metodov prognozirovanija v upravlencheskom processe [The use of qualitative forecasting methods in management process]. Effektivnoje upravlenije ekonomikoj: Problemy i perspektivy: Sb. trudov IV Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. Simferopol, 11–12 April 2019. Simferopol: Arial. Pp. 161–164. (In Russ.)

Kaplunova, M.Ja. (2020) Metody prognozirovanija v sociolingvistike [Methods of forecasting in sociolinguistics]. Sociolingvistika. No. 1. Pp. 54–62. DOI: 10.37892.2713- 2951-2020-1-1-54-62 (In Russ.)

Kretov, A.A. (2006) Osnovy leksiko-semanticheskoj prognostiki [Fundamentals of lexico- semantic prognostication].VGU. Voronezh. 390 p. (In Russ.)

Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V.N. Jarceva. M.: Sovetskaja jenciklopedija. 1990. 682 p. (In Russ.).

Parshin, P. (2013) Jazyki mira cherez 100 let [Languages of the world in 100 years]. Demoskop weekly. No. 571, 572. 14 – 31.10.2013. Available at: http:.www.demoscope.ru.weekly. 2013.0571.analit01.php. Access date: 12.02.2023. (In Russ.)

Rubcov, A.V. (2016) Prakticheskaja ideologija: K analitike ideologicheskih processov v politicheskoj i sociokul'turnoj real'nosti [Practical ideology: Toward an analytics of ideological processes in political and socio-cultural reality]. A.V. Rubcov, T.B. Ljubimova, A.A. Syrodeeva; Institut filosofii RAN. M. 246 p. (In Russ.)

Slovar' sociolingvisticheskih terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Ed. by V.Ju. Mihal'chenk; Institut jazykoznanija RAN.M. 2006. 213 p. (In Russ.)

Khilkhanova, E.V. (2022) Jazykovaja ustanovka i jazykovaja ideologija v zapadnoj i rossijskoj nauke: O razgranichenii ponjatij [Language Attitude and Language Ideology in Western and Russian

Science: On the Delimitation of Concepts]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)

Khilkhanova, E.V., Dyrheeva, G.A., Ljubimova, L.M., Sundueva, D.B. (2016) Jazykovoe soznanie i jazykovye ustanovki zhitelej prigranichnyh rajonov vostoka Rossii: (Na primere Respubliki Burjatija i Zabajkal'skogo kraja) [Linguistic consciousness and linguistic attitudes of the inhabitants of the border regions of the east of Russia: (On the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory)]. M.: Vostochnaja literatura. 174 p. (In Russ.)

Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' (1998) [Linguistics. Big encyclopedic dictionary]. Ed. by V.N. Jarceva. 2-e (reprintnoe) izdanie "Lingvisticheskogo jenciklopedicheskogo slovarja" 1990 goda. M.:Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. 685 p. (In Russ.)

Armstrong, J.S. (1999) Forecasting for Marketing. Quantitative Methods in Marketing. L.: International Thompson Business Press. Pp. 92–119

Eagly, A.H., Chaiken, S. (1993) The psychology of attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt Brace College. 794 p.

Ferrer, R. Sankoff, D. (2003) Identity as the primary determinant of language choice in Valencia. Journal of Sociolinguistics. No. 7 (1). Pp. 50–64.

Khilkhanova, E. (2019) A Sociolinguistic Study of Language Attitudes Among the Buriat and Russian Youth in the Republic of Buriatiia, Russia. Sibirica. Vol. 18 (2). Pp. 27–55. DOI: 10.3167.sib.2019.180203

Pilgun, M., Gabdrakhmanova, N. (2020) Digital spaces of network aggression: Muscovites‘ perception of migrants. Russian Journal of Communication. No. 12:3. Pp. 237–261. DOI: 10.1080.19409419.2020.1850088

Pischlöger, C. (2016) Udmurt on Social Network Sitevs: A Comparison with the Welsh Case. R. Toivanen, J. Saarikivi (eds.). Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters. Pp. 108–132.

Reclaiming the Local in Language Policy and Practice (2005). Ed. By Canagarajah A. S. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum. 271 p.

Ricento, T.K., Hornberger, N.H. (1996) Unpeeling the Onionv: Language Planning and Policy and the ELT Profession. TESOL Quarterly. Vol. 30. No. 3. Pp. 401–427.

Sage encyclopedia of qualitative research methods. (2008). Ed. Given L. M. The SAGE Publications, Inc. 490 p.

Sallabank, J., Marquis, Y. (2018) ‘We Don’t Say It Like That’: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker. C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N.Ó. Murchadha (eds.). New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices. Basingstoke: Palgrave McMillan. Pp. 67–90.

Vessey, R. (2017) Corpus Approaches to Language Ideology. Applied Linguistics. Vol. 38. Iss. 3. Pp. 277–296. DOI: 10.1093.applin.amv023.

Woolard, K., Gahng, T.-J. (1990) Changing language policies and attitudes in autonomous Catalonia. Language in Societ. No. 19. Pp. 311–330.

Sources

Pivovarov, S.Je. (2014) Kachestvennye metody prognozirovanija [Qualitative forecasting methods]. Delovoj mir. 29.10.2014. Available at: https:.delovoymir.biz/kachestvennye-metody-prognozirovaniya.html. Access date: 22.06.2023. (In Russ.)

Chulok, A.A. (2021) 21 metod raboty s budushhim v jepohu neopredelennosti [21 Methods for Working with the Future in an Age of Uncertainty]. Bol'shie idei. Nauka. 4.02.2021. Available at: https:.big-i.ru/biznes-i-obshchestvo/nauka/854793/. Access date: 22.06.2023. (In Russ.)

Prognozy inostrannyh specialistov o raspade SSSR [Forecasts of foreign experts about the collapse of the USSR] (2016). 9.12.2016. Available at: https:.www.kp.ru/daily/26617/3634738/. Access date: 07.07.2023. (In Russ.).

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_a “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multicultural Russia as an example”.

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Хилханов Доржи Львович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.
Адрес: 105064, Россия, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5Б
Эл. адрес: khilkhanovdl@mgpu.ru

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna – Doctor of Philology, leading researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: erzhen133@mail.ru

Khilkhanov Dorzhi Lvovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Moscow City Pedagogical University.
Address: 105064, Russia, Moscow, Maly Kazenny Lane, 5B
Email address: khilkhanovdl@mgpu.ru

Для цитирования: *Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л.* Субъективные данные в социолингвистике и методы их исследования в ракурсе прогнозирования // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 35–52. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-35-52

For citation: *Khilkhanova E.V., Khilkhanov D.L.* Subjective data in sociolinguistics and their research methods from the prognostic perspective // Sociolinguistics. 2023. No. 4(16). Pp. 35-52. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-35-52

The article was submitted 20.09.2023;
approved after reviewing 19.10.2023;
accepted for publication 14.11.2023

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-53-69

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ КАК СТИМУЛ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мария Я. Каплунова
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Социолингвистический сценарий, включающий в себя комплекс экстралингвистических параметров, отражающих языковую ситуацию в определенный период времени, представляется одним из средств мониторинга языковой ситуации и вместе с тем выработки стратегии государственной национальной политики.

В статье представлен метод социолингвистического анализа развития языков полиэтнического государства, в основе которого лежат четыре базовые модели: модель устойчивого развития, модель перспективного развития, модель нестабильного развития и модель слабо перспективного развития. Выстраивание модели осуществляется с учетом следующих параметров: статус языка, число представителей этноса, число владеющих языком, тип расселения носителей данного языка, демографическая мощность этноса, географический фактор, экономический фактор, функционирование в ИКТ, коммуникативная мощность языка, межпоколенческая передача, наличие письменности, символическая мощность языка, а также историко-культурный контекст. На примере русского, якутского, карельского и тазовского языков проводится анализ соответствующих моделей социолингвистического развития языка, определяются критические точки в развитии языков с учетом специфики языковой ситуации регионов их функционирования. Делаются выводы о необходимости оптимального сочетания математических методов прогнозирования с экспертной оценкой, а также пополнения данных по языковой ситуации в различных регионах РФ за счет отлаженной системы мониторинга на регулярной основе.

Ключевые слова: *витальность языка, мониторинг, социолингвистическое прогнозирование, языковая ситуация, языки РФ*

SOCIOLINGUISTIC SCENARIOS OF LANGUAGE DEVELOPMENT AS A STIMULUS FOR MONITORING THE LANGUAGE SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maria Ya. Kaplunova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The sociolinguistic scenario, which includes a set of extralinguistic parameters reflecting the language situation in a certain period of time, is viewed as one of the means of monitoring the language situation and at the same time of developing a strategy for state national policy.

The article presents a method of sociolinguistic analysis of the development of languages of a multi-ethnic state, which is based on four basic models: a model of sustainable development, a model of promising development, a model of unstable development and a model of weakly promising development. The construction of the model is carried out taking into account the following parameters: the status of the language, the number of representatives of the ethnic group, the number of speakers of the language, the type of speakers' settlement, the demographic power of the ethnic

group, geographical factor, economic factor, functioning in ICT, communicative power of the language, intergenerational transmission, the presence of writing system, symbolic power of the language, as well as the historical and cultural context. Using the example of the Russian, Yakut, Karelian and Taz languages, an analysis of the corresponding models of sociolinguistic language development is carried out, critical points in the development of languages are determined, taking into account the specifics of the linguistic situation of the regions of their functioning. Conclusions are drawn about the need for an optimal combination of mathematical forecasting methods with expert assessment, as well as replenishment of data on the language situation in various regions of the Russian Federation through a monitoring system on a regular basis.

Keywords: *language vitality, monitoring, sociolinguistic prognosis, language situation, languages of the Russian Federation*

1. Введение

В условиях меняющихся социальных вызовов растет потребность в быстром принятии решений. Эта проблема актуальна и в отношении регулирования вопросов межнационального взаимодействия, играющих важную роль в жизни любого полиэтнического государства. Вместе с тем язык, будучи неотъемлемой частью этих отношений, является одним из ключевых факторов обеспечения гармоничного сосуществования представителей различных этносов. Таким образом, языковая политика, как неотъемлемая часть общегосударственной политики, неизбежно претерпевает изменения, что позволяет говорить в настоящее время о феномене «языковая политика 2.0» [Каплунова, 2022: 73]. В результате социолингвистический сценарий, включающий в себя комплекс экстралингвистических параметров, отражающих языковую ситуацию в том или ином регионе в определенный период времени, представляется одним из важнейших средств мониторинга языковой ситуации в стране и вместе с тем выработки стратегии государственной национальной политики.

Последняя особенно актуальна в рамках текущей повестки дня, ввиду того что срок действия утвержденной Указом Президента РФ в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (далее – Стратегия) ограничен 2025 г., что подразумевает грядущее подведение итогов по реализации деятельности в данном направлении, включая выявление всех трудностей и постановку дальнейших задач[4]. В.Ю. Зорин и М.С. Каменских подчеркивают, что модель государственной национальной

[4] См. *Зорин В.Ю., Каменских М.С.* (2023). Приоритеты и мегатренды нового десятилетия в национальной политике России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 2. URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1263/1174 (дата обращения 10.11.2023); *Савинов Л.В., Симагина О.В., Скорых Н.Н.* (2023) Стратегия государственной национальной политики: Результаты и перспективы концептуализации // Вестник Российской нации. № 5(91). С. 9–20; *Полунов А.Ю.* (2023) Стратегия и институциональные основы государственной национальной политики: Опыт последних лет и перспективы развития // Россия: Единство и многообразие: К 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. С. 473–482 и др. работы, включенные в библиодосье Комитета Государственной Думы по делам национальностей к слушаниям по теме «Вопросы законодательного обеспечения реализации Стратегии государственной национальной политики РФ» (4 декабря 2023 г.).

политики «в условиях новых вызовов геополитического характера» нуждается в обновлении [Зорин и др., 2023]. Вместе с тем среди недостатков Стратегии отмечается отсутствие значений целевых показателей ее реализации по этапам, что затрудняет оценку ее эффективности [Савинов и др., 2023].

Непосредственно вопросам законодательного обеспечения реализации Стратегии были посвящены парламентские слушания Комитета Государственной Думы по делам национальностей, состоявшиеся 4 декабря 2023 г.[5] В ходе пленарного выступления председатель комитета Госдумы по делам национальностей Г.Ю. Семигин неоднократно подчеркивал необходимость разработки и внедрения государственной системы мониторинга в сфере межнациональных отношений, в том числе с целью упреждения межнациональных конфликтов.

В действительности язык так же может служить триггером возникновения подобных конфликтов, при этом «наиболее яркие примеры языковой конфронтации можно наблюдать в общностях с несбалансированным функциональным распределением языков» [Михальченко, 1994: 225; Кириленко 2022а: 357–358].

2. Проект «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»: концепция и методология

Проект «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)», поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований, позволил объединить усилия российских социолингвистов для проведения исследования в следующих теоретических рамках, включая:

- социолингвистическое прогнозирование как инструмент языковой политики;
- метод сценария в рамках междисциплинарного подхода;
- развитие многофакторной модели;
- прогнозирование развития языковых ситуаций и стратегического планирования языковой политики в Российской Федерации.

Территориальный охват исследования языковой ситуации включает:

- тюркоязычные республики (Республика Татарстан, Республика Якутия, Республика Тыва);
- монголоязычные республики (Республика Калмыкия);
- кавказские республики (Республика Дагестан, Чеченская Республика);

[5] http://komitet-dn.duma.gov.ru/novosti/ee11a222-e5e3-44e4-a787-a949df548d8d

- финно-угорские республики (Республика Карелия);
- Приморский край.

В ходе исследования нам удалось выявить четыре основные модели развития языков:

- модель устойчивого развития;
- модель перспективного развития;
- модель нестабильного развития;
- модель слабо перспективного развития.

Несмотря на то, что при всей комплексности языковых ситуаций, внутри Российской Федерации подобная классификация имеет несколько обобщающий характер и не содержит более дробного деления на составляющие, она позволяет отразить наметившиеся тенденции в рассматриваемых ареалах, которые затем позволят провести анализ перспектив дальнейшего развития языков. К тому же определенное обобщение так или иначе неизбежно при структурировании и систематизации информации, даже если прогноз со стороны самих носителей того или иного языка может показаться, вопреки их ожиданиям, позитивным или, напротив, негативным.

В число параметров, определяющих принадлежность рассматриваемого языка к той или иной модели развития, вошли следующие: статус языка, число представителей этноса, число владеющих языком, тип расселения носителей данного языка, демографическая мощность этноса, географический фактор, экономический фактор, функционирование в сфере интернет-коммуникации, коммуникативная мощность языка, межпоколенческая передача, наличие письменности, символическая мощность языка, а также историко-культурный контекст. Здесь стоит отметить, что во многом мы действовали дедуктивным методом, т.е. оценивали витальность языка и его принадлежность к той или иной модели развития на основе проведенных исследований, экспедиций, включающих беседы с информантами и проведение анкетирования о специфике функционирования языка в регионе, отношении к нему среди носителей и так далее, и лишь затем пытались вычислить, как те или иные факторы способствовали такому результату.

На основе результатов, полученных в ходе полевых исследований конкретных регионов, мы можем выбирать соответствующие варианты ответов в отношении указанных факторов и с помощью метода дерева решений (decision tree) на языке программирования Python получать на выходе тот или иной тип модели. В нашем случае вместо ответов «да/нет» мы выбираем один из вариантов ответов для каждого параметра. При этом стоит отметить необходимость употребления для всех разновидностей параметров лаконичных формулировок для соблюдения принципа универсальности (при этом подразумевается возможность более подробного

раскрытия соотнесенности того или иного языка с определенными критериями в ходе экспертного комментария). В результате в Python эта совокупность параметров показана следующим образом:

```
menu = [
    {'name': 'Статус', 'choices': ["общегосударственный", "государственный", "официальный", "нет"]},
    {'name': 'Тип расселения', 'choices': ["компактный", "дисперсный"]},
    {'name': 'Демографическая общность этноса', 'choices': ["высокая", "средняя", "низкая"]},
    {'name': 'Географический фактор', 'choices': ["ограничен", "не ограничен"]},
    {'name': 'Межпоколенческая передача', 'choices': ["есть", "нет"]},
    {'name': 'Символическая мощность', 'choices': ["высокая", "средняя", "низкая"]},
    {'name': 'Экономический фактор', 'choices': ["неблагоприятный", "благоприятный", "средний"]},
    {'name': 'Функционирование в ИКТ', 'choices': ["есть", "нет"]},
    {'name': 'Коммуникативная мощность', 'choices': ["высокая", "средняя", "низкая"]},
    {'name': 'Наличие письменности', 'choices': ["есть", "нет"]},
    {'name': 'Языковой сдвиг', 'choices': ["терминальная стадия", "нет", "начальная стадия"]},
    {'name': 'Историко-культурный контекст','choices': ["есть", "нет"]}
    ]
```

Корреляция данных параметров на примере конкретных языков, соответствующих разным моделям, будет представлена ниже в отдельных разделах данной статьи.

Кроме того, на основе двух числовых переменных – числа представителей этноса и числа владеющих языком – применяется метод экспоненциального сглаживания[6] с помощью программного обеспечения Microsoft Excel, ориентированного на работу с числовыми данными и их визуализацию. В частности, Microsoft Excel реализует данный метод с помощью функции прогнозирования: forecast.ets – вычисляет будущие спрогнозированные значения на основе исторических данных и forecast.ets.confint – вычисляет размах доверительного интервала, с погрешностью в рамках которого прогноз должен сбыться. Числовые данные для этих параметров, как правило, были взяты из результатов предыдущих переписей населения РФ (за

[6] Метод математического преобразования, используемый при прогнозировании временных рядов, при котором используются средневзвешенные значения прошлых наблюдений для прогнозирования новых значений. Причем большее значение придается последним значениям в серии, тогда как значимость предшествующих данных постепенно (по мере появления новых) экспоненциально уменьшается.

2002, 2010 и 2020 гг. соответственно). Примеры реализации данного метода в отношении языков России будут представлены ниже.

Далее представим соответствие определенному набору параметров и соответствующей модели языкового развития на примере русского, якутского, карельского и языка тазов.

3. Модель устойчивого развития: русский язык

Под устойчивым развитием языка мы понимаем такую тенденцию в его функционировании, при которой не возникает угроз для его дальнейшего развития. В ходе проведенных исследований нам удалось определить следующие варианты соответствия модели устойчивого развития (Табл. 1):

Таблица 1

Набор параметров устойчивой модели развития языка

Статус языка: общегосударственный	Статус языка: государственный / официальный
Тип расселения: дисперсный	Тип расселения: компактный
Демографическая мощность языка: высокая	Демографическая мощность языка: высокая
Географический фактор: не ограничен	Географический фактор: ограничен / не ограничен
Межпоколенческая передача: есть	Межпоколенческая передача: есть
Символическая мощность: высокая/средняя	Символическая мощность: высокая
Экономический фактор: благоприятный / средний	Экономический фактор: благоприятный
Наличие письменности: да	Наличие письменности: да
Коммуникативная мощность: высокая	Коммуникативная мощность: высокая
Функционирование в ИКТ: есть	Функционирование в ИКТ: есть
Историко-культурный контекст: есть	Историко-культурный контекст: есть
Языковой сдвиг: нет	Языковой сдвиг: нет

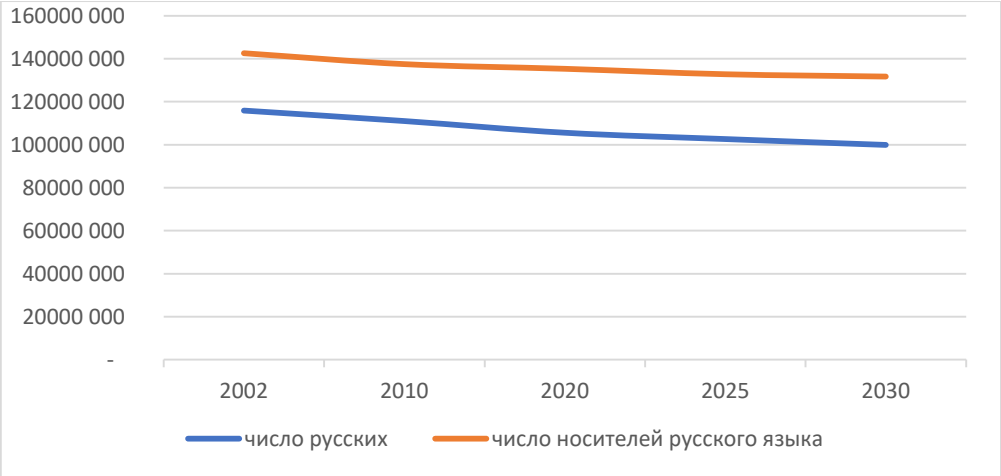
Статус государственного языка РФ, закрепленный Конституцией, а также Федеральным Законом о государственном языке Российской Федерации от 2005 г., обеспечил ему особое положение среди всех языков России, а следовательно, и особую роль в языковой жизни страны. В связи с этим при анализе соответствующего типа сценария развития данного языка необходимо было выделить его статус, отграничив от одноименного статуса государственных языков республик РФ. В результате было принято решение об употреблении термина «общегосударственный» в отношении статуса русского языка в ходе применения метода дерева решений. В данном случае корреляция именно с дисперсным типом расселения его носителей (а именно 91,7 % населения, учтенного в ходе Всероссийской переписи населения 2020 г.) уже обеспечивает прочную основу для стабильного функционирования языка (Табл. 2). При этом в отношении всех остальных языков (не обладающих статусом государственного на всей территории РФ) для устойчивого функционирования важна корреляция с компактным проживанием соответствующего этноса.

Таблица 2

Набор параметров для выявления модели развития русского языка

Язык: русский
Статус: общегосударственный
Число представителей этноса: 105 579 179 (2020), 111 016 896 (2010), 115 889 107 (2002)
Число владеющих языком – 134 319 233 (2020), 137 494 893 (2010), 142 573 285 (2002)
Тип расселения – дисперсный
Демографическая мощность этноса: высокая
Географический фактор: не ограничен (вся страна)
Символическая мощность: высокая
Функционирование в ИКТ: есть
Историко-культурный контекст: есть
Межпоколенческая передача: есть
Экономический фактор: благоприятный
Наличие письменности: да
Коммуникативная мощность: высокая
Функционирование в ИКТ: есть
Языковой сдвиг: нет
Модель развития: устойчивая

Вместе с тем метод экспоненциального сглаживания с помощью программного обеспечения Microsoft Excel в отношении числовых показателей (количества носителей языка и число представителей этноса) на основе результатов переписей населения РФ за 2002, 2010 и 2020 гг. соответственно позволил графически отобразить перспективы функционирования языка и числа представителей русского этноса в 2025 и 2030 гг. следующим образом (Рис. 1).

Параметр	2002 год	2010 год	2020 год	2025 год	2030 год
Число русских	115 889 107	111 016 896	105 579 179	102 635 673	99 916 815
Число носителей русского языка	142 573 285	137 494 893	135 319 233	132 795 027	131 707 197

Рис. 1. Прогноз числа носителей русского языка и представителей русского этноса на 2025 и 2030 гг. на основе метода экспоненциального сглаживания

Число носителей русского языка ожидаемо превысило число представителей русского этноса, однако в силу низкой рождаемости среди русских, составляющих большую часть населения страны, математические алгоритмы анализа перспектив текущих показателей отображают на графике постепенное понижение числа носителей русского языка. И все же статус русского языка как языка международного общения позволяет учитывать при анализе витальности языка и наличие его носителей за пределами Российской Федерации, что говорит в пользу соотнесения его с моделью устойчивого развития.

4. Модель перспективного развития: якутский язык

Модель перспективного развития языка предполагает соответствие меньшему числу параметров по сравнению с устойчивой моделью (Табл. 3).

Таблица 3

Набор параметров перспективной модели развития языка

Статус языка: государственный / официальный
Тип расселения: компактный
Демографическая мощность языка: высокая /средняя
Географический фактор: ограничен
Межпоколенческая передача: есть
Символическая мощность: высокая/средняя
Экономический фактор: благоприятный / средний
Наличие письменности: да
Коммуникативная мощность: высокая
Функционирование в ИКТ: есть
Историко-культурный контекст: есть
Языковой сдвиг: нет / начальная стадия

Ключевыми параметрами, определяющими соответствие данной модели, в соответствии с анализом ряда языковых ситуации в регионах РФ является наличие у языка определенного статуса (государственного языка республики РФ или официального); наличие межпоколенческой передачи как гаранта его распространения на ближайшие годы; письменности как необходимого фактора для распространения языка в различных сферах, прежде всего в сфере ИКТ; ограниченный географический фактор, будь то гористая местность или иная ограниченная транспортная доступность в соседние регионы, способствующая сохранению и высокой витальности языка; а также наличие историко-культурного контекста у соответствующего этноса, будь то наличие общей религии, уникальной культуры или исторических травм (репрессий и т.д.).

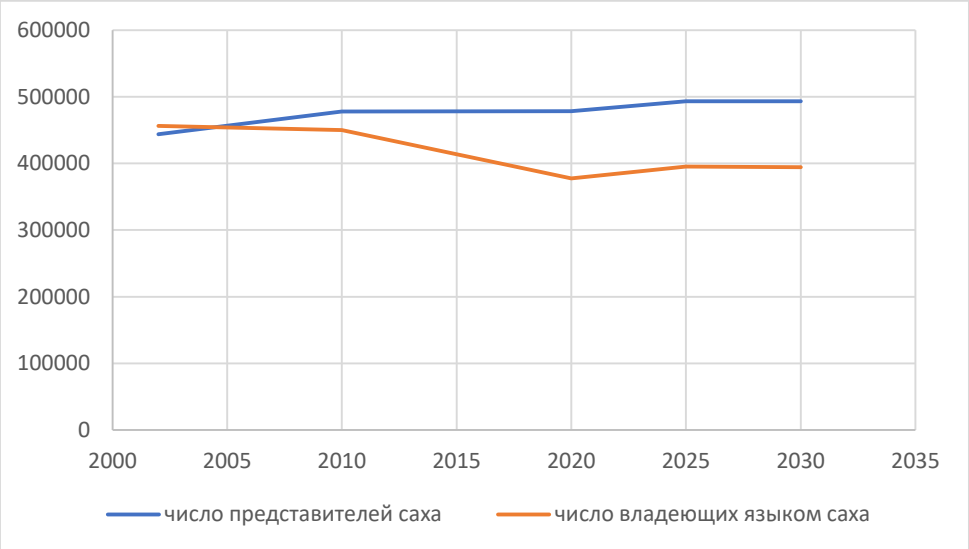
Якутский язык (саха), согласно указанным критериям, соответствует модели перспективного развития (Табл. 4), при этом метод экспоненциального сглаживания

демонстрирует достижение определенной стабильности в числе носителей данного языка к 2030 г. (Рис. 2).

Таблица 4

Набор параметров для выявления модели развития якутского языка

Язык: якутский (саха)
Статус: государственный
Число представителей этноса: 478 409 (2020), 478 085 (2010), 443 852 (2002)
Число владеющих языком: 377 722 (2020), 450 140 (2010), 456 288 (2002)
Тип расселения: компактный
Демографическая мощность этноса: высокая
Историко-культурный контекст: есть (не поощрялось употребление родного языка в городской среде)
Географический фактор: ограничен (затрудненная транспортная доступность, удаленность от остальных регионов РФ)
Экономический фактор: средний
Функционирование в ИКТ: есть
Коммуникативная мощность: высокая
Межпоколенческая передача: есть
Символическая мощность: высокая
Наличие письменности: да
Языковой сдвиг: начальная стадия
Модель развития: перспективная

Параметр	**2002 год**	**2010 год**	**2020 год**	**2025 год**	**2030 год**
Число представителей саха	443 852	478 085	478 409	493 191	493 353
Число владеющих языком саха	456 288	450 140	377 722	395 137	394 140

Рис. 2. Прогноз числа носителей якутского языка и представителей якутского этноса на 2025 и 2030 гг. на основе метода экспоненциального сглаживания

Для перехода якутского языка в стабильную модель необходимо повысить экономический уровень развития региона и вместе с тем в условиях высокого престижа языка среди населения повысить его осведомленность о начальной стадии языкового сдвига среди младшего поколения. В действительности этот механизм уже запущен в Республике Саха (Якутия) на фоне повсеместного языкового активизма[7]. В то же время от перехода в нестабильную модель сдерживает высокая демографическая мощность языка, ограниченный географический фактор при компактном расселении представителей этноса, функционирование языка в интернет-коммуникации.

5. Модель нестабильного развития: карельский язык

Модель нестабильного развития языка предполагает соответствие еще меньшему числу параметров по сравнению с перспективной моделью (Табл. 4). При этом ключевым параметром остается наличие межпоколенческой передачи, в той или иной степени допускающей анализ принятия возможных мер для изменения наметившейся тенденции к утрате языка.

Таблица 4

Набор параметров нестабильной модели развития языка

Статус языка: государственный/официальный/нет
Тип расселения: компактный/дисперсный
Демографическая мощность языка: средняя/низкая
Географический фактор: не ограничен/ограничен
Межпоколенческая передача: есть
Символическая мощность: средняя/низкая
Экономический фактор: средний/низкий
Наличие письменности: да/нет
Коммуникативная мощность: средняя/низкая
Функционирование в ИКТ: есть/нет
Историко-культурный контекст: есть/нет
Языковой сдвиг: начальная стадия

Примером языка, соответствующего данной модели, в настоящее время является карельский язык (Табл. 5). При этом метод экспоненциального сглаживания демонстрирует утрату носителей карельского языка уже к 2025 г. (Рис. 3).

[7] Подробнее см.: *Kaplunova, M.YA.* (2023) Language activism in Russia: Prerequisites and forms of existence // Synergy of Languages & Cultures 2022: Interdiscipilinary Studies. SPb. Pp. 256–265. DOI: 10.21638/2782-1943.2022.20

Таблица 5

Набор параметров для выявления модели развития карельского языка

Язык: карельский
Статус: нет
Число представителей этноса: 32 422 (2020), 25 605 (2010), 93 344 (2002)
Число владеющих языком:13 872 (2020), 21 017 (2010), 52 880 (2002)
Тип расселения: преимущественно компактный (на территории Карелии), при этом часть карелов проживает в Тверской области;
Демографическая мощность этноса: низкая
Историко-культурный контекст: есть (новописьменный язык, единый алфавит для трех вариантов карельского утвержден в 2007 г.)
Географический фактор: не ограничен
Экономический фактор: неблагоприятный (низкая мотивация к изучению языка)
Функционирование в ИКТ: есть (при этом крайне незначительно)
Коммуникативная мощность: средняя
Символическая мощность: высокая
Языковой сдвиг: начальная стадия
Модель развития: нестабильная

Параметр	**2002 год**	**2010 год**	**2020 год**	**2025 год**	**2030 год**
Число представителей карельского этноса	93 344	25 605	32 422	4334	7742
Число владеющих языком	52 880	21 017	13 872	–	–

Рис. 3. Прогноз числа носителей карельского языка и представителей карельского этноса на 2025 и 2030 гг. на основе метода экспоненциального сглаживания

Таким образом, на примере карельского языка мы наблюдаем тенденцию к сужению сфер функционирования языка в условиях низкой символичной мощности языка среди карельского населения в условиях компактного проживания с представителями других

этносов, прежде всего русских[8]. При отсутствии мер по распространению языкового активизма, повышению престижа языка среди населения, пропаганды использования родного языка в семейно-бытовом общении и др. язык ждет переход в модель слабо перспективного развития.

6. Модель слабо перспективного развития: язык тазов

Модель слабо перспективного развития предполагает пониженные показатели по всем критериям (Табл. 6), при этом историко-культурный контекст утрачивает свою значимость в условиях низкой демографической и символической мощности языка, и прежде всего, на фоне терминального языкового сдвига.

Таблица 6

Набор параметров слабо перспективной модели развития языка

Статус языка: официальный/нет
Тип расселения: дисперсный/компактный
Демографическая мощность языка: низкая
Географический фактор: не ограничен/ограничен
Межпоколенческая передача: есть/нет
Символическая мощность: низкая
Экономический фактор: неблагоприятный/средний
Наличие письменности: да/нет
Коммуникативная мощность: средняя/низкая
Функционирование в ИКТ: нет
Историко-культурный контекст: есть/нет

Примером такого языка среди исследуемых ареалов является язык тазов, проживающих в основном в селе Михайловке Ольгинского района Приморского края (Табл. 7). Среди представителей данного этноса наблюдается терминальная стадия языкового сдвига в сторону русского языка, а поддержанию этнической идентичности во многом способствует экономическая выгода за счет включения в реестр коренных малочисленных народов[9].

[8] Подробнее см.: *Кириленко С.В.* (2022) Статус карельского языка в восприятии говорящих и сферы его использования // Мир науки, культуры, образования. Т. 91. № 6 (97). С. 472–474. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-472-474

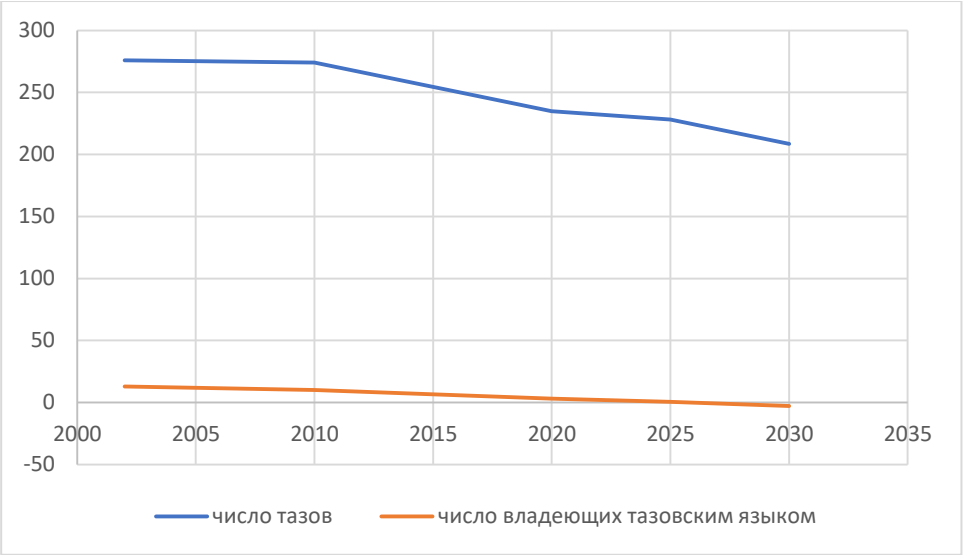
[9] Подробнее см.: *Биткеева А.Н., Каплунова М.Я.* (2021) Трансформация этноустановок тазов в контексте языковой политики России // Вестник Калмыцкого университета. № 4. С 36–45. DOI: 10.53315/1995-0713-2021-52-4-65-72.

Таблица 7

Набор параметров для выявления модели развития тазовского языка

Язык: тазовский
Статус: нет
Число представителей этноса – 276 (2002), 274(2010), 235 (2020)
Число владеющих языком – 13 (2002), 10 (2010), 3 (2020)
Тип расселения – компактный
Демографическая мощность этноса: низкая
Историко-культурный контекст: не поощрялось употребление родного языка, низкий уровень сохранения культуры
Географический фактор: регион «огражден» горами, что способствует снижению влияния на язык извне
Экономический фактор: неблагоприятный, высокий уровень миграции
Функционирование в ИКТ: нет
Коммуникативная мощность: 0
Межпоколенческая передача: нет
Символическая мощность: средняя
Наличие письменности: нет
Языковой сдвиг: терминальная стадия
Модель развития: слабо перспективная

Поскольку язык практически утрачен и его символическая мощность среди оставшихся носителей невысока, среди тазов наблюдается тенденция игнорирования его в ходе переписи населения, в результате чего для осуществления метода экспоненциальной выборки использовались не данные всероссийской переписи населения, а фактические показатели, выявленные в ходе полевых исследований в Приморском крае при общении с представителями данного этноса (Рис. 4).

Параметр	**2002 год**	**2010 год**	**2020 год**	**2025 год**	**2030 год**
Число тазов	276	274	235	228	209
Число владеющих тазовским языком	13	10	3	6	3

Рис. 4. Прогноз числа носителей тазовского языка и представителей тазов на 2025 и 2030 гг. на основе метода экспоненциального сглаживания

Таким образом, в текущей ситуации при отсутствии носителей, способных свободно изъясняться на тазовском языке, а также отсутствии документальных источников по данному языку (за исключением обрывочных примеров и отдельных списков лексики, имеющей определенное сходство с китайским языком) едва ли приходится говорить о возможности полноценного возрождения языка, однако это не исключает возможности осуществления мер по распространению осведомленности представителей этноса о своем историческом прошлом, культурном наследии предков и т.д.

7. Заключение

Проведенное исследование, с одной стороны, отвечает современным запросам государства и общества, позволяя выявить «уязвимые» места в языковой жизни страны и указать на необходимость принятия точечных мер для поддержания функционирования языков РФ и их перехода к модели устойчивого развития. С другой стороны, в условиях весьма ограниченного числа данных (а именно числовых как поддающихся статистическому прогнозированию) мы были вынуждены сконцентрироваться на ограниченном количестве моделей развития языка. Вместе с тем, для соответствия современным требованиям к «языковой политике 2.0» необходимо оптимальное сочетание математических методов прогнозирования с экспертной оценкой, а также активное пополнение данных (прежде всего, числовых) по языковой ситуации в различных регионах РФ за счет отлаженной системы мониторинга на регулярной основе.

Литература

Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: Социолингвистический аспект // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. № 3. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1

Биткеева А.Н., Каплунова М.Я. (2021) Трансформация этноустановок тазов в контексте языковой политики России // Вестник Калмыцкого университета. № 4. С 36–45. DOI: 10.53315/1995-0713-2021-52-4-65-72.

Всероссийская перепись населения (2002) Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17 Дата обращения: 12:11:2023.

Всероссийская перепись населения (2010) Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html Дата обращения: 12:11:2023.

Всероссийская перепись населения (2020) Т. 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami Дата обращения: 12:11:2023.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. (2023) Приоритеты и мегатренды нового десятилетия в национальной политике России // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). № 2. Режим доступа: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1263/1174 Дата обращения: 10.11.2023.

Каплунова М.Я. (2022) Перспективы применения методов анализа больших данных в изучении языковой политики полиэтнических стран // Современная языковая политика в мире: Теория и практика / Отв. ред. М.Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М.: ИМЛИ РАН. С. 68–75. DOI: 10.22455/978-5-9208-0707-6-68-75.

Кириленко С.В. (2022a) Провоцирующие факторы и непосредственные триггеры языковых конфликтов // Мир науки, культуры, образования. Т. 96. № 5. С. 356–358. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-596-356-358

Кириленко С.В. (2022b) Статус карельского языка в восприятии говорящих и сферы его использования // Мир науки, культуры, образования. Т. 91. № 6 (97). С. 472–474. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-472-474

Михальченко В.Ю. (1994) Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М.: Институт языкознания РАН. С. 221–236.

Савинов Л.В., Симагина О.В., Скорых Н.Н. (2023) Стратегия государственной национальной политики: Результаты и перспективы концептуализации // Вестник Российской нации. № 5 (91). С. 9–20.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012) [Электронный ресурс]. Совет Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/ Дата обращения: 12:11:2023.

Kaplunova, M.Ya. (2023) Language activism in Russia: prerequisites and forms of existence // Synergy of Languages & Cultures 2022: Interdiscipilinary Studies. St Petersburg. Pp. 256–265. DOI: 10.21638/2782-1943.2022.20

References

Bitkeeva, A.N., Wingender, M., Mikhal'chenko, V.Yu. (2019) Prognozirovanie i yazykovoe mnogoobrazie v Rossijskoj Federacii: Sociolingvisticheskij aspekt [Language Prognosis and Language Diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic Aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. Vol. 18/ No. 3. Pp. 6–23. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Bitkeeva, A.N., Kaplunova, M.Ya. (2021) Transformaciya etnoustanovok tazov v kontekste yazykovoj politiki Rossii [Transformation of ethnic orientation of the taz people in the context of Russian language policy]. Vestnik Kalmyckogo universiteta. No. 4. Pp. 36–45. (In Russ.) DOI: 10.53315/1995-0713-2021-52-4-65-72.

Vserossijskaya perepis' naseleniya (2002) [All-Russian Population Census]. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Vol. 4. Ethnic identity and language proficiency, citizenship. Federal State Statistics Service]. Available at: http:.www.perepis2002.ru /index.html?id=17 Access date: 12:11:2023. (In Russ.)

Vserossijskaya perepis' naseleniya (2010) [All-Russian Population Census]. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Vol. 4. Ethnic identity and language proficiency, citizenship. Federal State Statistics Service]. Available at: https:.rosstat.gov.ru/free_doc /new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html Access date: 12:11:2023. (In Russ.)

Vserossijskaya perepis' naseleniya (2020). [All-Russian Population Census]. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami [Vol. 4. Ethnic identity and language proficiency. Federal State Statistics Service] Available at: https:.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_ vladenie _yazykami Access date: 12:11:2023. (In Russ.)

Zorin, V.Yu., Kamenskikh M.S. (2023) Prioritety i megatrendy novogo desyatiletiya v nacional'noj politike Rossii [The priorities and megatrends of the new decade in the Russian national policy].
Bulletin of Moscow Region State University (e-journal). No. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (In Russ.)
Kaplunova, M.YA. (2022) Perspektivy primeneniya metodov analiza bol'shih dannyh v izuchenii yazykovoj politiki polietnicheskih stran [Prospects for Big Data Analysis Methods Application in the Research of Language]. Modern Language Policy: Theory and Practice / Ed. Maria Ya. Kaplunova, Zhao Ronghui. M.: IWL RAS Publ. Pp. 68–75. (In Russ.)
Kirilenko, S.V. (2022a) Provociruyushchie faktory i neposredstvennye triggery yazykovyh konfliktov [Provokative factors and direct triggers of language conflicts]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Vol. 96. No. 5. Pp. 356–358. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-596-356-358
Kirilenko, S.V. (2022b) Status karel'skogo yazyka v vospriyatii govoryashchih i sfery ego ispol'zovaniya [The status of the Karelian language in the perception of speakers and the spheres of its use]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Vol. 91. No. 6 (97). Pp. 472–474. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-472-474
Mihal'chenko, V.Yu. (1994) Nacional'no-yazykovye konflikty na yazykovom prostranstve byvshego SSSR [National and linguistic conflicts in the linguistic space of the former USSR]. Yazyk v kontekste obshchestvennogo razvitiya. M.: Institut yazykoznaniya RAN. Pp. 221–236. (In Russ.)
Savinov, L.V., Simagina, O.V., Skoryh, N.N. (2023) Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki: Rezul'taty i perspektivy konceptualizacii [State national policy strategy: Results and prospects for conceptualization]. Vestnik Rossijskoj nacii. No. 5 (91). Pp 9–20. (In Russ.)
Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (2012) [State national policy strategy till 2025]. Sovet Bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Security council of the Russian Federation]. Available at: http:www.scrf.gov.ru/security/State/document119/ Access date: 12:11:2023. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта No 21-512-12002НИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number No 21-512-12002 НИО_а“Prognostic methods and future scenarios in language policy –multicultural Russia as an example”

Каплунова Мария Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: maria.kaplunova@iling-ran.ru

Kaplunova Maria Yakovlevna – Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.

Email address: maria.kaplunova@iling-ran.ru

Для цитирования: *Каплунова М.Я.* Социолингвистические сценарии языкового развития как стимул для мониторинга языковой ситуации в Российской Федерации // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 53–69. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-53-69

For citation: *Kaplunova, M.Ya.* Sociolinguistic Scenarios of Language Development as a Stimulus for Monitoring the Language Situation in the Russian Federation// Sociolinguistics. 2023. No. 4 (16). Pp. 53–69. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-53-69

The article was submitted 01.09.2023;
approved after reviewing 18.10.2023;
accepted for publication 15.12.2023.

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-70-79

МЕЛКИЕ ИНЦИДЕНТЫ КАК ИНДИКАТОР ЯЗЫКОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ СИТУАЦИИ ГОНКОНГА

Ли Цзя
Уханьский университет
Ухань, Китай

Языковое прогнозирование – одно из ключевых направлений языкового планирования. Исходя из гипотезы о том, что мелкие инциденты, связанные с языком, часто являются предвестниками крупномасштабных беспорядков, в статье сначала рассматриваются исторические изменения в языковой политике Гонконга и проблемы текущей политики «двух письменностей и трехъязычия», а затем рассматривается ряд мелких инцидентов, связанных с языком, произошедших перед беспорядками в Гонконге в 2019 году, включающих протесты и волнения против стандартизованного путунхуа и упрощенных китайских иероглифов, наблюдаемых Национальным институтом научно-исследовательским центром по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае при Уханьском университете. Очевидно, что эти инциденты сыграли важную роль в процессе формирования беспорядков 2019 года и могут служить одним из параметров языкового прогнозирования в Гонконге. В статье также обсуждаются методы и трудности при наблюдении за мелкими инцидентами, связанными с языком, и заявляется о необходимости большего междисциплинарного сотрудничества и государственных обязательств. В заключение статьи подчеркивается важность языкового прогнозирования на основе киберпространства, несмотря на существующие проблемы, характерные для цифрового мира.

Ключевые слова: *языковая политика в Гонконге; инциденты, связанные с языком; политика «двух письменностей и трехъязычия»; упрощенные китайские иероглифы; языковое прогнозирование*

MINOR INCIDENTS AS AN INDICATOR OF LANGUAGE PROGNOSIS: THE CASE OF HONG KONG

Li Jia
Wuhan University
Wuhan, China

Language prognosis is one of the key areas in language planning. Based on the hypothesis that minor language-related incidents are often precursors to large-scale riots, the article first examines historical shifts in Hong Kong's language policy and problems of the current "biliteracy and trilingual" policy, and then reports a series of minor language-related incidents before 2019 Hong Kong riots, including oppositions and unrests against Standard Mandarin and simplified Chinese characters, monitored by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development at Wuhan University. It is clear that these incidents played an important role in the process shaping the 2019 riots, and can serve as one of the parameters for language prognosis in Hong Kong. The paper also discusses methods and difficulties in monitoring minor language-related incidents, and calls for more interdisciplinary co-operations and government commitments. The article concludes emphasizing the importance of language prognosis based on cyberspace despite the existing challenges that are peculiar to the digital world.

Keywords: *language policy in Hong Kong; language-related incidents; "biliteracy and trilingual" policy; simplified Chinese characters; language prognosis*

1. Introduction

Language prognosis or sociolinguistic forecasting is one of the key areas in language planning. The major practitioners of sociolinguistics postulated the idea parallelly, as Cooper proposed a "predictive adequacy" within the framework of language planning:

> *Predictive adequacy refers to our ability to forecast events…forecasts could, in principle, be made about what actors will attempt to influence what behaviors of which people by what means and with what results. [Cooper, 1989:48]*

Similar ideas also appeared in Chinese literature. But it is the Russian scholars who made it an academic term "*Языковое прогнозирование*" ("Yazykovoe prognozirovanie) [В.Ю. Михальченко, 2006:271], and proposed a comprehensive model and applied it to explain real-life language development [Биткеева et al., 2019]. In the following article, we would like to use the case of Hong Kong to demonstrate the feasibility of language prognosis. It is our belief that in multilingual or multi-dialectal societies, language-related incidents usually precede outbreaks of large-scale social unrests. These incidents are usually small enough to be easily neglected, but they are effective barometers for us to monitor social trends.

2. An overview of historical shifts in Hong Kong's language policy

Three stages can be drawn to describe Hong Kong's language situation in the last two centuries [Su, 2010]:

1) Before the British occupation in 1842, language situation in Hong Kong was not much different from other areas in Southern China, i.e., local dialects for speaking and Wenyan (classical Chinese) for writing. Cantonese was the main dialect spoken by the residents, and Hakka dialect was also used by a number of immigrants.

2) During the British occupation from 1842 to 1997, English became the only official language and Chinese (Yue dialect) had no official status until 1974. During this period, English dominated all official spheres, while Chinese dialects, mainly Yue and also some Hakka, Southern Min and Wu, were used for speaking. Vernacular Mandarin with Yue dialect influence was also used for writing.

3) After the handover of Hong Kong in 1997, *The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region* came into effect. In Article 9 of Chapter I, the Basic Law stipulates:

In addition to the Chinese language, English may also be used as an official language by the executive authorities, legislature and judiciary of the Hong Kong Special Administrative Region.

This arrangement is not only a manifestation of the principle of "one country, two systems", but also takes historical and practical considerations into account. Because English still occupies a dominant position in administrative, legislative, jurisdictional and business affairs, its status maintains. On the other hand, the term "Chinese language" used in the Basic Law can refer to both Putonghua (Standard Mandarin) or Cantonese dialect, with no clear specification made. This ambiguous approach later became the popular term "biliteracy and trilingual" promoted by the Hong Kong SAR Government, with a long-term goal of adopting Putonghua as the administrative, legislative, jurisdictional and educational language, Cantonese dialect as marketing, television and family language, and English as business language.

3. Problems of the "biliteracy and trilingual" policy

The "biliteracy and trilingual" policy was first proposed by the former Chief Executive of the Hong Kong SAR, Mr Tung Chee-hwa, in his 1997 Policy Address, which called for "all secondary school graduates to be able to write fluently in both Chinese and English, and to communicate with others confidently in Cantonese, English and Putonghua" [Li and Leung, 2020].

There have been two major achievements in last two decades since the implementation of the policy [Shi and Zhuo, 2015]. Firstly, the status of English in Hong Kong has remained basically unchanged, with Hong Kong people still valuing their English proficiency; and secondly, the Putonghua ability of the younger generation has been improved. However, the relationship between Cantonese dialect and Putonghua has increasingly become a focus of controversy over the "biliteracy and trilingual" expression in the policy.

Under the 150-year British rule, Hong Kong has long been out of step with the mainstream culture of the mainland, and the people of Hong Kong are accustomed to calling their mother tongue (i.e., Cantonese dialect) "中文 (literally, Chinese written language)", which corresponds to the term "英文 (literally, English written language)". On the other hand, while the rapid development of the vernacular language (白话文) in the mainland since 1919 has made the difference between Chinese written language and spoken language increasingly minute, the corresponding process in Hong Kong has been much slower, which has resulted in the separation of "语 (spoken Chinese)" and the "文 (written Chinese)" in Hong Kong.

Based on the theory of diglossia proposed by Ferguson [1959] and Fishman [1980], Su [2010] constructed a multi-layered diglossia system to describe the language situation in Hong Kong (Putonghua abbreviated as PTH):

<table>
<tr><td>H</td><td colspan="9">L</td></tr>
<tr><td rowspan="10">English</td><td colspan="9">Chinese</td></tr>
<tr><td colspan="4">H</td><td colspan="5">L</td></tr>
<tr><td colspan="4">Standard Chinese (PTH)</td><td colspan="5">Chinese dialects</td></tr>
<tr><td colspan="3">H</td><td>L</td><td colspan="4">H</td><td>L</td></tr>
<tr><td colspan="3" rowspan="2">written PTH</td><td rowspan="4">spoken PTH</td><td colspan="4">Cantonese dialect</td><td rowspan="4">dialects other than Cantonese</td></tr>
<tr><td colspan="2">H</td><td colspan="2">L</td></tr>
<tr><td>H</td><td colspan="2">L</td><td rowspan="3">written Cantonese</td><td colspan="3">spoken Cantonese</td></tr>
<tr><td>Standard written PTH</td><td colspan="2">Cantonese-influenced written PTH</td><td>H</td><td>L</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td>formal</td><td>informal</td></tr>
</table>

The linguistic landscape depicted by the graph above is further complicated by two factors:

1) Due to the “biliteracy and trilingual” expression ambiguity term in the Basic Law and the implementation of “biliteracy and trilingual” policy, many Hong Kong people, especially young people, regard the Cantonese dialect as a language. Following this logic, the relationship between the Cantonese dialect and Putonghua will no longer be “diglossia”, but “bilingual”, and the linguistic landscape illustrated above will be completely rewritten.

2) The above illustration only takes into account the language but not the characters. As well known, traditional Chinese characters are mainly used in Hong Kong, while simplified Chinese characters are mainly used in the mainland. Differences between the two kinds of characters are not very significant, and both can be used to record any variations of spoken Chinese (both Putonghua and Cantonese dialect), but in Hong Kong the differences can often be magnified by certain groups, with simplified Chinese characters being the target of attack.

4. Minor language-related incidents in the last decade

Let us briefly review the observations and studies in the reports *Language Situation in China* (hence abbreviated as LSC), edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development at Wuhan University, on language issues in Hong Kong, especially on minor language-related incidents that may not count as large-scale conflicts.

4.1 "Supporting Cantonese movement" in 2010

The so called "supporting Cantonese movement" is a series of events took place in Guangzhou from June to August 2010, only a few months before 2010 Asian Games. The incident began with a misunderstanding that the government wanted to switch all of previous Cantonese dialect programmes to Putonghua on Guangzhou's main television channel. Protests began on Weibo (the biggest microblogging platform in China) in June, and several small-scale marches took place on the streets of Guangzhou in July and August, which were eventually ended when the government stepped in to dispel the rumours.

Although this incident took place in Guangzhou, it was strongly influenced by certain groups in Hong Kong, and our report has made a very clear judgement on that:

> *Certain foreign, Hong Kong and Taiwan media took the opportunity to fuel the fire… Many newspapers in Hong Kong, such as the Apple Daily and Ming Pao, exaggerated the facts, claiming that "10,000 people in Guangzhou went to the streets to support Cantonese"; some netizens in Guangdong and Hong Kong made an agreement to "launch a movement in support of Cantonese", and instigated to hold a "historic Hong Kong-Guangdong collaboration to support Cantonese". (LSC, Special Report, 2010, No.1, written by Zhao et al.)*

4.2 "Chinese Language Festival" incident at Hong Kong Polytechnic University in 2012

At the end of November 2012, Hong Kong Polytechnic University and Hong Kong Confucius Institute co-organised a "Chinese Language Festival" for overseas students. Due to the use of simplified Chinese characters, the event was immediately criticised and attacked on Facebook, Google+ and some local forums in Hong Kong. Some even pointed their fingers directly at the Central Government and made extremely radical and inflammatory remarks, such as the infiltration of the Communist Party, the promotion of "disabled characters" (which is an insulting name they gave to the simplified Chinese characters), and so on.

Our report conducted an in-depth analysis on the motives of the incident, pointing out that it was not a purely language incident, but a political one, in which some people with political motives made use of the language as a political tool to alienate the relationship between Hong Kong and the mainland, so as to deliberately create hostility between Hong Kong identity and the Chinese identity, by exaggerating the differences between the two types of characters. Our report has also made visionary suggestions, including:

> *Exchanges between young people in Hong Kong and the Mainland should be promoted comprehensively, and efforts should be made to expand the scale of enrolment of Hong Kong students in the mainland. There is an urgent need to enhance young people's understanding of*

the motherland and identification with the motherland, both from the perspective of solving current problems (among those who participated in this incident, a large proportion were young people) and from the perspective of a long-term solution. (LSC, Special Report, 2012, No.2, written by Li).

4.3 Intensive oppositions to simplified characters from 2015 to 2016

Between 2015 and 2016, simplified Chinese characters were again confronted with intensive oppositions in Hong Kong, with the following major incidents (from LSC, Special Report, 2016, No.1, written by Wang & Hu):

1) At the end of November 2015, Hong Kong Polytechnic University once again engaged in a fierce debate on the issue of traditional and simplified Chinese characters, and some Hong Kong students posted separatist slogans saying "HK IS NOT CHINA", which ignited widespread support in universities in Hong Kong and on social networks. In the following two months, there was a steep increase of "Hong Kong independence" speech on social media, reaching a peak of the past two years.

2) In December 2015, the SAR Education Bureau mentioned in a document that "students should be able to read and write simplified Chinese characters", which triggered speculations among some Hong Kong media and radical political organisations, which claimed that this was "political tactic" for "brainwashing" and "in the name of widening the scope of learning, it is actually Mainlandisation". The Education Bureau was forced to make several clarifications under pressure, and in February 2016, radical organisations involved in the dispute over simplified characters staged a premeditated "Mongkok riot".

3) In February 2016, the Student Union of Hong Kong Baptist University issued an open letter complaining about the use of simplified Chinese characters in a canteen notice, and the letter included insulting and pan-political remarks such as "paying attention to who is in charge in Hong Kong", "bowing down and pandering to the mainland", "Mainland students are welcome to withdraw from the union and the university" and "being discriminated everywhere", which has once again aroused fierce controversies.

4) In February 2016, the Hong Kong television channel TVB received nearly ten thousand complaints in one day over the use of simplified Chinese subtitles in its news reports, and some "localist" groups rallied to protest, and some media fueled the protests by labelling TVB as "communists".

5) In March 2016, the Secretary for Education of Hong Kong was besieged by more than 100 protesters when attending a secondary school celebration ceremony. Some of the protesters wore T-

shirts with the slogan “Hot-blooded Citizen” and carried banners with the slogan “Defend Traditional Chinese Characters”.

4.4 The occupation incident of Baptist University in 2018

In January 2018, more than 10 students from Hong Kong Baptist University occupied the university’s language centre for eight hours and insulted teachers there with offensive language after failing to pass the Putonghua examination. This was followed by a half-month-long standoff between the university and the students, during which a march of more than 200 people also took place on the campus (LSC, 2018, No.1, written by Chen & Guo).

The incidents selected above all include both online and offline settings. Besides, there were also a large number of incidents that took place only online, which will not be further elaborated. It is evident that participants in these incidents were mostly young people, especially university students, who had received their school education after the return of Hong Kong in 1997, and some of them were even born after 1997. However, their attitudes towards the mainland were not only distanced, but also confrontational and hostile. Before the outbreak of large-scale violent riots in 2019, language was turned into a tool to express their emotions.

5. Methods and difficulties in monitoring minor incidents

Above we have reviewed some of the language-related incidents that took place before the 2019 violent riots in Hong Kong. As an old Chinese saying goes, “it takes more than one day for three feet of ice to freeze”. Large-scale social riots, in addition to the soil from which they arose, needed to ferment and brew for a period of time, and the incidents above played an important role in this process. We certainly do not consider that problems in Hong Kong are merely language problems, but language and language-related incidents can serve as an important window for minoring social trends in Hong Kong.

In our monitoring, social media is undoubtedly the most essential source. Although we do use a number of automated crawling softwares, they are not always as effective as they could be due to legal and technical constraints, so in practice manual analyses remain the most important method, mainly including:

1) Regular monitoring of the top hits in social media;

2) Collecting and organising hot topics and their comments;

3) Analysing the nature of the incident, etc.

During the process we also encounter difficulties. Similar to other languages are the legal and technical problems mentioned above. As scholars, we can only see the front-end data like any other

user, and cannot access the back-end data which contains more information, including user attributes which are crucial for relevant analyses, that's why in many circumstances it is difficult for us to make very accurate profiles. In addition, there are problems with automated crawlers too, such as capturing large amounts of invalid data, or being blocked if used too often.

We also face problems unique to the Chinese language. For example, Chinese netizens will take advantage of Chinese characters to bypass cyber-regulations through using homophones, character variants, similar shape characters, and even splitting-up character. Furthermore, there are also euphemisms relating to politics in Chinese social media, making it difficult for outsiders to understand, all of which add to the difficulty of information processing.

6. Conclusion

With the increasing degree of virtualisation of human society, the importance of language prognosis based on cyberspace is beyond doubt. Meanwhile, due to its virtual nature, language prognosis in cyberspace also faces numerous challenges that are quite different from those in real world. This calls for more interdisciplinary co-operations and government commitments. We are glad to see that language prognosis could play a greater role in a wider arena.

Литература

Биткеева А. Н., Вингендер, М., Михальченко В. Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 18. № 3. С. 6–23.

Михальченко В.Ю. (2006) Словарь социолингвистических терминов, Институт языкознания РАН, Pp. 271.

Cooper R. L. (1989) Language planning and social change, Cambridge University Press, Pp.48.

Ferguson C. A. (1959) Diglossia, Word, Vol. 15, Pp. 325–340.

Fishman J. A. (1980) Bilingualism and biculturism as individual and as societal phenomena // Journal of Multilingual & Multicultural Development, Vol.1, Pp. 3–15.

Chen Zhengyi and Guo, Tingting (2018) Language Situation in China, No.1, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University.

Li David Chor Shing and Leung, Wai Mun (2020) Hong Kong SAR's "Biliteracy and Trilingualism" Language-in-education Policy: Major Challenges and Proposed Coping Strategies // Chinese Journal of Language Policy and Planning, No.1, Pp. 46–58.

Li, Jia (2012) Language Situation in China, Special Report, No.2, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University.

Shi Jianguo and Zhuo, Qiongyan (2015) Issues in Implementing Biliteracy and Trilingualism in Hong Kong // The Journal of Chinese Sociolinguistics, No.1, Pp. 109–115.

Su, Jinzhi (2010) Language Change in Hong Kong: Diglossia or Bilingualism? // Journal of Yunnan Normal University (Humanities and Social Sciences), No.3. Pp. 41–47.

Wang Yubo and Hu, Jiming (2016) Language Situation in China, Special Report, No.1, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University.

Zhao Shiju et al. (2010) Language Situation in China, Special Report, No.1, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University.

References

Bitkeeva, A. N., Wingender, M., Mikhal'chenko V.YU. (2019) Prognozirovaniye i yazykovoye mnogoobraziye v Rossiyskoy Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]. Series 2: Linguistics. Volume 18, no. 3. Pp. 6–23. (In Russ.)

Mikhalchenko, V. Yu. (2006) Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms], Institut yazykoznaniya RAN [Institute of Linguistics RAS], Pp. 271. (In Russ.)

Cooper, R. L. (1989) Language planning and social change, Cambridge University Press, Pp.48. (In English)

Ferguson, C. A. (1959) Diglossia, Word, Vol. 15, Pp. 325–340. (In English)

Fishman, J. A. (1980) Bilingualism and biculturism as individual and as societal phenomena. Journal of Multilingual & Multicultural Development, Vol.1, Pp. 3–15. (In English)

Chen, Zhengyi and Guo, Tingting (2018) Language Situation in China, No.1, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University. (In Chin.)

Li, David Chor Shing and Leung, Wai Mun (2020) Hong Kong SAR's "Biliteracy and Trilingualism" Language-in-education Policy: Major Challenges and Proposed Coping Strategies. Chinese Journal of Language Policy and Planning, No.1, Pp. 46–58. (In Chin.)

Li, Jia (2012) Language Situation in China, Special Report, No.2, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University. (In Chin.)

Shi, Jianguo and Zhuo, Qiongyan (2015) Issues in Implementing Biliteracy and Trilingualism in Hong Kong. The Journal of Chinese Sociolinguistics, No.1, Pp. 109–115. (In Chin.)

Su, Jinzhi (2010) Language Change in Hong Kong: Diglossia or Bilingualism? Journal of Yunnan Normal University (Humanities and Social Sciences), No.3. Pp. 41–47. (In Chin.)

Wang, Yubo and Hu, Jiming (2016) Language Situation in China, Special Report, No.1, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University. (In Chin.)

Zhao, Shiju et al. (2010) Language Situation in China, Special Report, No.1, edited by the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Wuhan University. (In Chin.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке «Проекта гуманитарных и социальных наук» Министерства образования Китая, № 18YJC740035.

The reported study was funded by "The Humanities and Social Science Project" of the Ministry of Education of China, No. 18YJC740035.

Li Jia – Ph.D., Senior Lecturer, Senior researcher of the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Senior Lecturer of the College of Chinese Language and Literature, Wuhan University, China.
Address: College of Chinese Language and Literature, Wuhan University, Wuhan, China, 430072.
Email: leechia@whu.edu.cn

Ли Цзя – Ph.D., старший преподаватель, старший научный сотрудник национального научно-исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае, старший преподаватель факультета китайского языка и литературы, Уханьский университет, Китай.
Адрес: Факультет китайского языка и литературы, Уханьский университет, Ухань, Китай, 430072.

Эл. адрес: leechia@whu.edu.cn

Для цитирования: *Ли Цзя* Мелкие инциденты как индикатор языкового прогнозирования: на примере ситуации Гонконга // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 70–79. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-70-79

For citation: *Li, Jia* Minor incidents as an indicator of language prognosis: the case of Hong Kong // Sociolinguistics. 2023. No. 4(16). Pp. 70–79. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-70-79

The article was submitted 20.09.2023;
approved after reviewing 28.10.2023;
accepted for publication 16.11.2023

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-80-91

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

Светлана В. Кириленко
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Современные исследования такого социолингвистического явления, как языковой сдвиг, много внимания уделяют причинам его возникновения, равно как и выработке способов для противодействия языковому сдвигу. При этом актуальным является исследование самого механизма языкового сдвига, изучение изменений, происходящих в сферах использования языка, языковой компетенции говорящих разных поколений. Немаловажным является изучение факторов, воздействующих на языковой престиж и языковую лояльность, а также изменения типов говорящих на различных стадиях языкового сдвига. В статье изучается воздействие широкой диглоссии на языковой престиж, влекущее за собой языковые изменения. Исследуется процесс сосуществования двух языков в диглоссных взаимодополняющих отношениях, что приводит к гибели одного из них. Анализируются изменения в типах говорящих на языке, претерпевающем языковой сдвиг, влекущее за собой изменения в языковом ландшафте сообщества. Рассматриваются бегло говорящие на языке, полуговорящие, асимметричные (неравновесные) билингвы, ограниченно говорящие (частичные носители), пассивные билингвы, остаточные носители, носители-невидимки, помнящие говорящие, последние говорящие. Понимание функциональных особенностей языкового сдвига является значимым для эффективности разработки методов сохранения и ревитализации языков.

Ключевые слова: языковой сдвиг, языковые изменения, жизнеспособность языка, широкая диглоссия, типы говорящих

CHANGES IN THE LANGUAGE LIFE OF A COMMUNITY IN THE CONTEXT OF LANGUAGE SHIFT

Svetlana V. Kirilenko
Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Modern studies of such a sociolinguistic phenomenon as a language shift pay much attention to the causes of its occurrence, as well as to the development of ways to counteract a language shift. At the same time, it is relevant to study the very mechanism of the language shift, the study of changes taking place in the spheres of language use, the language competence of speakers of different generations. It is also important to study the factors affecting language prestige and language loyalty, as well as the changes in the types of speakers at various stages of the language shift. The article examines the impact of broad diglossia on language prestige, which entails language attitudes. The process of coexistence of two languages in diglossic complementary relations is investigated, as it leads to the death of one of them. Changes in the types of speakers of a language undergoing a linguistic shift, entailing changes in the linguistic landscape of a community, are analyzed. The author considers fluent speakers, semi-speakers, asymmetrical (non-balanced) bilinguals, limited speakers

(partial speakers), passive bilinguals, terminal speakers, ghost speakers, rememberers, and last speakers. Understanding the functional features of the language shift is significant for the effectiveness of the development of methods for the preservation and revitalization of languages.

***Keywords**: language shift, language change, language vitality, broad diglossia, speakers' types*

1. Введение

Механизмы происходящих языковых изменений являются актуальным направлением современных исследований в социолингвистике. Языковой сдвиг – это один из частных случаев процессов языковых изменений, тем не менее последствия, которые он способен вызвать, могут быть решающими для существования языка. При исследовании процессов языкового сдвига важно изучать не только изменения в социальном перераспределении языковых вариантов, но и изменения в их функциональных характеристиках.

Использование двух и более языков в одном речевом сообществе в настоящее время является скорее правилом, чем исключением. Некоторые речевые сообщества являются билингвальными или полилингвальными в течение нескольких десятилетний, и эта ситуация может казаться на первый взгляд довольно стабильной. Однако стабильность сосуществования таких языков, весьма вероятно, может являться призрачной. Огромное количество языков в настоящее время находится под угрозой исчезновения: по данным Этнолога (EGIDS), из 7168 языков мира 42 % в настоящее время находятся под угрозой исчезновения, на них говорят менее тысячи человек. Многие языки считаются либо вымершими, либо используются только в качестве второго языка [EGIDS].

Языковой сдвиг является значимым предметом исследования в социальной лингвистике, в связи с тем, что «языковой сдвиг почти всегда является результатом социальных факторов» [Гренобль, 2021: 10]. В работе У. Маккея изучается скорость процессов языковых изменений, происходящих вследствие языкового сдвига, где утверждается, что скорость, природа и направление языковых изменений определяется самими контактными языками, языковыми сообществами, их использующими, и языковым окружением [Mackey, 1991]. Н.Б. Вахтин описывает условия, необходимые для возникновения языкового сдвига и факторы, негативно влияющие на жизнеспособность языков. Утверждается, что прямое насилие/принуждение и выбор – это главные факторы, влияющие на языковой сдвиг [Вахтин, 2001:13]. В работе Дж. Венделя и П. Хайнриха [Wendel et al, 2012] описана типология сдвигов, рассмотренных через концепцию языковой экологии, где взаимоотношения внутри языкового сообщества представлены в виде языковой экологии. Языковые сдвиги типологизируются по стабильным типам (emergent ecologies, multilingual ecologies) и конкурентным типам языковых сообществ

(replacement ecologies, exploitation ecologies, glocalizing ecologies). Н. Остлер приводит обзор языковых сдвигов, возникавших в истории, обосновывает способы появления языкового сдвига и объем его воздействия на язык [Ostler, 2011].

Витальность языка или языкового варианта зависит от комбинации факторов. Первое место, безусловно, занимает социальная потребность говорящих: “If the language of the community does not serve the needs of that community, and express all the interests of its people, there is a serious danger of division and ultimate dissolution of the community” («Если язык сообщества не служит потребностям этого сообщества и не выражает всех интересов его народа, возникает серьезная опасность разделения и окончательного распада сообщества») [Eckert, 1980: 1063]. Другими важными факторами являются потребность в выражении идентичности у говорящих, престижность языкового варианта, лояльность говорящих, символическая ценность языка, а также демографические, географические, институциональные и другие параметры. Даже, казалось бы, фактор, способствующий сохранению языка – использование его в школьном образовании – может стать фактором языкового сдвига: “...availability of school transmission risks further neglect of home transmission” (...доступность школьной трансмиссии ставит под угрозу важность семейно-бытовой трансмиссии») [Dorian, 2010: 35].

2. Причины языкового сдвига

Языковой сдвиг – термин, введенный Дж. Фишманом [Fishman, 1991]. Этот термин обозначает неспособность языкового сообщества сохранять витальность своего языка в условиях конкуренции со стороны другого языка, более функционально развитого, имеющего также и другие факторы превосходства в демографическом и/или социальном плане [A Dictionary of Sociolinguistics, 2012: 182–183]. В «Словаре социолингвистических терминов» этот термин представлен как «процесс и результат утраты этносом этнического языка» [Словарь..., 2006: 276–277].

Причины возникновения языкового сдвига достаточно подробно описаны исследователями, приведем основные из них. Одними из самых значимых причин, безусловно, являются изменения в социальных и экономических потребностях говорящих. Люди переходят на функционально развитый язык или на более престижный язык с тем, чтобы получить доступ к лучшим образовательным или карьерным возможностям или для того, чтобы приобрести более высокий социальный статус. Особенностью развития современного общества является то, что вследствие увеличения социальной мобильности все чаще заключаются смешанные браки, в которых обычно переходят на один язык семейного общения. Другой значимой

причиной возникновения языкового сдвига является языковая политика, проводимая в поддержку определенного языка и осуществляемая на государственном уровне. Влияние глобализации также внесло ощутимые изменения в количество говорящих на коренных языках вследствие того, что в сферах массовой информации и в онлайн сфере повсеместно широко используются доминирующие или распространенные языки, а если ресурсы на коренных языках и создаются, то они функционируют скорее как элемент культурного наследия народа. Культурная гегемония, т.е. доминирование определенной культуры вызывает языковой сдвиг у менее функционально развитых языков вследствие того, что происходит принятие доминирующего языка как средства культурной ассимиляции или идентификации с доминирующей группой. Урбанизация также является триггером языкового сдвига. В настоящее время более половины населения нашей планеты проживает в городах, где общение между говорящими осуществляется обычно на одном языке, вследствие чего уже второе поколение в семье переехавших из сельской местности, как правило, владеет коренным языком очень слабо. Язык, используемый в школах и учебных заведениях, может существенно воздействовать на то, что в отношении других языков рассматриваемого речевого сообщества начнется языковой сдвиг. Важной причиной для появления языкового сдвига является снижение языкового престижа в восприятии говорящих на нем людей. Изменения в отношении к собственному языку, часто из-за негативных стереотипов или появления представлений о нем как о неполноценном языке, могут привести к языковому сдвигу.

Среди тех факторов, которые четко свидетельствуют о неизбежности языкового сдвига, имеют место как кардинальные изменения, так и медленно протекающие процессы.

Перечислим некоторые, наиболее очевидные, причины языкового сдвига, которые были сгруппированы по скорости течения сдвига:

а) кардинальные социально-политические изменения: изменение государственных границ – образование нового государства; природные катаклизмы и другие факторы катастрофического характера; изменения в идеологической составляющей языковой жизни сообщества; изменения в языковой политике**;**

б) постепенные изменения в общественной жизни говорящих: влияние глобализации и индустриализации; разрушение сельского уклада жизни языкового сообщества и перемещение прежде изолированной языковой группы в городскую среду; образование полилингвального сообщества в прежде монолингвальном районе вследствие социально-экономических изменений.

По определению Дж. Фишмана, в процессе языкового сдвига число говорящих неуклонно уменьшается с каждым поколением: “...process whereby intergenerational continuity of

the heritage language is proceeding negatively, with fewer ‘speakers, readers, writers, and even understanders’ every generation” («...процесс, при котором межпоколенческая преемственность языка протекает отрицательно, в каждом поколении уменьшается количество говорящих, умеющих читать и писать и просто понимающих язык» [Fishman, 1991: 1]. Важно отметить и то, что в процессе языкового сдвига переход от использования одного языка к использованию второго языка происходит при участии такого социолингвистического фактора, как широкая диглоссия. Термин «широкая диглоссия» обозначает сосуществование двух разных языков во взаимодополняющих отношениях [A Dictionary of Sociolinguistics, 2012: 82]. В этом состоит отличие от обычной диглоссии, где сосуществуют две формы одного и того же языка.

3. Языковой сдвиг как модель из стадий языковых изменений

Рассмотрим процесс языкового сдвига как модель из четырех стадий языковых изменений, в которой наличествуют, помимо широкой диглоссии, также такие компоненты, как изменения в типах говорящих, изменения в языковой компетенции, сокращение функциональной мощности языка, изменения в использовании языка в каждом поколении. Язык, претерпевающий языковой сдвиг, обозначим как язык «А», а язык, его заменяющий – язык «Б».

Первая стадия языкового сдвига (см. таблицу 1): язык «А» используется в полном объеме во всех или большинстве имеющихся сфер общения. Большинство говорящих свободно владеют языком «А». Это *бегло говорящие среднего возраста* (older fluent speakers), *бегло говорящие младшего возраста* (younger fluent speakers) и *полуговорящие младшего возраста* (semi-speakers).

Полуговорящий (или *частичный носитель (*partial speaker*)*) обладает частичной языковой компетенцией, ограниченно использует этот язык в общении. «Полуговорящие появляются в языке на стадии «потери компетенции», которым предшествуют стадии “потеря функции” и “потеря престижа”» [Кириленко, 2021: 183]. Такие говорящие имеют достаточно хорошее понимание основного словарного запаса, грамматики и устойчивых выражений языка, однако при этом свободно говорить или долго общаться на языке им сложно вследствие отсутствия хорошей речевой практики, а также отсутствия возможности развивать свои языковые навыки. При общении полуговорящие, как правило, используют так называемый «простой» язык общения, где отсутствует лексика и грамматические конструкции уровня B2 и выше (по шкале языковой компетенции CEFR – Common European Framework of Reference).

В языковом сообществе у говорящих наблюдается высокий уровень языковой лояльности, верности своему языку и языкового престижа по отношению к языку «А». В то же

время в речевом сообществе появляется язык «Б», и одновременно начинает оказывать свое воздействие широкая диглоссия. Для широкой диглоссии точно так же, как и в обычной диглоссии, характерно следующее восприятие двух языковых вариантов в сознании говорящих: один язык (вариант языка) считается более престижным, а другой – менее престижным. В результате влияния широкой диглоссии в языковом сообществе появляются *полуговорящие младшего возраста*.

Таблица 1

Языковой сдвиг: стадия 1

Уровень владения языком «А»	Старшее и среднее поколение – свободное владение Молодые люди – средний уровень языковой компетенции
Функционирование языка «А» в сферах общения	Функционирует во всех сферах общения
Основные группы говорящих на языке «А»*	Бегло говорящие старшего и среднего возраста Бегло говорящие или полуговорящие младшего возраста
Воздействие широкой диглоссии	Появление широкой диглоссии в жизни языкового сообщества
Языковая лояльность в сообществе	Высокий уровень языковой лояльности, высокий престиж языка «А»

* См. подробнее: [Кириленко, 2021].

Вторая стадия языкового сдвига (см. таблицу 2): язык «А» ограниченно используется в сферах общения. Наблюдается уменьшение использования языка «А» в официальных сферах общения. Снижается престиж языка «А» в языковых установках говорящих вследствие усиленного воздействия широкой диглоссии. Говорящие, в общем и целом, лояльны к своему родному языку, при этом верность языку «А» уже не является приоритетом для некоторых из них.

Полуговорящие среднего возраста, хотя и обладают высоким уровнем владения языком «Б», все же могут относительно свободно общаться на языке своих родителей – языке «А». Появляются такие типы говорящих как *неравновесные (асимметричные) билингвы* (unbalanced bilinguals) и *ограниченно говорящие* (partial speakers) среди молодежи. *Асимметричные билингвы* имеют разный уровень владения двумя языками: они говорят, понимают и выражают свои мысли на одном языке более свободно, чем на другом, вследствие более активного использования языка «Б» в формальных сферах общения, а языка «А» в неформальных сферах

общения. Особенность общения асимметричных билингвов в том, что они часто задействуют кодовые переключения, переходя с языка на язык даже в пределах одного предложения. Если рассматривать термин «асимметричные билингвы» не в контексте языкового сдвига, а в общем смысле, то дисбаланс языков общения может быть и обратным, т.е. родной, коренной язык может превалировать в общении в количественном выражении, в случае если значительная часть общения говорящих проходит в семейной и дружеской сферах общения, а доминирующим языком пользуются лишь в рабочей среде.

Термин «*частичный носитель*» используется как в некоторой степени синоним номинации «*неравновесный (асимметричный) билингв»,* однако такие говорящие чаще характеризуются менее развитой языковой компетенцией своего родного языка. В отличие от асимметричного билингва, частичные носители не могут полноценно общаться на коренном языке в семейной или дружеской сферах общения.

Таблица 2

Языковой сдвиг: стадия 2

Уровень владения языком «А»	Старшее поколение – свободное владение Среднее поколение – средний или низкий уровень языковой компетенции Молодые люди – низкий уровень языковой компетенции
Функционирование языка «А» в сферах общения	Ограниченно функционирует в регулируемых сферах общения Широко функционирует в нерегулируемых сферах общения (сферах повседневного, дружеского общения и др.)
Основные группы говорящих на языке «А»	Бегло говорящие старшего возраста Полуговорящие среднего возраста Неравновесные (асимметричные) билингвы младшего возраста Ограниченно говорящие (частичные носители) младшего возраста
Воздействие широкой диглоссии	Значимое влияние широкой диглоссии на языковую жизнь
Языковая лояльность в сообществе	Высокая языковая лояльность Нейтральная языковая лояльность

Третья стадия языкового сдвига (см. таблицу 3): язык «А» ограниченно используется в неформальных сферах общения, в формальных сферах общения отсутствует. Широкая диглоссия, воздействуя на говорящих среднего возраста и даже некоторых говорящих старшего

поколения, вытесняет язык «А» из коммуникации, сохраняя его только лишь в семейном общении. Уровни языковой лояльности и престижа значительно снижены, наблюдается равнодушное или негативное отношение к языку «А».

Люди старшего возраста сохраняют свою языковую компетенцию языка «А», однако среднее поколение, вследствие невозможности широко использовать свой родной язык, становятся *полуговорящими*. Практически всех молодых говорящих на третей стадии языкового сдвига можно обозначить терминами *пассивный билингв, остаточный говорящий и носитель-невидимка*. *Остаточный говорящий* – это носитель исчезающего языка, не владеющий и полной языковой компетенцией своего родного языка. «Чаще всего *остаточные носители* были в юном возрасте *пассивными говорящими*, поэтому их лексические и грамматические конструкции могут не соответствовать в полной мере тем эквивалентам, что существовали изначально в языке» [Кириленко, 2021: 184]. *Носитель-невидимка* (ghost speaker) – это говорящий, который обладает языковой компетенцией, но при этом отрицает это.

Таблица 3

Языковой сдвиг: стадия 3

Уровень владения языком «А»	Старшее поколение – свободное или среднее владение Среднее поколение – низкий уровень языковой компетенции (владение на бытовом уровне) Молодые люди – знание нескольких бытовых фраз или отсутствие языковой компетенции
Функционирование языка «А» в сферах общения	Не функционирует в институциональных сферах общения Ограниченно функционирует в сфере дружеского, семейно-бытового общения
Основные группы говорящих на языке «А»	Бегло говорящие и полуговорящие старшего возраста Полуговорящие среднего возраста Пассивные билингвы среднего и младшего возраста Остаточные говорящие младшего возраста Носители-невидимки младшего возраста
Воздействие широкой диглоссии	Нейтральные или отчасти негативные восприятия языка «А» вследствие широкой диглоссии
Языковая лояльность в сообществе	Средний и низкий уровень языкового престижа и языковой лояльности

Четвертая стадия языкового сдвига (см. таблицу 4): язык «А» ограниченно используется в семейном общении только лишь среди говорящих старшего поколения. Широкая диглоссия исчезает естественным образом в связи с тем, что язык «Б» становится

единственным языком в языковом сообществе. Языковой престиж крайне низок, верность языку практически отсутствует.

Некоторые говорящие обладают базовыми знаниями грамматики и лексики. Основной состав говорящих на этой стадии языкового сдвига – *остаточные носители*. Появляются два новых типа говорящих – *помнящие говорящие* и *последние говорящие*. *Помнящий говорящий* (rememberer) – это представитель языкового сообщества, который понимает отдельные слова или фразы исчезающего языка, но при этом общаться может лишь на бытовые темы. *Последний говорящий* (last speaker) «может иметь различную языковую компетенцию и являться носителем старшего возраста, полуговорящим, остаточным говорящим или носителем-невидимкой» [Там же].

Таблица 4

Языковой сдвиг: стадия 4

Уровень владения языком «А»	Старшее поколение – низкий уровень языковой компетенции (владение на бытовом уровне) Среднее поколение, молодые люди – знание нескольких бытовых фраз или отсутствие языковой компетенции
Функционирование языка «А» в сферах общения	Отсутствует или ограниченно функционирует в сфере семейно-бытового общения
Основные группы говорящих на языке «А»	Пассивные билингвы Остаточные носители Носители-невидимки Помнящие говорящие Последние говорящие
Воздействие широкой диглоссии	Исчезновение широкой диглоссии
Языковая лояльность в сообществе	Низкий уровень языкового престижа и языковой лояльности, равнодушие или негативизм

4. Заключение

Таким образом, можно утверждать, что языковой сдвиг приводит к трансформации языкового ландшафта внутри сообщества. В условиях языкового сдвига типы говорящих и их владение коренным языком со временем претерпевают значительные изменения: число носителей языка сокращается, появляются билингвы и мультилингвальные говорящие среди среднего и младшего поколений носителей коренного языка. Среди молодых людей владение коренным языком неуклонно снижается вследствие того, что доминирующий язык является

для них приоритетным в различных сферах общения, что впоследствии приводит к исчезновению коренного языка.

Исследование характерных особенностей стадий языкового сдвига является актуальным не только с теоретической точки зрения. В контексте проведения исследований по ревитализации языка понимание процессов языкового сдвига необходимо, с тем чтобы максимально эффективно разработать стратегию, способствующую сохранению или возрождению языка. Важность изучения факторов, влияющих на языковой сдвиг, заключается еще и в том, что обратный языковой сдвиг – явление очень редкое, поскольку снижение социальной потребности в языке практически невозможно повернуть вспять. Очевидно, что широкая диглоссия как социолингвистический фактор оказывает значительное влияние на говорящих, заставляя их все чаще выбирать более престижный язык в общении. Таким образом, широкая диглоссия выступает весьма мощным фактором для появления и/или усиления процессов языкового сдвига.

Литература

Вахтин Н.Б. (2001) Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. № 1. СПб. С. 11–16.

Гренобль Л. (2021) Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // Социолингвистика. № 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35

Кириленко С.В. (2021) Типы говорящих // Социолингвистика. № 1 (5). С. 182–191.

Михальченко В.Ю. (2010) Принципы функциональной типологии языков России // Язык и общество в современной России и других странах. М. С. 42–46.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

A Dictionary of Sociolinguistics (2012) / Ed. by J. Swann, etc. Edinburgh. 384 p.

Dorian, N. C. (2010) Investigating Variation: The Effects of Social Organization and Social Setting. Oxford University Press. 376 pages.

Eckert, P. (1980) Diglossia: Separate and unequal // Linguistics. 18. Pp. 1053–1064. DOI: 10.1515/ling.1980.18.11-12.1053

EGIDS: Ethnologue. Режим доступа: https://www.ethnologue.com/guides/how-many-languages-endangered Дата обращения 22.03.2023

Fishman, J.A. (1964) Language maintenance and language shift as a field of inquiry // Linguistics. No. 9/ Pp. 32–70.

Fishman, J.A. (1991) Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. UK: Multilingual Matters. 413 p.

Mackey, W. (2006) The ecology of language shift // Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. Wales. Pp. 67–74.

Ostler, N. (2011) Language Shift // The Cambridge Handbook of Sociolinguistics / Ed. by Rajend Mesthrie. Pp. 315–334.

Wendel, J., Heinrich, P. (2012) A framework for language endangerment dynamics: The effects of contact and social change on language ecologies and language diversity // International Journal of the Sociology of Language. No. 218. Pp. 145–166.

References

Vakhtin, N.B. (2001). Usloviya yazykovogo dvizheniya: (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [Conditions of the language movement: (On the description of the modern language situation in the Far North)]. Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Filologicheskiye nauki. No. 1. Pp. 11–16. (In Russ.)

Grenoble, L. (2021) Sotsiolingvistika i yazykovoy sdvig: K ponimaniyu protsessov sdviga cherez prizmu nositeley [Sociolinguistics and language shift: Towards understanding shift processes through the prism of speakers]. Sociolinguistics. No. 2 (6). Pp. 9–35. DOI: 10.37892.2713-2951-2021-2-6-9-35 (In Russ.)

Kirilenko, S.V. (2021) Tipy govoryashchikh [Types of speakers]. Sociolinguistics. No. 1 (5). Pp. 182–191. (In Russ.)

Mikhalchenko, V.Yu. (2010) Printsipy funktsional'noy tipologii yazykov Rossii [Principles of the functional typology of Russian languages]. Language and society in modern Russia and other countries. M. Pp. 42–46. (In Russ.)

Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Ed. by V.Yu. Mikhal’chenko. M.. 312 p. (In Russ.)

A Dictionary of Sociolinguistics (2012). Ed. by J. Swann, etc. Edinburgh. 384 p.

Dorian, N. C. (2010) Investigating Variation: The Effects of Social Organization and Social Setting. Oxford University Press. 376 pages. ISBN-10: 0195385926

Eckert, P. (1980) Diglossia: separate and unequal. Linguistics. No. 18 Pp. 1053–1064. DOI: 10.1515.ling.1980.18.11-12.1053

EGIDS: Ethnologue. Available at: https:.www.ethnologue.com.guides.how-many-languages-endangered Access date: 22.03.2023

Fishman, J.A. (1964) Language maintenance and language shift as a field of inquiry. Linguistics. No. 9, 32–70.

Fishman, J.A. (1991) Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. UK: Multilingual Matters. 413 p.

Mackey, W. (2006) The ecology of language shif. In Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. Wales. Pp.67–74.

Ostler, N. (2011) Language Shift. The Cambridge Handbook of Sociolinguistics. Ed. by Rajend Mesthrie. Pp. 315–334.

Wendel, J., Heinrich P. (2012) A framework for language endangerment dynamics: The effects of contact and social change on language ecologies and language diversity. International Journal of the Sociology of Language. No. 218. Pp. 145–166.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Россия.Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1. Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru

Kirilenko Svetlana Vladimirovna – Candidate of philological sciences, associate professor, researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: svetlanavk@inbox.ru

Для цитирования: *Кириленко С.В.* Изменения в языковой жизни сообщества в условиях языкового сдвига // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 80–91. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-80-91

For citation: *Kirilenko, S.V.* Changes in the language life of a community in the context of language shift // Sociolinguistics. 2023. No. 4 (16). Pp. 80–91. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-80-91

The article was submitted 04.10.2023;
approved after reviewing 23.10.2023;
accepted for publication 11.11.2023.

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-92-106

ЯЗЫКОВАЯ БИОГРАФИЯ АРКТИЧЕСКОГО ГОРОДА (МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРОДЕ АНАДЫРЬ)

Айса Н. Биткеева
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Роза А. Данилова
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье анализируется языковая биография арктического города на примере города Анадырь. В основе анализа лежат материалы полевого исследования, проведенного А.Н. Биткеевой и Р.А. Даниловой в г. Анадырь Чукотского автономного округа в 2023 г. В проекции метода языковой биографии авторы статьи исследуют такие аспекты, как северность арктических городов, социальная, территориальная и языковая мобильность северян, объективные факторы функционирования языков в северных городах в условиях урбанизации, языковая конкуренция и/или языковая монополия, языковые установки, языковые идеологии, языковые практики жителей северного арктического города. Авторы приходят к выводу, что урбанизация способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для коренных народов Севера. В условиях города наблюдается языковая монополия в пользу доминирующего языка, и это не способствует сохранности традиционной культуры и миноритарных языков. Для городского пространства характерен языковой сдвиг, на который влияют урбанизация, миграции, экономика северного города. Однако современное городское сообщество коренных малочисленных народов все же сохраняет определенную гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи определенных внутрисемейных и общинных традиций.

Ключевые слова: *языковое пространство города, языковая биография, языки коренных малочисленных народов Севера, Анадырь*

LANGUAGE BIOGRAPHY OF THE ARCTIC CITY (ON THE MATERIAL OF THE FIELD RESEARCH IN ANADYR)

Aysa N. Bitkeeva
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Rosa A. Danilova
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article considers the linguistic biography of the Arctic city Anadyr. The analysis is based on the materials of the field research conducted by A.N. Bitkeeva and R.A. Danilova in Anadyr, Chukotka Autonomous Okrug in 2023. In the context of the linguistic biography method, the authors of the article analyze such aspects as the northernity of Arctic cities, social, territorial and linguistic mobility of northerners, objective factors of the languages' functioning in Arctic cities in conditions of

urbanization, language rivalry and/or language monopoly, language attitudes, language ideologies, language practices of residents of a northern Arctic city. The authors come to the conclusion that urbanization contributes to the transition to an urban culture, assimilation and, accordingly, leads to many social problems for indigenous peoples. In urban conditions, there is a linguistic monopoly in favor of the dominant language, and it does not contribute to the preservation of traditional culture and minority languages. Under the influence of migration and urbanization urban space is characterized by a language shift. However, the modern urban community of indigenous peoples still retains a certain homogeneity and internal connections, which make it possible to preserve and transmit certain intra-family and community traditions.

***Keywords**: linguistic space of the city, language biography, languages of indigenous peoples of the North, Anadyr*

1. Введение

Тема лингвоэкологии Арктики особенно популярна в последние годы, исследование языкового многообразия в городском пространстве традиционно, тем не менее исследование языкового пространства северного арктического города имеет свою новизну, актуальность и определенный научный интерес.

Арктическая зона РФ имеет площадь примерно около четверти площади страны, здесь проживает приблизительно 2,5 млн человек (1,7 % всего населения России). Из них коренных малочисленных народов – примерно 7 %, подавляющее большинство населения Севера – это некоренное население [Вахтин, 2019]. Причиной такой несбалансированной этнической и демографической ситуации является быстро меняющаяся социальная, миграционная, экономическая ситуация, характерная для промышленного северного региона. Факторы, влияющие на языковую ситуацию в северных городах, имеют определенную специфику. Специфичен и современный этап развития Арктической зоны РФ, этап изменения правовых положений в понимании Арктической зоны в международном формате, трансформаций в международных и российских арктических Советах и ассоциациях, что требует переосмысления себя и своего места в этой ситуации самими жителями арктической зоны России, в частности, представителями малочисленных народов. Все эти моменты отражаются на их этнокультурных, языковых установках и практиках.

В статье речь пойдет о некоторых результатах полевого исследования, проведенного в г. Анадырь Чукотского автономного округа (далее ЧАО) в 2023 г. А.Н. Биткеевой и Р.А. Даниловой в рамках прокта РНФ «Урбанизация, языковое многообразие и/или языковая конкуренция в Арктической и Субарктической зоне РФ: новые вызовы и перспективы развития». В исследовании были задействованы разные социальные группы: 1) эксперты, 2) представители разных этнических групп, проживающих в Анадыре, 3) языковые активисты.

Исследование языковой биографии арктического города отразило такие аспекты как: северность арктических городов; социальная, территориальная и языковая мобильность северян; объективные факторы функционирования языков в северных городах в условиях урбанизации; языковая конкуренция и/или языковая монополия; языковые установки, языковые идеологии, языковые практики жителей северного арктического города; перспективы развития языков Арктической зоны.

2. Методика исследования

В исследовании основным качественным методом получения знаний о языковой биографии северного города являются нарративные интервью, развернутые автобиографические повествования, центральной темой которых являются язык/языки, овладение ими и их использование. Нарратив понимается как инструмент анализа идентичности, схема организации опыта [Labov, Waletzky, 1997]. Параллельно проводилось и количественное исследование языковой жизни арктического города посредством анкетирования.

Исследование языкового пространства города, обусловлено вариативностью городского населения по социальным, профессиональным, возрастным и этническим признакам, степенью урбанизированности, разнообразием основных параметров языковой коммуникации города, с многоаспектностью коммуникативных целей и стратегий, обеспечивающих комфортное общение во всех сферах городской жизни. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что языковая комфортность городской среды обусловливается многофакторной матрицей, включающей *внешние факторы* – географический (природно-климатический), исторический (историческая память), политический, идеологический, социально-экономический, пространственные параметры (показатели качества жизни, миграции, местоположение природных и социально значимых объектов), *внутренние факторы* – демографический, функциональный, коммуникативный, конфессиональный, этнокультурный, символический (идентичность), поведенческие компоненты, языковой ландшафт, речевые практики, языковые идеологии. Корреляции между указанными факторами определяют уровень языковой комфортности в городском пространстве, выражающуюся в наличии или возможности языковой конкуренции/языковой монополии, языкового конфликтогенного потенциала и т.д. [Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023].

Выбор города Анадырь в качестве объекта исследования обусловлен тем, что Анадырь представляет собой интерес разными не только по величине, плотности населения и гетерогенности связями между его жителями, но и градообразующей отраслью и занятостью

населения. Как раз эти параметры, как правило, определяют качественные черты городской культуры. Город Анадырь – административный центр Чукотского автономного округа, не имеет административно-территориального деления на районы, включает в свой состав пригородное село Тавайваам, обладающее статусом национального села.

Всего в Чукотском автономном округе проживает 47490 чел., среди них городское население составляет 32389 чел., сельское население – 15101 чел. Численность в городе Анадырь считается одной из самых низких относительно других столиц арктических регионов, хотя наблюдается прирост: количество горожан в Анадыре увеличилось на 15,5 % по сравнению с 2010 г. Сегодня в Анадыре проживает 13598 чел. [Основные итоги Всероссийской переписи населения, 2020, 1].

Анадырь является административным центром, транспортным хабом, через который проходят основные промышленные миграционные потоки в ЧАО. Город располагается практически в пограничной зоне, что добавляет ему некоторые особенности, в том числе этнические. Коренное население Анадыря – это чукчи (1937 чел.), эскимосы (205 чел.), эвены (161 чел.), чуванцы (218 чел.), юкагиры (72 чел.) и коряки (15 чел.) – всего 2608 человек, они составляют 19,18 % от численности всего населения города [Основные итоги Всероссийской переписи населения, 2020, 5]. В целом, численность коренного населения ЧАО довольно заметно растет. Так, в 1926 году чукчи составляли 12331 чел.; в 2010 г. – 15908 чел., в 2020 г. – 13299 чел., эскимосы в 1926 г. составляли 1292 чел., в 2010 г. – 1738 чел., в 2020 г. – 1460 чел. По данным переписи населения 2020 г., в Анадыре чукотским языком владеет 709 чел., эскимосским 62 чел., эвенским 31 чел., юкагирским 5 чел., корякским 1 чел. [Основные итоги Всероссийской переписи населения, 2020, 5].

При анализе языковой биографии города в фокус внимания попадают все категории городских жителей: представители коренных народов, местные «северные старожилы», приезжие вахтовики, трудовые мигранты. Такая полиэтничная, многоязычная языковая ситуация определяет языковой ландшафт Анадыря, который представлен в основном русским языком – вывески учреждений, объявления, рекламные тексты написаны только на русском языке, иногда правда встречаются приветственные фразы, например, «Добро пожаловать» на чукотском, эскимосском и эвенском языках.

3. Факторы, определяющие языковую биографию арктического города

Социальное, экономическое и этнокультурное развитие северных городов имеет специфику, языковая витальность в этих условиях определяется в первую очередь климатическими условиями, интегральным типом идентичности населения, промышленной

миграцией, промышленным освоением северных территорий. Далее мы будет говорить в первую очередь о витальности языков коренных малочисленных народов ЧАО.

Климатические условия

Суровый арктический климат создает проблемы для развития северных городов. Для арктических регионов характерны накопление человеческого капитала, социальная сплоченность, определенный уровень и качество жизни в суровых условиях арктической природной среды, что, как правило, подразумевает слабо развитую инфраструктуру. В Анадыре для проживания населения не характерен этнический анклавный характер, поскольку есть острая нехватка жилья и расселение, например, приезжих, происходит спорадически. Жилищный фонд Анадыря представлен постройками советского периода, новое жилье не строится в силу сложностей транспортировки строительных материалов в ЧАО, необходимости специальной разработки конструкций согласно климатическим спецификациям и т.д. Таким образом, инфраструктура города не способствует формированию в городе естественных этнокультурных и языковых анклавов.

По рассказам информантов, в сложные 1990-е гг. был сильный миграционный отток населения с Чукотки и в Анадыре квартиры продавались по цене билета на Большую землю. В начале 2000-х гг. в период руководства Чукоткой Р.А. Абрамовичем, появилась некоторая определенность и наметился приток специалистов, цены на квартиры сильно выросли и сейчас сравнимы с московскими ценами на жилье. Относительно арктической неопределенности, предположительно вызванной суровыми климатическими условиями, интересны наблюдения исследователя К.В. Истомина, изучавшего жизненные стратегии северян на примере жителей города Воркуты. Первоначально ожидая, что в силу суровых климатических и сложных инфраструктурных условий жители арктических регионов ежедневно должны сталкиваться с арктической неопределенностью, к своему удивлению, он, по результатам своего исследования обнаружил, что на самом деле северяне не терпят неопределенности, это люди, которые считают необходимым все планировать и предусматривать. Оказалось, что имеет место «“Социальный отбор” на стремление к определенности, который прошли переселенцы в российскую Арктику, просто в силу того, что именно определенностью государство этих переселенцев туда и завлекало. Если так, то стремление к определенности порождается не условиями жизни в Арктике, а особенностями государственной политики ее развития» [Истомин, 2023]. В ходе бесед с представителями разных этнических диаспор города Анадырь мы обнаружили, что модель жизни приезжих убедительно говорит о той же жизненной стратегии. Многие приезжие планируют, основательно готовятся и приезжают на Чукотку для

гарантированного государством решения своих жизненных задач – получения северного стажа, что означает гарантированный ранний выход на пенсию, высокий уровень зарплаты и т.д.

Северная идентичность

Североведы отмечают, что население арктических городов существует в трех дискурсах: коренной житель, местный житель, приезжий. Так, Е.В. Лярская на примере сообществ Ямала, тоже арктического промышленного региона, разделяет их на три категории населения: коренные (те, которые испокон веков живут на данной территории, ведут традиционный образ жизнедеятельности), местные (не принадлежат к коренным, но родились в регионе или живут в нем достаточно давно); приезжие (приехали в эти места недавно и не считают себя местными). Дихотомия «коренной/некоренной» не является основополагающей [Liarskaya, 2017]. Такая же иерархия характерна и для населения Анадыря: коренное население (чукчи, эскимосы, эвены и др.) сохраняют свой традиционный этнокультурный контекст и глубоко погружены в русскоязычный контекст; местные – это те, кто приехал давно, еще в советское время, либо родился уже на Чукотке – живут частично в своем этнокультурном и в основном русскоязычном контексте, зачастую не желают включаться в контекст коренного населения; приезжие (те, кто недавно приехал на Чукотку на заработки в рамках трудовой миграции) – представители калмыцкой, дагестанской, якутской и других диаспор, а также уроженцы стран СНГ – Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана – живут по принципу временного пристанища, временной работы в целях получения социальных льгот, что проявляется в отсутствии стратегии внедрения в местную среду.

Однако суровые условия жизни требуют консолидации, создания моноязычного пространства в целях организации единого коммуникативного пространства, а это ведет к языковой монополии, доминированию русского языка. Соответственно, для жителей северной арктической территории характерна интегральная идентичность. Как определяют этот тип идентичности исследователи, с*еверность* – это универсализация, стирание границ, в том числе этнических, здесь возникает понятие *северянин*. Интересно мнение эксперта, изучающего Чукотку профессионально и проживающего там: «*Мы объединяемся, наверное, те, кто приезжие. Потому что мы приезжаем, мы тут гости, кто-то временно приехал, и даже возможно на постоянное место жительства, но, тем не менее, это не наша территория, где мы родились. Здесь же проживают люди, которые здесь родились: чукчи, эскимосы – они тоже северяне. Для того, чтобы нам объединиться, мне кажется, подходит это понятие северности. Северность имеет две стороны медали: для приезжих, временных – одна, для коренных она другая*» [ЛАБАН].

В представлении самих жителей Анадыря, понятие *северность, северянин* включает определенные смыслы, например, географический, – отрезанность от остального мира: *«Север – это определенные границы, определенная удаленность от государства, от государственного центра (Москвы)»*. «*Это территория выживания, край стойких и надежных людей, простор свободы»* [ЛАБАН]. Определяются этнокультурные параметры: *«Само название "луораветланы", как себя называют чукчи, говорит о том, что северяне – это настоящие люди. То есть это образ настоящего человека, живущего на Севере, в суровых климатических условиях, он до сих пор есть, наверное, это то единственное, что остается у тех, кто не знает языка, но он знает, что у него предки настоящие»* [Там же].

Экономический фактор, промышленная миграция и социальная инфраструктура арктического города

Через понятие «традиционная северная экономика» в арктических районах следует рассматривать и языковую жизнь региона. На территории Арктики разрабатываются и реализуются крупномасштабные промышленные проекты, связанные с освоением природных ресурсов. Одновременно здесь проживают оленеводы-кочевники, морские зверобои и рыболовы. Ситуация неоднократно описывалась в работах антропологов (см.: [Российская Арктика..., 2019; Головнев, 2022; Вахтин, 2001; 2019 и др.]. На фоне промышленной экспансии происходит трансформация традиционного образа жизни северных аборигенов, они столкнулись с выбором: либо сохранять и развивать уникальную культуру, либо отказаться и жить как подавляющее большинство граждан страны [Российская Арктика..., 2019: 5].

Сегодня специфична для арктических городов тенденция увеличения численности коренного населения региона в городах за счет внутрирегиональной миграции из сел в город. Эта тенденция проявилась, хотя и с разной степенью интенсивности, в постсоветский период. В настоящее время основным местом проживания коренных малочисленных народов ЧАО является Анадырь. То, что в городе этнические группы проживают компактно, способствует некоторой культурной автономии и позволяет этим народам все еще сохранять характерные для них элементы быта и культуры.

В целом же миграция широко распространена в Арктике, она серьезно влияет на образ жизни, вносит этносоциальное напряжение. Н.Б. Вахтин и Е.В. Лярская отмечают: «Север – удобный «полигон» для изучения миграции, поскольку здесь представлены практически все ее виды – от традиционного кочевания и маятниковой трансграничной миграции до вахтовой» [Вахтин, Лярская, 2019: 346].

Как показало исследование, в связи с этим возникают по крайней мере еще две определяющие социальную инфраструктуру темы – *внутренняя колонизация и социальная ответственность. Внутренняя колонизация* – заполнение социально важных позиций приезжим населением. Коренное население, как правило, не занимает высокие позиции по причине недостаточного образования, отсутствия стремления к повышению социальных позиций и т.д. Приведем мнение эксперта по этому поводу: «У *коренных этносов Чукотки есть такое понятие, как внутренний колониализм. Я могу объяснить, что такое внутренний колониализм. Это когда одна группа подавляет другую, причем это иногда незримо случается. С чукчами так произошло. Здесь все ключевые посты на промышленных предприятиях и большую зарплату получают все-таки русские. Русские, условно, это приезжие. А местные жители – это в основном, где вахтеры, сфера культуры, искусства, то есть то, что не требует образования или каких-то навыков. У коренных этносов в принципе абстрактное мышление в большей мере отсутствует. Они же люди природы, им нужны всегда конкретные вещи, абстрактную вещь им очень сложно объяснить. На языке это практически невозможно. Соответственно, уровень образования различается, и коренные жители трудятся в менее оплачиваемой сфере сельского хозяйства: охотники, рыболовы, искусство, культура, а на более высокооплачиваемых работах там, соответственно, работают русские»* [ЛАБАН].

4. Федеральная, региональная политика и социальная ответственность

Политика и инициативы российского правительства играют решающую роль в развитии арктических городов. Например, государственная поддержка Северного морского пути привела к развитию инфраструктуры и повышению экономической активности в арктических городах. В арктической законодательной сфере также наблюдается динамика, готовятся новые законы, согласно которым компании, ведущие дела в Арктической зоне, могут рассчитывать на снижение налогов, на режим свободной таможенной зоны и на сокращенные сроки оформления грузов.

Как же это влияет на этнокультурную и языковую ситуацию у общин коренных народов? А возникает еще одна тема – социальная ответственность, сфера корпоративной языковой политики, относительно новой темы для отечественной социолингвистики именно в практическом плане. По мнению исследователей, общины коренных малочисленных народов Севера все же влияют на развитие арктических городов благодаря имеющимся у них правовым гарантиям. Интеграция этих сообществ в экономическую, социальную и культурную структуру города может привести к более инклюзивному и устойчивому развитию (Российская

Арктика…, 2019). Как отмечают исследователи, промышленное освоение традиционных мест проживания КМНС вызывает все чаще протестные акции аборигенов, что говорит о существующих противоречиях между традиционным и промышленным природопользованием. Достижение партнерства коренных народов с промышленными компаниями в российской Арктике – одно из условий социального благополучия этих народов и страны в целом [Российская Арктика..., 2019]. Такой опыт партнерства на Чукотке имеет место. Довольно показателен пример деятельности Некоммерческой организации «Фонд социального развития “Купол”», учрежденной АО Чукотская горно-геологическая компания в 2009 г.

Основной целью деятельности фонда является вклад в социально-экономическое развитие региона и поддержка значимых для жителей Чукотки проектов (http://kupolfoundation.ru/). Фонд уделяет большое внимание культурному развитию города путем реализации различных направлений проектов: традиции коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, включая здравоохранение, образование, устойчивое развитие малого и среднего предпринимательства. Особый акцент фонд делает на проектах, направленных на методы традиционного природопользования бережное отношение к родному языку и письменности коренных малочисленных народов Севера.

На самом предприятии АО Чукотская горно-геологическая компания присутствует определенная корпоративная языковая политика. При приеме на работу имеет место ознакомление соискателя работы с уставом предприятия, в котором описываются правила поведения в местной этносреде, разъясняется специфика культуры, ментальности коренных народов региона. Фонд выделяет средства на инициативы, связанные с сохранением традиций коренных малочисленных народов – здравоохранение, образование. Учреждены гранты для представителей КМНС, можно получить деньги на развитие малого и среднего предпринимательства. Минимальный размер гранта составляет 50 тыс. рублей, а максимальный – 1,5 млн. За 2009-2020 гг. поддержаны 190 проектов.

5. О родном языке, языковых установках и практиках

Исследователи едины во мнении, что языки коренных малочисленных народов Севера находятся в активной стадии языкового сдвига. Информанты отмечают, что такие исторические события в судьбе КМНС, как, например, коллективизация была негативным переломным моментом в истории, в частности, чукотского этноса. В период репрессий, ссылок было запрещено говорить на родном языке, что привело к ассимиляции народа.

Как отмечают респонденты, прервана внутрисемейная передача языка. Только в селах, где компактно проживают коренные народы, например, эскимосы, в Лаврентии, Лорино и

Уэлене можно услышать еще язык, старшее поколение говорит на науканском языке. Среди причин, обусловивших прерывание межпоколенной передачи родного языка, респонденты называют: бесперспективность миноритарного языка в сравнении с мажоритарным, стремительные темпы урбанизации, соответственно, русификации со второй половины XX в., боязнь фонетической интерференции родного языка в процессе использования русского языка, недостаточный уровень владения родным языком, чтобы передать его младшему поколению, нехватка учителей. Отсутствие мотивации к овладению родным языком объясняется также растущей урбанизацией, низким социально-экономическим развитием села, что заставляет людей покидать сельскую местность и перебираться в город, а следовательно, означает отход от традиционного уклада жизни предков.

Наблюдается определенная закономерность, связанная с языковыми установками и языковыми практиками. Респонденты, которые росли в окружении миноритарного языка (чаще всего в стойбище оленеводов), считают, что без знания родного языка нельзя сохранить культуру и передать ее младшему поколению в полном объеме. Только язык, который выполняет главную коммуникативную функцию, передает все особенности быта. Интересно, что респонденты, воспитывавшиеся в русскоязычной среде, заявляют, что этническая самоидентификация человека определяется не родным языком, а менталитетом и этнической принадлежностью родителей. В Анадыре молодежь (школьники и студенты), не владеющая чукотским, эскимосским или эвенским языками, считают себя представителями чукотского, эскимосского или эвенского этноса, для них этнический язык это этнический символ, связывающий их с историей, культурой народа. Как отмечают информанты, между языком и культурой нет зависимости, язык ценен сам по себе. Как правило, респонденты, придерживающиеся данной точки зрения, говорят со своими детьми преимущественно на русском языке и одновременно испытывают чувство вины за «упущение» прошлого, что не усвоили родной язык, одновременно оправдывая себя непрестижностью этнического языка, отсутствием модели семейного общения на родном языке. Так, информант говорит о своей сложной этноязыковой идентичности: «*Я отношу себя к юкагирам. Юкагирский – мой родной язык, потому что у меня есть кровь юкагирская, хотя я плохо понимаю по-юкагирски. У нас, у юкагиров, идет все по матери, как и у евреев, мы северные евреи. Когда я попала в интернат, Александр Григорьевич Киреев проводил с нами занятия по чукотскому, и к концу 4-го класса мы уже что-то говорили, читали, писали по-чукотски. То есть мы владели чукотским языком. Потом нас пересадили на английский. Английский мы стали учить, английский мы выучили, в 10-м классе экзамен сдали, но где он нам пригодился? А потом я пошла в педучилище учиться. В училище я пошла учить эвенский, а отправили меня преподавать к эскимосам, запутали со*

всех сторон, оказалось – нехватка кадров. А в 1980–1990-х годах кузница наших педагогов в педучилище была очень хорошая» [ЛАБАН]. По мнению респондента, в значительной степени практика интернатов подкосила состояние миноритарных языков.

Другой респондент 1980-х годов рождения: *«Мой первый язык, скорее, русский. В конце 1980-х годов все дети в селе говорили на русском языке. Но были и дети, которые на чукотском разговаривали. Дети, которые родились в 1970-е годы больше владеют чукотским языком. В 1980-х годах были дети говорящие, но не так много. Раньше чукотский язык преподавали в 1-м классе по 6 часов, а после 2000 г. ситуация изменилась, чукотский язык стал меньше часов преподаваться. Моя мама сейчас говорит с внуками на чукотском языке. Дети уже выучили соматизмы: глаза, уши, руки*» [Там же].

«*В детстве говорили больше, конечно, на русском языке. Мой отец оленевод, нас, детей, было пятеро, и мать выбрала для нас условия полегче – переехала в село. Папа нас забирал в мае, и все лето до сентября мы жили в яранге, кочевали. У нас это называется летовка, когда за стадом ходишь всё лето. Ярангу ставили, было летнее стойбище возле речки, оставались 1–2 мужчин, и они рыбачили. А все остальные мужчины ходили за стадом, деля круг. И в конце августа – в начале сентября возвращались, большой был праздник. Там языком был чукотский, потому что там были бабушки и дедушки, которые не умели на русском разговаривать. Там поневоле нам приходилось разговаривать на чукотском языке*» [ЛАБАН].

Лингвистический ландшафт Анадыря представлен только русским языком. Миноритарные языки в названиях учреждений, на вывесках и объявлениях не используются. Только внутри аэропорта, в п. Угольные Копи, на большом баннере висят приветствия на русском, чукотском, эскимосском и эвенском языках. В НКО Фонд «Купол» на дверях висят таблички на двух языках: русском и английском.

Рассуждая о перспективах миноритарных языков, о языковой ситуации в целом, никто из респондентов не назвал нынешнее положение и возможные перспективы языков благополучными. Чаще даются такие оценки, как «критическая черта», «точка невозврата», «необратимые последствия», «обратный отсчет». Однако еще в нескольких эпизодах, несмотря на выраженную озабоченность современной языковой ситуацией, респонденты возлагали надежды на общественные организации и инициативы языковых активистов и государственную языковую политику, направленные на популяризацию языков.

На территории г. Анадырь действует Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Чукотского автономного округа, созданная в 1990 г. Ассоциация является первым региональным общественным объединением, представляющим интересы всех коренных

малочисленных народов Чукотки. Слаженно работает Региональная общественная организация любителей чукотского языка ЧАО «Чычеткин Вэтгав» (Родное слово). Наравне с ними в тесной связи находится «Инуитский приполярный совет» (ICC) — Международная организация коренных народов, представляющая около 180 000 инуитов из Аляски, Канады, Гренландии и Чукотки.

Как оказалось, ведется работа по внедрению языкового гнезда в районах Чукотки. Так, исполнительный секретарь «Чычеткин Вэтгав» Татьяна Ивановна Бардашевич проводила мониторинг языковой ситуации в Чаунском районе ЧАО, в 2022 г. она провела мониторинг в Провиденском районе и выявила носителей чукотского языка, с их помощью общественники «Чычеткин Вэтгав» будут создавать в этих селах языковые гнезда. В Анадыре такой опыт уже имеется. Языковой активист, который работает в Доме детского творчества, так рассказывает о своей деятельности: «*У меня есть группа в детском саду, две группы (старшая и средняя группы) по 18 детей. Я могу их приобщить только через песни, танцы, мы изучаем песни на чукотском языке, это очень такая специфическая работа в том плане, что даже песня есть ниточка к пониманию языка, вот и начинаем мы изучать слова, перевод, как грамматически правильно пишутся слова. Весной, в мае, я всегда ставлю ярангу. Все участвуют, помогают, проводится конкурс хозяек, и это все на чукотском языке: и поздравления, и название – это и есть языковое гнездо»* [ЛАБАН].

Еще один языковой активист из числа старшего поколения: *«Сейчас работаю в библиотеке, и у нас открылся клуб «Родные истоки». Каждую неделю по 2–3 раза я хожу в разные детские сады и провожу занятия на чукотском языке. Мы изучаем счет, стихи, сказки им читаю, знакомлю их с родной литературой и чукотским языком, дети запоминают и уже сами считают, учат и рассказывают стихи Агнии Барто в переводе на чукотском, которые звучали сначала на русском языке, потом быстро запоминают на чукотском языке. После детского сада, когда идут в школу, чукотского языка нет ни в городе, ни в селах. Но чукотский есть в виде факультатива 1–2 раза в неделю. Если бабушка в больницу попадет прямо из тундры, к ней приходят и находят знающего, который может перевести с чукотского языка на русский*» [ЛАБАН].

Информант отмечает: *«В Окружной Думе поднимаю вопрос о том, чтобы сделали в поселках территории родного языка – это библиотеки, музеи, клубы, где собирается коренное население и разговаривает только на родном языке. Но опять же, сами люди должны ходить, но будут ли они туда ходить. Вспомните, как предки у нас собирались в ярангах, вечером собрались, танцуют, поют, разговаривают на родном языке*», – подытоживает она.

Очевидно, что урбанизация способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для коренных народов. В условиях города наблюдается языковая монополия в пользу доминирующего языка, и не способствует сохранности традиционной культуры. Для городского пространства характерен языковой сдвиг, на который влияют миграции и урбанизация. Однако современное городское сообщество все же сохраняет определенную гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи определенных внутрисемейных и общинных традиций.

Литература

Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. (2023) Модель языковой комфортности в городском пространстве: Новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. № 3. С. 151–170. DOI: 10.25178/nit.2023.3.10

Вахтин Н.Б. (2001) Языки народов Севера в 20 веке: очерки языкового сдвига. СПб: Дмитрий Буланин.

Вахтин Н. (2019) Север, Арктика и Сибирь – что это такое и кто там живет? Режим доступа: https://arzamas.academy/materials/1828. Дата обращения: 07.11.2023.

Вахтин Н.Б., Лярская Е.В. (2019) Человеческие и инфраструктурные связи Арктической зоны РФ: Методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. Т. 65. № 3. С. 341– 352.

Истомин К.В. (2023) Арктическая определенность: неожиданные результаты одного исследовательского проекта. Режим доступа: https://goarctic.ru/news/arkticheskaya-opredelyennost-neozhidannye-rezultaty-odnogo-issledovatelskogo-proekta/. Дата обращения: 07.11.2023.

ЛАБАН – Личный архив А.Н. Биткеевой.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: в 11 т. Анадырь: Чукот-стат, 2022. Т. 1. С. 7. Режим доступа: https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095?print= 1&ysclid=lqk4juidoi176141029. Дата обращения: 07.11.2023.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: в 11 т. Анадырь: Чукот-стат, 2022. Т. 5. Режим доступа: https://27.rosstat.gov.ru/folder/ 64095?print=1&ysclid=lqk4juidoi176141029. Дата обращения: 07.11.2023.

Российская Арктика: Коренные народы и промышленное освоение (2016) / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История.

Фонд социального развития «Купол». Режим доступа: http://kupolfoundation.ru/ Дата обращения: 07.11.2023.

Labov, W., Waletzky, J. (1997). Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Journal of Narrative & Life History. No. 7 (*1–4). Pp. 3–38. DOI: 10.1075/jnlh.7.02nar

Liarskaya, E.V. (2017) “Where Do You Get Fish?”: Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // Sibirica Vol. 16. No. 3. Winter. Pp. 124–149. DOI: 10.3167/sib.2017.16030

References

Bitkeeva, A.N., Khokholova, I.S., Filippova, V.V. (2023) Model’ iazykovoi komfortnosti v gorodskom prostranstve: Novye aspekty i metody issledovaniia [Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods] // *New Research of Tuva*. No. 3. Pp. 151–170. DOI: 10.25178/nit.2023.3.10 (In Russ.)

Vakhtin N.B. (2001) Yazyki narodov Severa v 20 veke: ocherki yazykovogo sdviga [Languages of the peoples of the North in the 20th century: essays on language shift]. Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.)

Vakhtin, N. (2019) Sever, Arktika i Sibir' – chto eto takoe i kto tam zhivet? [The North, Arctics and Siberia – what are these and who lives there?]. Available at: https://arzamas.academy/materials/1828. Access date: 07.11.2023. (In Russ.)

Vakhtin N.B., Liarskaya E.V. (2019) Chelovecheskiye i infrastrukturnyye svyazi Arkticheskoy zony RF: Metodologicheskiye podkhody k izucheniyu [Human and infrastructural connectivity of the Arctic zone of the Russian Federation: Methodological approaches to research] // Problemy Arktiki i Antarktiki [Arctic and Antarctic Research]. Vol. 65. No. 3. Pp. 341–352. DOI: 10.30758/0555-2648-2019-65-3-341-352. (In Russ.)

Istomin K.V. (2023) Arkticheskaya opredelennost': neozhidannye rezul'taty odnogo issledovatel'skogo proekta [Arctic certainty: unexpected results from one research project]. Available at: https://goarctic.ru/news/arkticheskaya-opredelyennost-neozhidannye-rezultaty-odnogo-issledovatelskogo-proekta/. Access date: 07.11.2023. (In Russ.)

LABAN – Lichnyj arhiv A.N. Bitkeevoj [Personal archive of A.N. Bitkeeva]. (In Russ.)

Osnovnye itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 goda: v 11 t. [Main results of the All-Russian Population Census 2020: in 11 volumes]. Anadyr': Chukot-stat, 2022. vol. 1. p. 7. Available at: https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095?print=1&ysclid=lqk4juidoi176141029. Access date: 07.11.2023. (In Russ.)

Osnovnye itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 goda: v 11 t. [Main results of the All-Russian Population Census 2020: in 11 volumes]. Anadyr': Chukot-stat, 2022. vol. 5. Available at: https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095?print=1&ysclid=lqk4juidoi176141029. Access date: obrashcheniya: 07.11.2023. (In Russ.)

Rossijskaya Arktika: Korennye narody i promyshlennoe osvoenie (2016) / Pod red. V.A. Tishkova. M.; SPb.: Nestor-Istoriya. (In Russ.)

Fond sotsial'nogo razvitiya «Kupol» [Social Development Foundation "Kupol"]. Available at: http://kupolfoundation.ru Access date: 07.11.2023 (In Russ.)

Labov, W., Waletzky, J. (1997). Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Journal of Narrative & Life History. No. 7 (*1–4). Pp. 3–38. DOI: 10.1075/jnlh.7.02nar. (In Engl.)

Liarskaya, E.V. (2017) "Where Do You Get Fish?": Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // Sibirica Vol. 16. No. 3. Winter. Pp. 124–149. DOI: 10.3167/sib.2017.160306. (In Engl.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-01318 «Урбанизация, языковое многообразие и/или языковая конкуренция в Арктической и Субарктической зоне РФ: новые вызовы и перспективы развития».

Биткеева Айса Николаевна – доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Данилова Роза Александровна – аспирант Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: roza_dan96@mail.ru

Bitkeeva Aisa Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Danilova Roza Aleksandrovna – postgraduate student at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: roza_dan96@mail.ru

Для цитирования: *Биткеева А.Н., Данилова Р.А.* Языковая биография арктического города (материалы полевого исследования в городе Анадырь) // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 92–106. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-92-106

For citation: *Bitkeeva, A.N., Danilova, R.A.* Language biography of the Arctic city (on the material of the field research in Anadyr) // Sociolinguistics. 2023. No. 4 (16). Pp. 92–106. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-92-106

The article was submitted 20.11.2023;
approved after reviewing 10.12.2023;
accepted for publication 17.12.2023

УДК81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-107-118

СИСТЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ ЯЗЫКОВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ ВО ВЬЕТНАМЕ И ПРИМЕР ЯЗЫКА НУНГ

Фан Лыонг Хунг
Институт лингвистики Вьетнама, Вьетнам

В подлинно многоязычной стране Вьетнам существует более 33 систем письменности языков этнических меньшинств, некоторые из них являются традиционными системами письма, а другие были созданы в последние десятилетия. В данной статье представлен обзор систем письменности языков этнических меньшинств во Вьетнаме. В работе также рассматривается более детально то, каким образом во Вьетнаме реализуется языковая политика, и то, как она влияет на языковую компетенцию, использование языка и языковые установки жителей Вьетнама по отношению к своей системе письма. Несмотря на то, что значительное количество представителей этнических меньшинств во Вьетнаме имеют свои собственные системы письменности, а у некоторых из них несколько систем письменности, очень немногие представители этнических меньшинств могут использовать свои местные письменности, поскольку уровень грамотности довольно низок. В работе утверждается, что, хотя Вьетнам и добился заметных успехов в сохранении и развитии языков и письменности этнических меньшинств, предстоит еще много работы. Преимущества нынешней языковой политики Вьетнама в отношении языков и письменности этнических меньшинств весьма существенны. В то же время, в исследовании отмечаются и существующие недостатки, вызывающие трудности в сохранении и продвижении языков этнических меньшинств во Вьетнаме, в частности рассматривается язык нунг.

***Ключевые слова**: языковая политика, языковые установки, письменность, язык Нунг, Вьетнам.*

WRITING SYSTEMS OF ETHNIC MINORITY LANGUAGES IN VIETNAM AND THE CASE OF NUNG

Phan Luong Hung
Institute of Linguistics of Vietnam, Vietnam

There are over 33 writing systems of ethnic minority languages in a truly multilingual country of Vietnam, some of them are traditional writing systems, while others have been created in recent decades. This paper provides an overview of writing systems of ethnic minority languages in Vietnam. It also presents a closer look at the way the language policy is implemented in Vietnam and the effect it has over language competence, language use and language attitudes of Vietnamese people towards their writing systems. Despite the fact that a great number of minority ethnicities in Vietnam have their own writing systems and some of them have more than one writing system, very few ethnic minorities can use their local writing systems as the levels of literacy are quite low. The paper reveals that although Vietnam has gained remarkable achievements in preserving and promoting languages and writing systems of ethnic minorities, there is still a lot to be done. The advantages of the current language policy of Vietnam regarding the ethnic minority languages and writing systems are quite substantial. At the same time the study also notes the disadvantages that cause difficulties in preserving and promoting languages of ethnic minorities in Vietnam, including the case of Nung language.

***Keywords**: language policy, language attitude, writing system, Nung, Vietnam*

I. Introduction

By and large, Vietnam is a multi-ethnic and multilingual country. According to the Decree No. 121-TCTK/PPCĐ issued by Vietnam General Bureau of Statistic on March 2nd, 1979, there are 53 minority ethnic groups in Vietnam which belong to Austroasiatic, Austronesian, Tai-Kai, Miao-Yao and Sino-Tibetan language families. The type of settling is of scattered nature, with some groups living close to each other.

Language policy of Vietnam promotes the status of the Vietnamese language as an inter-ethnic means of communication (in 2013 it was granted the status of a national language). The rights of ethnic minority people are guaranteed, i.e. the rights to use, preserve and promote their mother tongues, their own writing systems as it is stipulated in the Constitution of Vietnam, that was introduced in 1992. Decisions No. 153-CP, dated August 20th, 1969, regarding the creation, modification and use of the ethnic minorities' writing systems, basically regulate that all ethnicities in Vietnam need to study and use Vietnamese language. At the same time, existing writing systems could be improved or replaced if necessary. An ethnic minority's writing system will be created if that ethnic group meets the following conditions:

- substantial size of population;
- compact type of settling;
- desire of the language community to have their own writing system;
- the vocabulary of the language is reasonably developed.

The decisions No. 53-CP dated February 2nd, 1980, on the ethnic minorities' writing systems basically regulate that the Vietnamese language is a common language of an inter-ethnic communication; all Vietnam citizens have the right and duty to study and use the Vietnamese language. Languages and writing systems of each ethnic minority are precious for the whole nation, thus they must be preserved and promoted. All "scriptless" ethnic groups get support to develop Latin-based writing systems. The ethnicities, that already have a traditional writing system, will be helped to create Latin-based writing systems if necessary. All newly created writing systems of ethnic minorities need to be close to Vietnamese orthography for the convenience of Kinh people and ethnic minorities to study Vietnamese orthography and ethnic minorities' writing systems. Most notably, this kind of language policy authorizes provincial people's committees to adopt writing systems of any ethnic minorities that are the residents of the province. The Article 4 of Law on Primary Education issued in 1991 states that Primary Education is implemented in Vietnamese, but the ethnic minority groups are also entitled to use their own spoken and written languages in Primary Education. Decree No. 38/2004/CT-TTG, issued by the Prime Minister of Vietnam government, stated that governmental authorities, police and army forces that work in ethnic minority area are required to have a certain

level of command of local ethnic minority languages. Decree No. 82/NĐ-CP on teaching and learning languages and regulating the writing systems of minority ethnic groups in public schools and other education facilities, issued in 2010, outlined the conditions and procedures of teaching languages and work related to the creation of writing systems for minority ethnic groups. This Decree also authorizes the provincial committees to review the proposed or existing writing systems and prepare essential documentation so that they could be submitted to the Ministry of Education and Training for consideration in order to be able to study those languages in schools and develop the writing systems of minority ethnic groups within the province.

After decades of implementing the language policy, it is necessary to summarize its achievements as well as the issues that need to be resolved. This paper provides an overview of the writing systems of ethnic minority languages in Vietnam and a closer look at the language use, language competence and language attitude of Nung people and the effect the language policy of Vietnam had on them.

2. Data collection

In addition to data collected from the previous studies and available resources, we conducted 3 field trips from 2019 to 2021 to collect the data on language use and the attitudes of Nung people towards their writing system. A questionnaire included questions regarding to the personal information of the informants, their language competence, language use and language attitudes. The questionnaires were used to interview 600 informants, including 200 Nung Phan Sling people in Na Pat village, Chien Thang commune, Chi Lang district of Lang Son province, 200 Nung Xuong people in Bo Moi village, Dong Minh commune, Yen Minh district of Ha Giang province, and 200 Nung Ven people in Ca Tieng village, Noi Thon commune, Ha Quang district of Cao Bang province. Among them, 260/600 are from 18 to 35 years old; 265/600 are from 36 to 55 years old and 75/600 are above 55 years old. 65,17% are farmers, 19 retired, 8 workers and the rest are governmental officials. Regarding the informants' education, 46 are illiterate, 171 had primary school education, 193 had secondary school education, 176 had high school education and 14 graduated from colleges or universities.

3. Results

3.1. Writing systems of ethnic minorities in Vietnam

According to the statistics of The Department of Primary Education, Ministry of Education and Training of Vietnam in 2019, 32 minority ethnics in Vietnam have their own writing systems, including Tay, Thai, Hoa, Khmer, Nung, Mong, Jrai, Ede, Bahnar, Cham, Sedang, Hre, Koho, Raglai, Mnong, Stieng, Bru, Cotu, Lo Lo, Jeh, Taoih, Ma, Cor, Choro, Chrau, Lao, Lu, Dao, San Chay, Ngai,

San Diu, Muong. In 2021, Hani was added into this list. Among them, Thai, Lao, Lu, Khmer and Cham's writing systems are Sanscrit based; Tay, Nung, Dao, San Chay, Ngai, San Diu, Hoa's writing systems are Sino-script based and Mong, Jrai, Ede, Bahnar, Cham, Sedang, Hre, Koho, Raglai, Mnong, Stieng, Bru, Cotu, Jeh, Taoih, Ma, Cor, Choro, Churu, Muong and Hani's writing systems are Latin based. Some of these ethnic groups have several writing systems as it is summarized in the following table:

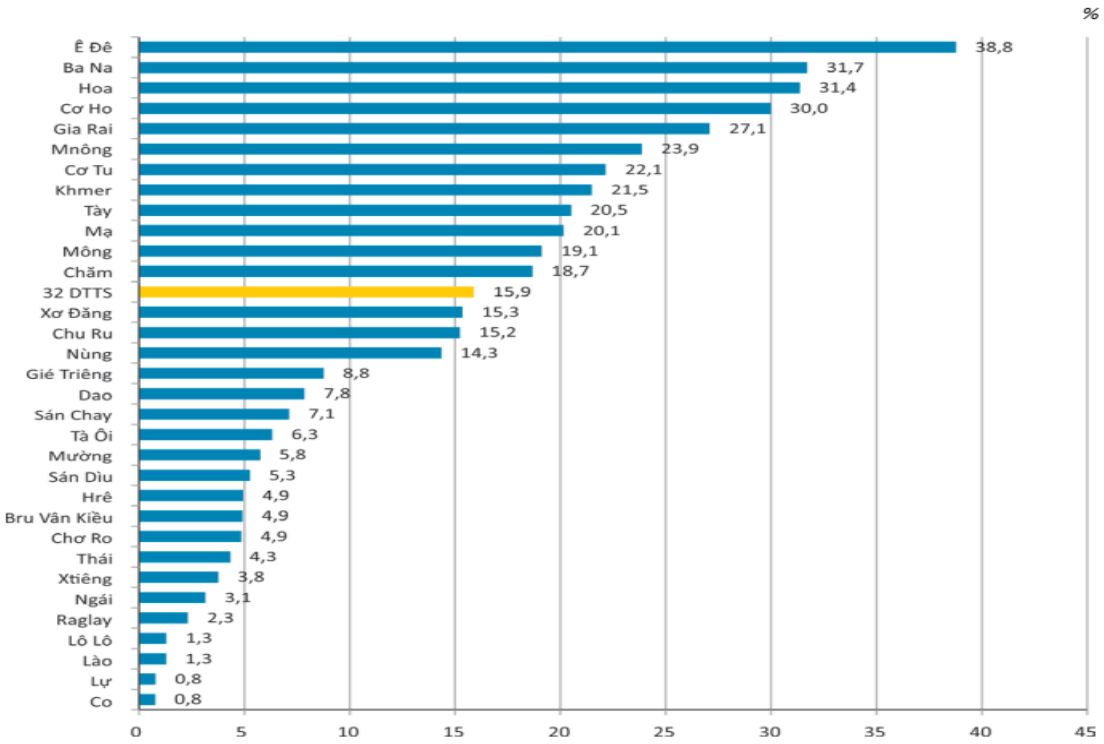
No	**Ethnic**	**Script based**
1	Mong	Latin
2	Jrai	Latin
3	Ede	Latin
4	Bahnar	Latin
5	Sedang	Latin
6	Hre	Latin
7	Koho	Latin
8	Raglai	Latin
9	Mnong	Latin
10	Stieng	Latin
11	Bru	Latin
12	Cotu	Latin
13	Jeh	Latin
14	Taoih	Latin
15	Ma	Latin
16	Cor	Latin
17	Choro	Latin
18	Chrau	Latin
19	Mường	Latin
20	Hani	Latin
21	Khmer	Sanscrit
22	Lào	Sanscrit
23	Lự	Sanscrit
24	Thai	Sanscrit, Latin
25	Cham	Sanscrit, Latin
26	Hoa	Sino

27	Lo Lo	Sino
28	Dao	Sino
29	Sán Chay	Sino
30	Ngái	Sino
31	Sán Dìu	Sino
32	Nung	Sino, Latin
33	Tay	Sino, Latin

Except for Sino and Sanscrit-based cases that have traditional scripis, Latin-based writing systems have been created from late 19th century by French researchers (before 1945), by the Summer Institute of Linguistics (from 1960s to 1970s) and the Vietnamese government later on up until now [Nguyen Huu Hoanh et all, 2013]. The earliest Latin-based writing systems of ethnic minorities in Vietnam were created for people in the Central Highland of Vietnam (Bahnar in 1861, Hmong in 1917, Jrai in 1918, Ede in 1923 etc.) by École Française d'Extrême-Orient (EFEO) starting from the end of 19th century [Ta Van Thong, Ta Quang Tung, 2017], [Phan Luong Hung, 2022]. Since 1960s up until now, many Latin-based writing systems have been created or modified by the Vietnamese government, including Hmong (1961), Tay-Nung (1961), Thai (1961), Coho (1983), Taoih (1986), Bru (1986), Raglai (2001), Mnong (2008), Cotu (2004), Bahnar (2006), Cham (2006), Hre (2006), Cadong (2008), Muong (2016), Hani (2021). In some cases, one ethnic group can have several writing systems with the same kind of script. For example, Thai people in Vietnam have at least 4 different Sanscrit-based writing systems. Bahnar, Raglai and Co Tu have two official Latin-based writing systems that are recognized by different provinces.

According to the statistics of The Department of Primary Education, Ministry of Education and Training of Vietnam, in the period from 2011 to 2020, 6 ethnic minority languages and the respective writing systems were taught in primary school in 22 provinces, including Hmong, Ede, Jrau, Bahnar, Cham and Khmer with the total number of 756 schools, 5.267 classes and 174.562 pupils. Since 2022, Thai and Mnong have also been added to this list. From 2007 to 2017, 25 languages and writing systems were taught for state staffs, police and army forces who worked in an ethnic minority area; 858 classes and 36.691 learners were involved in learning ethnic minority languages and writing systems.

According to the statistics of General Statistics Office of Vietnam in 2019, the percentage of ethnic minority people who can use their local writing systems is still low (15,9 %). Among them, the highest percentage is reported in Ede group and the lowest percentage is reported in Cor and Lue (0,8 %) as showed in this chart:

Source: General Statistics Office of Vietnam

3.2. The case of Nung writing systems

Nung is an official ethnic group of Vietnam with 1.083.298 people reported in 2019 by General Statistics Office of Vietnam; it is used mainly in Lang Son (335,316 people), Cao Bang (158,114 people), Bac Giang (95,805 people), Thai Nguyen (81,740 people), Ha Giang (81,478 people), Dak Lak (75,857 people), Lao Cai (31,150 people), Dak Nong (31,063 people), Bac Kan (28,709 people), Lam Dong (24,423 people), Binh Phuoc (23,917 people), Dong Nai (18,561 people), Tuyen Quang (16,902 people), Yen Bai (16,385 people), Bac Ninh (14,471 people) and Gia Lai (12,420 people). Nung people call themselves /noŋ/. Institute of Ethnology (1978, 1983) mentioned that Nung people in Vietnam previously had lived in the Southern area of the Yangtzu river, in China, and started to immigrate into Vietnam in 11th century. There are several subgroups of Nung people in Vietnam which are normally distinguished according to the type of national clothes they wear: Nung Khen Lai (sleeves have different colors), Nung Hu Lai (head scarfs have white spots), Nung Slu Tin (short shirts); and according to their previous place of residence in China: Nung An, Nung Inh, Nung Quy Rin, Nung Loi, Nung Phan Slinh, Nung Chao, Nung Loi or for unknown reasons: Nung Xuong, Nung Ven, Nung Din.

Nung language is genealogically classified as the Tai-Kadai language family, Kam-Tai branch, Be-Tai sub-branch, Tai group, Central – Tai subgroup [Edmondson, er al, 1997]. Nung language is very close to Tay language in Vietnam. Some Nung subdialects are even closer to Tay subdialects than

other Nung subdialects [Le Van Truong, 2004]. The dialects of Nung are confirmed to be close to each other, and are basically divided into five dialects:

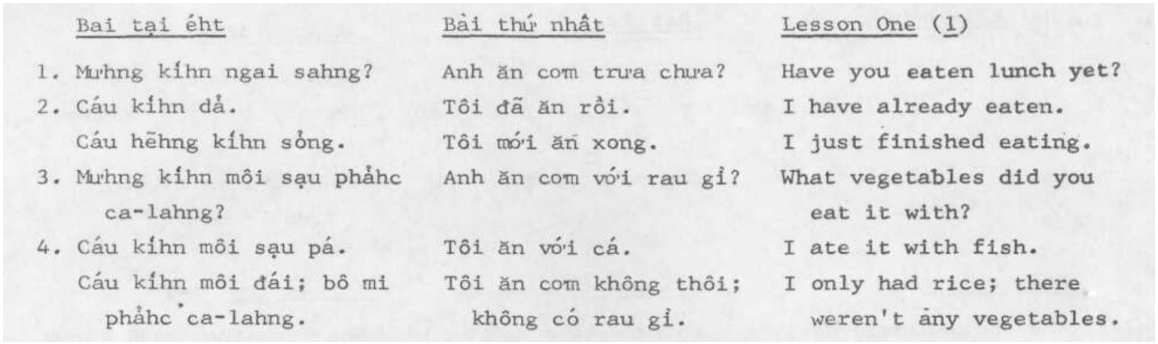
- Nung spoken in the West of the North East of Vietnam: Bac Quang (Ha Giang), Na Hang, Chiem Hoa (Tuyen Quang), Cho Đon (Bac Kan).
- Nung spoken in the South of the North East of Vietnam: Bac Sơn, Binh Gia, Cao Loc (Lang Sơn), Vo Nhai, Dai Tu (Thai Nguyen).
- Nung spoken in the Northeastern part of the North East of Vietnam: Hoa An, Nguyen Binh, Quang Uyen, Trung Khanh, Tra Linh, Ha Lang (Cao Bang).
- Nung spoken in the Central of the North East of Vietnam: Thach An (Cao Bang), Trang Đinh (Lang Sơn), Ngan Sơn, Na Ri, Cho Ra, Bach Thong (Bac Kan).
- Nung spoken in the Northwest part of the North East of Vietnam: Hoang Su Phi, Xin Man (Ha Giang), Yen Binh (Yen Bai) [Ta Van Thong, Ta Quang Tung, 2017].

Up until now, Nung people in Vietnam have had three different writing systems: the traditional script is Sino-based (Nom Nung), the Latin-based script which was created for Tay and Nung people by Vietnam Government in 1961 (thus called Latin-based Tay-Nung writing system) and the third writing system is also Latin-based created by Vy Thi Be and Janice Saul in 1974 while composing Nung Phan Slinh text book. Both Latin-based systems are close to Vietnamese with minor differences. For examples, Latin-based Nung script (1974) uses "-h-" after vowels to represent shortness of vowel.

Sino-based Nung script Latin-based Tay -Nung textbook (1961)

Bai tại éht	Bài thứ nhất	Lesson One (1)
1. Mưhng kíhn ngai sahng?	Anh ăn com trưa chưa?	Have you eaten lunch yet?
2. Cáu kíhn dả.	Tôi đã ăn rồi.	I have already eaten.
Cáu hẽhng kíhn sổng.	Tôi mới ăn xong.	I just finished eating.
3. Mưhng kíhn môi sạu phảhc ca-lahng?	Anh ăn com với rau gì?	What vegetables did you eat it with?
4. Cáu kíhn môi sạu pá.	Tôi ăn với cá.	I ate it with fish.
Cáu kíhn môi đái; bô mi phảhc ca-lahng.	Tôi ăn com không thôi; không có rau gì.	I only had rice; there weren't any vegetables.

Latin-based Nung script (1974)

Cung Van Luoc (1991) confirmed that Nom Tay-Nung was a result of language contact between Tay-Nung, Vietnamese and Chinese. Nom Tay-Nung is rather phonogram than ideogram. Tong Dai Hong (2013) suggested that Nom Tay-Nung had been created in 14th or 15th century. Meanwhile, Hoang Trieu An, Duong Nhat Thanh and Hoang Tuan Nam (2003) confirmed that Nom Tay – Nung had been created in 2th century BC and was only standardized in the 17th century.

Latin-based Tay-Nung writing system was created and approved by the Vietnam Government in 1961 and was taught in primary schools and used in literature, and in propaganda in the Northeast of Vietnam until 1976 [Luong Ben, 1993]. Hoang Van Ma (1993) reported that teaching and learning Tay-Nung language and writing system started in 1962-1963 school year with 78 first grade classes and 1800 pupils reported and reached highest scale with 1000 classes and 37.240 pupils in 1967-1968 school year. Luong Ben (1993) pointed out on the weakness of Latin-based Tay-Nung writing system that had beencreated and approved by Vietnam Government in 1961 and indicated that “The Tay-Nung script in 1961 was created with the idea of creating a common script for both Tay and Nung and for the whole Viet Bac region”. Therefore, Tay-Nung orthographic regulations created a gap between letters and sounds of certain dialects. Meanwhile, no Sino-based Nung script and Latin-based Nung script (1974) classes are officially reported.

Our data analysis shows that no single informant can read or write in their own writing systems. This result matches the report of The People Committee of Cao Bang in 2021 showing that there are hardly any Nung people who can read or write their own writing systems, except for several community shamans (fortune tellers) who can read Sino-based Nung script. Meanwhile, according to the statistical data of Lương Ben (1993), there are 15/108 Nung people who can read and write Latin-based Nung writing system created in 1961. This percentage corresponds to statistics of General Statistics Office of Vietnam in 2019 shown above. Regarding to the usage of Latin-based Tay-Nung writing system, data shows that Nung people do not use their own writing system in any situations.

Regarding to attitude of Nung people towards their own writing systems, 492/600 (82%) informants asserted that it was necessary to study the Nung writing system. Among them, 65% Nung

people wanted to learn Latin-based writing system and only 35% Nung people wanted to learn Sino-based writing system as it is easier to learn than the Latin-based one. This is a huge advance compared to Mong Ky Slay's (1993) statistical data showing that only 51,93% Nung people wanted their children to study Tay-Nung writing system.

Looking into the writing systems of Nung, we could find the following reasons for the current situation of Nung's language competence, language use and language attitudes towards their writing system:

Firstly, Nom Nung (traditional writing system of Nung people) is Sino-based which is completely different from Vietnamese writing system (Quoc Ngu). Thus, there are Nung people who can read and write the Latin-based writing system while hardly any Nung people can read and write Nom Nung.

Secondly, Latin-based Tay-Nung writing system was created in 1961 on the basis of Tay language in Bac Kan province. Meanwhile, differences between dialects of Tay and Nung are remarkable, especially in vowels and rhymes [Mong Ky Slay, 1993].

4. Conclusion

Language policy of Vietnam has been playing an important role in preserving and promoting languages and writing systems of ethnic minority groups. A great number of writing systems have been created. Education in the mother tongue has been implemented in many provinces throughout the country. However, there are facts that reveal the disadvantages regarding the language policy itself and the poor implementation that cause difficulties in preserving and promoting languages of ethnic minorities in Vietnam, including the case of Nung.

Firstly, Decisions No. 53 dated February 2nd, 1980 on the ethnic minorities' writing systems allow provincial authorities to adopt writing systems of ethnic minorities in the province. This makes it possible for different provinces to adopt different writing system for one ethnic group. And that also causes problems in the organization of education in the mother tongue on a national level.

Secondly, the quality of creating writing system is still limited. The case of Tay-Nung writing system reveals that it does not work well for both Tay and Nung people. Raglai and Cadong writing systems that were created recently are not used by the native speakers as they are not efficient enough. Thus, the system of creating writing system in Vietnam needs to be improved.

All in all, we suppose that the following tasks need to be done:

To begin with, the legal documents, related to the work of preserving and promoting ethnic minority languages and writing systems, should be revised. For example, Provincial People

Committees should not have the authority to approve ethnic minorities writing systems. This should be done at the Central level to avoid the situations when one ethnic group has several writing systems.

Another important consideration is that the language policy needs to be implemented systematically in order to be effective. All the language materials need to be well prepared, i.e., textbooks and supplementary materials such as dictionaries, grammar books, etc. And of particular importance are the propaganda work and human resources.

Literature

Cung Van Luoc (1991) A Comparison of Nom Tay to Chinese and Vietnamese Nom, PHD thesis, Hanoi.

Edmondson, Jerold A., *David B. Solnit* (1997) Comparative Kadai. The Tai Branch. University of Texas at Arlington.

Hoang Van Ma (1993) Tay-Nung language and writing system // Issues of language policy of Vietnam. Social Sciences Publishing House. Hanoi.

Hoang Trieu An, Duong Nhat Thanh, Hoang Tuan Nam (2003) Dictionary of Nom Tay. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Hoang Tue (1981) Languages of ethnic minorities in Vietnam and language policy, Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Institute of Ethnology (1978) Ethnic minorities in Vietnam (Northern area). Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Institute of Ethnology (1983) Handbook of Ethnic minorities in Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Luong Ben (1993) On the development of Tay-Nung writing system, in Issues of language policy of Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Ly Toan Thang (2007) The language policy of minority languages in Vietnam. Available at: https://www.korean.go.kr/nkview/nklife/2007_4/2007_0404.pdf.

Ly Toan Thang, Nguyen Van Loi (2002) The development of ethnic minority languages in Vietnam in the twentieth century // The case and language policy in Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi. Pp. 104–135.

Mong Ky Slay (1993) Bilingual education – our mission // Issues of language policy of Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Understanding the languages of ethnic groups in Vietnam (2009). Edited by Ta Van Thong. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Ta Van Thong (2002) The writing of ethnic minorities in Vietnam // Situation and language policy in Vietnam, Social Sciences Publishing House, Hanoi. Pp. 161–191.

Ta Van Thong, Ta Quang Tung (2017) Ethnic minority languages in Vietnam. Thai Nguyen University Publishing House, Thai Nguyen.

Tong Dai Hong (2013) On the Nom Tay in Tuyen Quang. Available at: http://old.tuyenquang.gov.vn/DetailView/1517/27/Buoc-dau-tim-hieu-chu-Nom-Tay-o-Tuyen-Quang.html

Vietnam General Statistics Office (2009) Results of the 2009 Vietnam Population and Housing Census.

References

Cung Van Luoc (1991) A Comparison of Nom Tay to Chinese and Vietnamese Nom, PHD thesis, Hanoi.

Edmondson, Jerold A., David B. Solnit (1997) Comparative Kadai. The Tai Branch. University of Texas at Arlington.

Hoang Van Ma (1993) Tay-Nung language and writing system // Issues of language policy of Vietnam. Social Sciences Publishing House. Hanoi.

Hoang Trieu An, Duong Nhat Thanh, Hoang Tuan Nam (2003) Dictionary of Nom Tay. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Hoang Tue (1981) Languages of ethnic minorities in Vietnam and language policy, Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Institute of Ethnology (1978) Ethnic minorities in Vietnam (Northern area). Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Institute of Ethnology (1983) Handbook of Ethnic minorities in Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Luong Ben (1993) On the development of Tay-Nung writing system, in Issues of language policy of Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Ly Toan Thang (2007) The language policy of minority languages in Vietnam. Available at: https://www.korean.go.kr/nkview/nklife/2007_4/2007_0404.pdf. (In Korean)

Ly Toan Thang, Nguyen Van Loi (2002) The development of ethnic minority languages in Vietnam in the twentieth century // The case and language policy in Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi. Pp. 104–135.

Mong Ky Slay (1993) Bilingual education – our mission // Issues of language policy of Vietnam. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Understanding the languages of ethnic groups in Vietnam (2009). Edited by Ta Van Thong. Social Sciences Publishing House, Hanoi.

Ta Van Thong (2002) The writing of ethnic minorities in Vietnam // Situation and language policy in Vietnam, Social Sciences Publishing House, Hanoi. Pp. 161–191.

Ta Van Thong, Ta Quang Tung (2017) Ethnic minority languages in Vietnam. Thai Nguyen University Publishing House, Thai Nguyen.

Tong Dai Hong (2013) On the Nom Tay in Tuyen Quang. Available at: http://old.tuyenquang.gov.vn/DetailView/1517/27/Buoc-dau-tim-hieu-chu-Nom-Tay-o-Tuyen-Quang.html (In Vietnamese)

Vietnam General Statistics Office (2009) Results of the 2009 Vietnam Population and Housing Census. (In Vietnamese)

Примечание

Эта статья является результатом Национального проекта «Подведение итогов исследований и предложение эффективных решений по сохранению и продвижению роли и самобытности языков и систем письменности этнических меньшинств для правительства Вьетнама и связанных с ним органов власти».

This article is product of The National project “Summarizing studies and proposing urging solutions to preserve and promote the role and the identity of ethnic minority languages and writing systems to Vietnam Gorverment and related authorities”.

Фан Лыонг Хунг – PhD, главный научный сотрудник отдела языков этнических меньшинств, Институт лингвистики Вьетнама, Вьетнамская академия социальных наук, Вьетнам.
Адрес: ул. Лю Зяй, 1, район Бадинь, Ханой, Вьетнам.
Эл. адрес: hungphanluong@gmail.com

Phan Luong Hung – PhD, principal researcher, Department of Ethnic minority languages, Institute of Linguistics of Vietnam, Vietnam Academy of Social Sciences, Vietnam.
Address: 1 Lieu Giai str., Ba Dinh District, Hanoi, Vietnam.
Email: hungphanluong@gmail.com

Для цитирования: *Фан Лыонг Хунг* Системы письменности языков этнических меньшинств во Вьетнаме и пример языка нунг // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 107–118. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-107-118

For citation: *Phan Luong Hung* Writing systems of ethnic minority languages in vietnam and the case of Nung // Sociolinguistics. 2023. No. 4(16). Pp. 107–118. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-107-118

The article was submitted 20.06.2023;
approved after reviewing 30.10.2023;
accepted for publication 10.12.2023

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-119-143

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО И АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Константин Ю. Замятин
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

В связи с существенными переменами в жизни общества и государства в последние годы вновь стали актуальны вопросы языковой политики. Необходимость реагировать на новые вызовы запустила процессы языкового планирования, в сердцевине которых оказался процесс разработки Концепции государственной языковой политики, являющийся по существу этапом формирования политики. Важной вехой этого процесса является согласование бюрократического и академического подходов к формированию политики. Анализ возникших при этом проблем вызывает не только практический, но и теоретический интерес, поскольку не только характеризует специфические российские проблемы, но раскрывает общие тенденции формирования языковой политики и позволяет рассмотреть актуальную проблему центральной роли государства при множественности субъектов языковой политики. В данной статье на основе анализа документов и выступлений чиновников, включенного наблюдения и личного опыта участия в практике языковой политики я анализирую дискурсы и коммуникативные практики в процессе согласования бюрократического и академического дискурсов при разработке проектов Концепции языковой политики. Мне представляется, что, несмотря на наличие существенных расхождений в дискурсах и практиках, согласование может быть достигнуто, поскольку разногласия коренятся в представлениях, которые носят не взаимоисключающий, а во многом взаимодополняющий характер.

Ключевые слова: *языковая политика, государственная политика, публичная политика, стратегическое планирование, бюрократический дискурс, академический дискурс*

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF STATE LANGUAGE POLICY: THE PROBLEM OF ADJUSTING THE BUREAUCRATIC AND ACADEMIC APPROACHES

Konstantin Yu. Zamyatin
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

In connection with significant changes in the life of society and the state in recent years, the issues of language policy have again become relevant. The need to respond to new challenges launched the processes of language planning, at the core of which was the process of developing the Concept of the state language policy, which is essentially a stage of policy formation. An important milestone in this process is the adjustment of bureaucratic and academic approaches to policy making. The analysis of the problems that arose in this case is of not only practical, but also theoretical interest, since it not only characterizes specific Russian problems, but also reveals general trends in the formation of language policy and allows us to consider the topical problem of the central

role of the state given the plurality of subjects of language policy. In this article, based on the analysis of documents and speeches of officials, participant observation and personal experience of participating in the practice of language policy, I analyze discourses and communicative practices in the process of adjusting bureaucratic and academic discourses when developing drafts of the Concept of Language Policy. It seems to me that despite the existence of significant differences in discourses and practices, agreement can be achieved, since the disagreements are rooted in attitudes that are not mutually exclusive but largely complementary to each other.

Keywords: language policy, state policy, public policy, strategic planning, bureaucratic discourse, academic discourse

1. Введение

Со времен СССР и по сей день в России языковая политика рассматривается как часть национальной политики. Соответственно, в России сегодня отсутствует специализированная властная структура, которая отвечала бы за ее формирование и реализацию. Вопросы языковой политики разделены между компетенциями различных министерств и ведомств, в первую очередь Федерального агентства по делам национальностей, Министерства просвещения РФ и Россотрудничества.

При этом часто в многонациональных и многоязычных странах существует парламентская и правительственная структура в сфере языковой политики, например среди крупных стран есть Парламентский комитет по официальному языку, Департамент официального языка МВД Республики Индия и Центральный директорат по вопросам языка хинди Министерства развития человеческих ресурсов Республики Индия, Комиссия национальных языков Министерства образования КНР, Директорат службы национального языка Департамента спорта, искусств и культуры Правительства ЮАР, Офис комиссара по официальным языкам Правительства Канады.

Из-за отсутствия языковой политики как отдельного направления государственной политики и самостоятельной отрасли государственного управления, а также вследствие отсутствия в СССР политической науки в российской науке до сих не выделилось направление исследований языковой политики как публичной политики (public policy studies) (подробнее см.: [Замятин, 2023]), которое в мировой науке последние полвека находилось в сердцевине исследований (см.: [Gazzola et al., 2023, 2024]).

Поэтому, когда языковые проблемы были впервые за последние пару десятилетий снова включены в актуальную политическую повестку и был сформулирован запрос на разработку концептуального документа в этой сфере, ни во власти, ни в академической сфере не было очевидного аналитического центра, которому можно было бы поручить написание такого проекта. Этим ситуация отличалась, например, от смежной сферы национальной политики. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до

2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666; новая редакция утверждена Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 г. №703; в настоящее время готовится новая редакция) писалась в 2012 г. четырьмя бывшими министрами в этой сфере, которые одновременно имели академические степени, что снимало необходимость согласования властного и научного дискурсов.

Вследствие такого аналитического вакуума шло два параллельных процесса разработки Концепции государственной языковой политики – бюрократический и академический. Один проект поручили подготовить Министерству просвещения (проект от 29 декабря 2022 г., не публиковался), а второй проект – Российской академии наук (см. проект от 16 июля 2021 г., опубликован на сайте Института языкознания РАН). Поскольку было подготовлено два проекта, чиновничий и академический, возникла необходимость их согласования, что в публичной политике должно являться нормальной частью политического процесса, а именно – его этапа формирования политики.

В условиях доминирующего в современной России типа формирования политики «сверху вниз» для ее политической культуры характерна преимущественность письменной традиции формирования официального политического дискурса. При этом концепции, наряду с доктринами, стратегиями, стали одной из форм стратегических документов, получивших в последние годы широкое распространение в связи с внедрением механизма стратегического планирования (о правовой природе этих форм документов см., напр.: [Малько, Гайворонская, 2020; также см.: Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ; Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474; Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ, утверждены Указом Президента РФ от 21 ноября 2021 г. № 633]). Они не являются сами по себе нормативно-правовыми документами, поскольку у них отсутствует элемент императивности, но они определяют концептуальные основы для разработки таких документов, а значит имеют центральное значение в существующей политической системе не только для формирования, но и для принятия соответствующей политики, поскольку после согласования их официальное принятие во многом оказывается уже только формальностью.

Несмотря на подчеркиваемую многосубъектность политики, государство в России является доминирующим субъектом, производящим в текстах официальных документов официальный дискурс. Причем и в самих властных структурах решения идут «сверху вниз», из центра в регионы. При этом медийный дискурс не имеет такого значения, как он обычно имел бы при идентификации проблем и их включении в политическую повестку в других странах. Но другие субъекты политики, например научное и экспертное сообщество, также строят свои

дискурсы и подчас принимают участие в подготовке этих документов, а значит, в формировании политики.

Такое взаимодействие являет собой частный случай политического участия при взаимодействии государства и общества. В современных демократиях выборы и голосование за политические партии функционируют как основной способ связи масс и элит и механизм легитимации власти, но есть и другие способы связи, важнейшими из которых являются общественные движения, группы интересов и т.п. Мне было интересно принять участие в этой практической работе по согласованию проектов, чтобы понять, насколько все-таки возможно в современных условиях продвинуть экспертное видение во взаимодействии с чиновниками, т.е. послать сигнал от общества государству и таким образом проверить теоретический тезис о многосубъектности языковой политики на российской практике с ее доминированием государства как главного субъекта политики.

В данной статье я рассмотрю попытки согласования дискурсов в процессе формирования языковой политики в России, чтобы понять, как сегодня происходит согласование дискурсов разных субъектов и что проблемы согласования говорят о состоянии языковой политики в России. Формулирование политики является той ступенью политического процесса, которая обычно скрыта от широкой публики. В качестве эксперта от Института языкознания РАН я принимал участие в составе группы в разработке и согласовании проектов Концепции, а значит, имел возможность заглянуть в «черный ящик» процесса и при этом не только анализировать дискурсы, в первую очередь в текстах официальных документов и выступлениях на официальных заседаниях, но и наблюдать коммуникативные практики формирования и принятия политики, для успеха которых центральной является проблема согласования дискурсов в целях преодоления разногласий в переговорах как одном из фундаментальных процессов принятия решений. И не только наблюдать, но и непосредственно участвовать в практике языковой политики.

В настоящей статье представлены некоторые результаты анализа как самих дискурсов, так и данных, полученных в ходе включенного наблюдения за практиками в процессе согласования проектов на основе личного опыта участия. Таким образом, сочетание дискурсивных и этнографических аналитических техник обеспечивает триангуляцию данных (см.: [Johnson, 2018]). Вначале я очерчу дискурсивный и институциональный контекст процесса разработки проектов Концепции. Далее я расскажу о тех разногласиях, которые возникли в процессе согласования проектов, и о попытках их преодоления. Поскольку разногласий было множество, а эта статья не о собственно содержательной части дискуссии, я остановлюсь, руководствуясь в выборе своим экспертным мнением, только на самых ключевых

вопросах. В свое время в течение нескольких лет я был чиновником и во многом знаком с контекстом формирования политики в России. Я использую качественные методы и в части этнографического анализа буду ссылаться на собственные наблюдения в качестве источника первичных данных. После этого я проанализирую препятствия, возникшие в процессе согласования, и представлю результаты своих размышлений о вероятных причинах возникновения трудностей и возможных путях их преодоления.

2. Дискурсы и политическая повестка

Согласно теории прерывистого равновесия социальных систем [Baumgartner, Jones, 1993], получившей распространение в рамках исторического институционализма, окно возможностей для включения какого-либо вопроса в качестве проблемы в политическую повестку открывается тогда, когда во времени совпадают процессы, создающие благоприятные для формирования политики условия как в текущем развитии общеполитической ситуации, так и для реализации интересов политических антрепренеров (political entrepreneurs) при выработке соответствующих решений. Инициатива включения языкового вопроса в политическую повестку в последние годы шла от разных политических акторов, в дискурсах которых аргументы в обосновании необходимости такого включения изначально пересекались только частично.

С начала 1990-х годов получила распространение идея об использовании «русскоязычного населения» «ближнего зарубежья» в качестве ресурса «мягкой силы» во внешней политике, ставшая известной как «доктрина Караганова» [Караганов 1992]. Из этого дискурса был заимствован, в частности, тезис о «дискриминации русскоязычного населения» в странах «ближнего зарубежья», заявленный в качестве проблемы в обоснование необходимости продвижения русского языка в официальных документах, например в Федеральной целевой программе «Русский язык» (см. текст последней программы: [ФЦП «Русский язык» на 2016–2020 годы, утверждена постановлением Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481]).

На сегодня, в условиях «консервативного поворота» с его идеологическим сдвигом в сторону защиты «традиционных ценностей», дискурс сторонников продвижения «русского мира» во многом стал официальным дискурсом. Действующая Стратегия национальной безопасности РФ гласит, что «подвергаются дискредитации традиционные для России конфессии, культура, русский язык как государственный язык Российской Федерации» [п. 89, утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400] (см. ниже). Разработчиками проекта Концепции государственной языковой политики, подготовленного в Минпросвещения,

из данного пункта был творчески вычленен элемент, касающийся языка, и трансформирован в проблему «дискредитации русского языка как государственного языка Российской Федерации»». В «идеологических» поправках к Конституции РФ в 2020 г. закрепляется статус государственного языка РФ как «языка государствообразующего народа» и указывается, что «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» (см.: [Конституция РФ 12 декабря 1993 года с изменениями 1 июля 2020 г.: Ч. 1 ст. 67 и ч. 3 ст. 69; Закон РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ; подробнее о поправках к Конституции см.: Замятин, 2022].

В контексте этого дискурса решение такой проблемы русского языка должно бы было касаться в первую очередь сферы международных отношений. Однако во внешнеполитической сфере в 2015 г. уже были утверждены свои официальные документы, заложившие концептуальные основы соответствующей политики, в том числе Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утверждена Президентом Российской Федерации 3 ноября 2015 г. № Пр-2283) и Концепция «Русская школа за рубежом» (утверждена Президентом Российской Федерации 4 ноября 2015 г.), а в 2022 г. была утверждена Государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» (я не нашел реквизитов и текста документа, но в бюджете на него уже выделено финансирование на 2023 г.; см.: [Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ]).

На основе первой Концепции был создан Фонд содействия продвижению русского языка и образования на русском языке и разработана одноименная Программа, научно-методическим и информационно-аналитическим центром которой стал Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Кроме того, был утвержден Комплекс мер, направленных на совершенствование государственной политики в области развития, защиты и поддержки русского языка, на 2016–2020 годы (утвержден Заместителем Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец 18 февраля 2016 г. № 1036п-П8). В качестве оператора Госпрограммы РФ в МИДе был создан новый Департамент по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям.

Тем не менее анализ официальных документов показывает, что даже в таком контексте дискурс продвижения русского языка продолжает проецироваться как вектор не только внешней, но и текущей внутренней политики [Концепция внешней политики РФ, утверждена Указом Президента РФ 31 марта 2023 г. № 229; Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждена Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611; Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей, утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809].

Параллельно старый, еще советский, дискурс о многонациональности был дополнен тезисом о гарантированности сохранения этнокультурного и языкового многообразия, тоже закрепленный в идеологических поправках к Конституции (см. преамбулу: «...мы, многонациональный народ Российской Федерации...» и ч. 2 ст. 69). Этот дискурс был актуализирован тезисом об ухудшении положения языков народов России, сопутствующим ему ростом напряженности в республиках и оживлением языкового активизма в связи с принятием поправок к Федеральному закону «Об образования в Российской Федерации» в 2018 году [Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ; см.: Arutyunova, Zamyatin, 2021]. Эти процессы совпали с недавним ростом международного внимания к проблемам языков, выразившемся, среди прочего, в объявлении Международного десятилетия языков коренных народов и стремлении отчитываться об успехах по его реализации в России [Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р]. Но в первую очередь дискурс о сохранении многообразия касался внутренней политической повестки.

Таким образом, и после поправок к Конституции в июле 2020 г. оба дискурса в несколько измененном виде продолжают являться частями официальной идеологии. При этом поправки были направлены не только на изменение дискурсов, но на институциональные изменения. Одной поправкой из числа менее обсуждавшихся были установлены «единые правовые основы системы воспитания и образования» (п. «е» ст. 71), в отношении которых остается неясным, какие вопросы могут решаться субъектами Российской Федерации в пределах совместного ведения [Рукавишников, 2022: 50].

Как показал мой анализ [Замятин, 2022], в контексте языковой политики за этим установлением скрывается институциональный сдвиг, лишающий республики возможности проводить свою языковую политику в образовании, и это несмотря на то что «общие вопросы воспитания, образования» продолжают находиться в совместном ведении центра и субъектов федерации (п. «е» ст. 72). Более того, языки относятся не только к сфере образования, но и к сфере национального развития, также закрепленной среди предметов совместного ведения. При этом для проектов документов по предметам совместного ведения предусмотрен механизм их согласования с субъектами федерации. Вероятно, Минпросвещения при разработке своего проекта Концепции после принятия похожих Концепций преподавания русского и родного языков не учло, что круг вопросов Концепции языковой политики шире образовательных вопросов, а значит, они нуждаются в согласовании с субъектами федерации, поскольку относятся к предметам совместного ведения.

3. Разработка проектов Минпросвещения и Институтов РАН

На заседании президентского Совета по русскому языку в ноябре 2019 г. было дано поручение «Правительству РФ подготовить совместно с Советом при Президенте РФ по русскому языку и с привлечением Совета по межнациональным отношениям и представить предложения» по разработке концепции государственной языковой политики [Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку, которое прошло 5 ноября 2019 года, от 1 марта 2020 г. Пр-355]. Правительство по инстанции передало задачу Министерству просвещения. Такой выбор не представляется очевидным и тривиальным по последствиям, поскольку фактически выводит языковую политику в качестве самостоятельной отрасли управления. До сих пор мероприятия в сфере языковой политики курировались Федеральным агентством по делам национальностей в качестве одного из направлений реализации национальной политики, например, в части того, что касается Международного десятилетия языков коренных народов.

Выбор Минпросвещения был, вероятно, предопределен инерцией бюрократического процесса. Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) было создано только в 2015 г. На тот момент Министерство образования и науки, предшественник Минпросвещения до 2018 г., уже было, наряду с Россотрудничеством, основным исполнителем Федеральной целевой программы «Русский язык», а с 2019 г. Ведомственной программы (действующая программа утверждена Постановлением Правительства РФ от 4 июня 2021 г. № Р-120; см. ниже). Минпросвещения также организационно курирует созданную в 2020 г. Правительственную комиссию по русскому языку.

Именно Минпросвещения проводит инкрементальные структурные изменения в языковой политике в образовании. В отличие от во многом символической национальной политики с ее типичным использованием в первую очередь дискурсивных – информационных, организационных и нормативно-правовых – инструментов в отношении языков народов России, языковая политика в образовании во многом материальна, поскольку требует финансовых инструментов для создания таких условий своей реализации, как подготовка учителей, подготовка и издание учебников, общее обеспечение учебных заведений и т.п. Наиболее значимым из последних регуляционных шагов Минпросвещения стала отмена обязательного изучения государственных языков республик, проведенная упомянутой выше поправкой 2018 г. к Федеральному закону «Об образования в Российской Федерации». Чтобы символически уравновесить это изменение, в том же году Указом Президента РФ был создан Федеральный фонд сохранения и изучения родных языков, который в 2019 г. учредили Минпросвещения и ФАДН с бюджетом на поддержку проектов по сохранению языкового

разнообразия [Указ Президента РФ от 26 октября 2018 г. № 611]. Однако это начинание оказалось недолговечным из-за ликвидации Фонда решением Тверского районного суда г. Москвы от 17 декабря 2021 г., вслед за которым последовали приговоры в отношении его сотрудников по обвинениям в хищениях.

Таким образом, значение поручения разработки Концепции для Минпросвещения состояло не столько в том, чтобы решать заявленные проблемы, которые и так рутинно решаются в действующей институциональной модели, сколько в стремлении политических антрепренеров окончательно институционально оформить языковую политику в качестве отдельной отрасли, а значит, участвовать в освоении финансовых потоков. Такое предположение позволяет выдвинуть и контекст: как было отмечено выше, в Минпросвещения изначально исходят из видения Концепции как довольно узконаправленного документа, аналогичного Концепции преподавания родных языков народов РФ, под план реализации которого можно получить финансирование, проходившее до настоящего времени через указанную выше Ведомственную программу [Концепция преподавания родных языков народов РФ, утвержденная на заседании коллегии Министерства просвещения РФ 1 октября 2019 года № ПК-3вн; План мероприятий по реализации Концепции, утвержденный Приказом Министерства просвещения РФ № 85 от 6 марта 2020 г.; Информация о ходе реализации Плана мероприятий на 2020-2024 годы].

Министерство просвещения, в свою очередь, поручило выполнить практическую работу по подготовке текста Концепции подведомственному ему Федеральному институту родных языков народов Российской Федерации, созданному в 2020 г. в Москве путем преобразования из Института национальных школ Республики Саха (Якутия) для «содействия в сохранении этнокультурного и языкового многообразия», т.е., по сути, вместо Фонда сохранения и развития родных языков. Федеральному институту были переданы функции Фонда по разработке, экспертизе, изданию учебной и учебно-методической литературы на языках народов России. Несмотря на свое название, Федеральный институт, будучи частью системы образования, действует в общем русле образовательной политики.

Из теории мы знаем, что часто одна из причин бюрократизации заключается в стремлении чиновников установить профессиональную монополию и поддерживать ее в отношении потенциальных конкурентов введением все большего количества инструкций и требований. Исполнителям Минпросвещения владение навыками подготовки формы документов и процедурными моментами вселило уверенность в собственной экспертизе, хотя в действительности в Федеральном институте отсутствовала необходимая для разработки соответствующего проекта экспертиза в области исследований языковой политики, а также в

области языковой ревитализации. Я усматриваю в такой самонадеянности характерные и для других отраслей издержки «технократического подхода», когда «молодые технократы» берутся за решение сложных и деликатных проблем.

Разработчики проекта Минпросвещения взяли за основу Стратегию государственной национальной политики. При этом, если в Стратегии двумя первыми и главными целями заявлялись укрепление единства российской нации и сохранение этнокультурного и языкового многообразия, то проект Минпросвещения взял саму форму документа, но не отразил этот дуализм целей, который присущ также и языковой политике, а состоял на начальном этапе из компиляции общих положений разных документов, отражающей официальный дискурс, но в основном не выражающей собственных идеологических и концептуальных установок. В конце 2022 г. Минпросвещения представило проект Концепции в Правительство.

Параллельно в 2020 г. Совет при Президенте РФ по русскому языку обратился в Институт языкознания РАН с предложением подготовить проект Концепции государственной языковой политики, потому что в Институте есть необходимое экспертное знание в области сохранения языкового многообразия и языковой ревитализации. Это предложение стало некоторым отклонением от стандартного алгоритма, выработанного для разработки стратегических документов. Такое отклонение стало, по-видимому, следствием отмеченного выше общего дефицита экспертизы в области исследований языковой политики. Более того, в Администрации Президента была согласована предварительная структура документа. Проект был подготовлен Институтом языкознания РАН совместно с тремя другими институтами РАН – Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Институтом русского языка им. В.В. Виноградова и Институтом лингвистических исследований (г. Санкт-Петербург) – к лету 2021 г.

Я присоединился к процессу в это время и могу только констатировать, что, поскольку проект Институтов РАН писался вне стандартного алгоритма для подготовки официальных документов, он составлен во многом в академическом жанре. Проект гораздо шире по охвату направлений языковой политики, содержательнее и инструментальнее по проработанности своих положений, чем проект Минпросвещения. При этом не только проблематика сохранения языкового разнообразия, но и проблематика поддержки русского языка нашла свое отражение в проекте, о чем свидетельствует в том числе участие подтвердивших это русистов из Института Виноградова.

4. Попытки согласования проектов Институтов РАН и Министерства просвещения

С учетом наличия двух проектов, по решению незадолго до этого созданной Правительственной комиссии по русскому языку на ее заседании 26 ноября 2021 г. «для организации совместной работы» над проектом Концепции государственной языковой политики в начале 2022 г. была создана Межведомственная рабочая группа, в которую были включены помимо представителей министерств и ведомств также и представители научных учреждений, в том числе и я [Протокол от 26 ноября 2021 года № СК-26/03пр]. По повестке, предложенной Минпросвещения, Межведомственная рабочая группа изначально по умолчанию взяла за основу проект Минпросвещения.

К нему были получены замечания и предложения министерств и ведомств (в том числе ФАДН и Министерства юстиции), а также научных учреждений (таких как Санкт-Петербургский государственный университет и Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России), которые по большей части не представили принципиальных возражений. На их основе разработчики проекта Минпросвещения включили в его следующую итерацию концептуальные пункты о якобы существующих угрозах русскому языку и необходимости его всестороннего продвижения в развитие соответствующей поправки к Конституции, появившиеся, предположительно, по настоянию представителей Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина и давшие проекту идеологическое содержание.

Представители Института языкознания РАН тоже представили свои замечания и предложения, в которых указывали на множественные пробелы и необходимость существенной доработки документа, а также продолжали настаивать на взятии за основу проекта Институтов РАН. При наличии двух проектов, которые во многом дополняли друг друга, на Межведомственной рабочей группе было принято решение о создании согласительной рабочей группы по доработке Концепции путем объединения проектов. В соответствии с согласительной процедурой в ее состав вошли два члена рабочей группы от Федерального института родных языков и два члена от Института языкознания РАН, включая меня.

В целом такое согласование должно было стать нормальным рабочим процессом. После внесения в документ дискурса продвижения русского языка логично было бы добавить и дискурс сохранения языкового многообразия. То, что идеологии двух проектов частично противоречили друг другу, не должно было стать камнем преткновения, потому что это нормальная практика, когда идеологические документы содержат фрагменты разных дискурсов. Однако процесс не принес ожидаемого результата и оказался весьма своеобразным.

В то время как задание группе предусматривало равноправное участие в обсуждениях, сторона Федерального института отказывалась объединять два проекта. Процесс принял затяжной характер, в частности, из-за недобросовестности стороны Федерального института. Например, при обсуждении первых двух глав проекта сторона Института языкознания РАН настаивала на включении проблемы «снижения престижа языков России», а они настаивали на исключении термина «престиж», который якобы «звучит иностранно». При этом в одной из следующих глав их проекта они сами использовали оборот «понижение престижа русского языка». И это только один пример недобросовестного действия, а таких примеров было множество.

Квинтэссенцией недобросовестности стал следующий маневр ухода от переговоров. Воспользовавшись нашей фрустрацией от тупика в переговорах, Минпросвещения предложило привлечь к работе совместной группы представителей Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, занимающегося проблематикой преподавания русского языка как иностранного, в том числе его продвижения за рубежом. Были привлечены и представители Московского государственного лингвистического университета, занимающегося проблематикой преподавания иностранных языков в России – по просьбе последнего. Неожиданно и в одностороннем порядке, вопреки согласованному ранее на Межведомственной рабочей группе принципу работы по доработке Концепции Федеральным институтом родных языков и Институтом языкознания РАН в качестве равных партнеров, представитель Минпросвещения объявила новую процедуру согласования поправок, по которой предлагаемые Институтом языкознания РАН поправки утверждались или отклонялись простым большинством голосов представителей четырех учреждений: Института языкознания РАН, Федерального института, Института Пушкина и МГЛУ. В результате голосами три к одному почти все положения проекта Институтов РАН, который, напомню, разрабатывали четыре профильных института РАН, были исключены. Из объединенного текста первых двух глав проекта Концепции, состоящего примерно из шести страниц проекта Минпросвещения и шести страниц проекта Институтов РАН, только два предложения проекта Институтов РАН были оставлены (см. ниже). Аргументация по отклонению предложений в основном заключалась в отсылке на чрезмерную академичность текста проекта Институтов РАН и отсутствии времени этот текст переформулировать.

Исключение составил пункт, где в числе прочих проблем называлась «дискредитация русского языка как государственного языка Российской Федерации». На соответствующую нашу критику, что Концепция касается не внешней, а внутренней языковой политики, оппоненты заявили, что на включении этого пункта настаивает соответствующая «высшая

инстанция», к которой они всячески демонстрировали свое почтение (deference). Тут стоит отметить, что после поправок к Конституции 2020 г., «поддержание гражданского мира и согласия», которое в официальном дискурсе включает и «межнациональное согласие», а значит и вопросы национальной и языковой политики, отнесено к полномочиям президента РФ, реализуемым через Совет безопасности РФ (ст. 83). К удивлению составителей проекта Минпросвещения, не только Институт языкознания РАН, но оба свежепривлеченных учреждения высказались за исключение пункта о «дискредитации русского языка».

В результате такого процесса остались не включены многие принципиальные положения проекта Институтов РАН. Среди прочего Институт языкознания РАН настаивал на включении списка определений ключевых понятий, в том числе определений языкового разнообразия и его сохранения. В общемировой практике сохранение языкового многообразия – это не просто «деятельность государства при участии институтов гражданского общества», но дело самих языковых сообществ, языковых активистов. Такая деятельность не может ограничиваться процессом, но должна приводить к результатам, причем результатам сохранения не только самих языков, но и двуязычия и многоязычия. Из чего следует, что сокращение двуязычия и многоязычия – это отдельная проблема политики. В размазанном виде вошли наши положения, указывающие на отсутствие федеральной программы сохранения и развития языков народов России, принятие которой предусмотрено Законом «О языках народов Российской Федерации» [ст. 7, Закон РФ № 1807–1 от 25 октября 1991 г.], и специализированного федерального органа для координации государственной языковой политики.

Мы не смогли участвовать в следующей встрече, на которой были исключены остававшиеся ранее согласованные с нами положения. После такого устранения препятствия в виде замечаний и предложений Института языкознания РАН чиновники Минпросвещения сделали вид, что проект Концепции согласован с научными учреждениями, обсуждали его на Межведомственной рабочей группе в основном с представителями министерств и ведомств и после их одобрения направили проект в начале 2023 г. в Совет при Президенте РФ по русскому языку. Однако, насколько известно, на его заседании 2 марта проект не обсуждался, в частности, уже потому, что сам президент РФ на заседании не присутствовал, вероятно, из-за назначенного первоначально на тот же день экстренного заседания Совета безопасности РФ.

5. Препятствия для согласования проектов

Упрощая, все же во многом на начальном этапе проекты Минпросвещения и Институтов РАН можно было соотнести, соответственно, как форму официального документа и его

содержание. Упрощение тут состоит, в частности, в том, что проект Институтов РАН также имел определенную форму по структуре документа, полученную в Администрации Президента РФ и детально соблюденную. Такие тексты можно теоретически было свести в один через согласование и нахождение компромисса. Для этого стороне РАН надо было уступить в вопросе формы в части приведения проекта в соответствие с требованиями для официальных документов, а стороне Минпросвещения – в вопросе содержания. Однако в силу ряда причин на данном этапе согласование оказалось невозможным.

По форме причина неуспеха частично имела структурный характер. Отчасти, сам современный политический процесс в России устроен таким образом, что не предусматривает равноправного диалога чиновников и экспертов при формировании политики, в чем пришлось лично убедиться в ходе работы по согласованию проектов. Отчасти, неравенство в диалоге вызвано предубеждением политиков и чиновников в отношении недостаточного качества экспертизы, которое научное и экспертное сообщество могут предложить.

Как я отметил в начале статьи, с советских времен и до сих пор исследования языковой политики в рамках политической науки не получили в России достаточного развития. В результате ниша оказалась занята социолингвистами, которые имеют наработки по языковой ревитализации, но не обладают достаточными знаниями теорий языковой политики и навыками практики языковой политики (см. подробнее: [Замятин, 2023; Мухарямов, Януш, 2022]). Томас Риченто [2006] отмечает, что большинство социолингвистов и специалистов по прикладной лингвистике «либо имеют малую степень, либо не имеют никакой подготовки в области политической науки». Такой недостаток теоретического осмысления приводит к проблемам в прикладной науке и практике языковой политики.

С нашей стороны, на мой взгляд, была ошибка, в частности, в переговорной стратегии в условиях, когда инициатива была в руках оппонентов: очередные заседания назначались произвольно с минимальным временем для подготовки, не раз и не два за один день до заседания. Наша переговорная сторона де-факто поделила роли в использовании метода «кнута и пряника», когда одновременно с принципиальной критикой положений разработанного Минпросвещения проекта выдвигала конструктивные предложения по его совершенствованию, в том числе по включению отдельных положений проекта Институтов РАН и отказе от других.

Поскольку я присоединился к процессу позднее, когда текст проекта Институтов РАН уже был готов, мне было психологически проще отказываться от частей текста, написанных, скорее, в академическом жанре. Но не только потому, что я не был среди его авторов, но и потому, что было понимание, что наша переговорная позиция была слабее в глазах надзирающих органов. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что сохраняющиеся в

академической среде свобода дискуссии и плюрализм мнений не всегда подразумевали стремления прийти к истине через понимание позиции оппонента и готовность к компромиссу на практике. На мой взгляд, мы должны были делать больше уступок, чтобы сохранять у оппонентов и их кураторов чувство хоть и медленного, но продвижения в переговорах.

Мое стремление состояло в том, чтобы добиться включения всех «несущих» элементов Концепции Институтов РАН, в том числе проблем, целей, основных направлений и механизмов реализации политики в области сохранения и развития языков в качестве основы для разрабатываемой в Институте языкознания РАН, согласно поручению Президента РФ из того же перечня поручений Программы сохранения и развития языков народов России. Это удалось лишь частично: были включены организационные проблемы – отсутствие специализированной структуры по координации языковой политики и государственной программы по сохранению языкового многообразия, но не видение политических проблем, целей, основных направлений и механизмов реализации политики.

В какой-то момент партнеры по переговорам решили вместо того, чтобы вести торг тактически, отказываясь от менее значимых пунктов, перевернуть «игральную доску». Причина была в тайминге. Им было важно получить формальный результат в виде подтверждения со стороны Российской академии наук, что проект с нами согласован, но важнее было в бюрократической логике даже не качество результата, а сроки – задание нужно выполнить вовремя, потому что по этому критерию их работу оценивает начальство. Поэтому стратегия Министерства была в том, чтобы добиться принятия документа в их редакции даже за счет снижения его общего качества и сохранения высокой степени неопределенности в отношении конечного результата, когда несогласованный документ, вполне вероятно, не будет утвержден.

Таким образом, одной из причин неудачи согласования стала разная культура работы, заключающаяся в различии именно в коммуникативных практиках вокруг самих бюрократического и академического дискурсов. В то время как в академическом процессе априори доверие укрепляет сотрудничество, в бюрократическом процессе важнее всего формальный результат в определенные сроки, который должен быть достигнут любой ценой, в том числе за счет фактического результата. Поэтому нужно оговориться, что не во всем причиной неуспеха стала недобросовестность исполнителей с бюрократической стороны – его предопределила и та среда, в которой они функционируют.

По содержанию препятствием прежде всего стали скрывающиеся за противоречиями в видении проблем и соответствующих целей политики различающиеся языковые идеологии, которые стали явными в практике языковой политики. В общем-то, пришлось услышать все то,

что и можно было ожидать от недостаточно рефлексирующих по поводу своих языковых идеологий клерков – разработчиков проекта Минпросвещения, которые выражали сопутствующие языковые установки, раскрывающие мировоззрение, построенное на постулатах из официального дискурса, например, что «русский язык находится под угрозой», «русскоязычное население подвергается дискриминации» и т.п. При этом аргументы ожидаемо включали «презумпцию интеграции» и «презумпцию эффективности» (integration assumption и efficiency assumption) [Blommaert, 1996: 210, 211], оправдывающие официальное одноязычие необходимостью предотвращения угроз территориальной целостности, непрактичностью и неэффективностью использования нескольких языков в официальных контекстах. Проект Институтов РАН основывался на идеологиях о ценности двуязычия и многоязычия, опасности исчезновения языков, необходимости сохранения и развития языкового многообразия. Подобные идеологии с обеих сторон ожидаемы, если учесть, что именно риторика «угроз национальной безопасности» и представление проблем сквозь призму секьюритизации оказывается одним из ключевых инструментов построения официального нарратива.

После включения в проект Концепции Минпросвещения дискурса продвижения русского языка в редакции, представленной правительством и подготовленной к заседанию Совета при Президенте РФ по русскому языку 2 марта 2023 г., текст Минпросвещения исходит в основном из проблем русского языка и ставит соответствующие цели, в то время как в части других языков его положения пока остались на уровне набора общих фраз. Проект Концепции Институтов РАН адресован решению проблем как русского, так и других языков народов России. Внутри России основной вопрос языковой политики и состоит именно в необходимости согласования для нахождения баланса между целью политики по продвижению русского языка и целью сохранения и развития других языков народов России. В то время как сейчас достижение этих целей воспринимается как «игра с нулевой суммой», в которой выигрыш одного языка подразумевает проигрыш других языков, потенциально оптимальное решение заключается в поддержке двуязычия и многоязычия. Так или иначе, вопрос поиска баланса в поддержке русского и других языков встанет снова, потому что для его нахождения Концепция, собственно, и нужна. Отсутствие этого баланса в проекте Минпросвещения и неспособность оппонентов принять предлагаемое в проекте Институтов РАН видение дуализма целей политики и породило патовую ситуацию.

Первым из принципиальных стало расхождение по поводу круга субъектов политики. В самом названии проекта Концепции языковой политики Институтов РАН отсутствует термин «государственная», т.к. языковая политика трактуется широко – как публичная политика, в которой государство является только одним из субъектов политики. В проекте

Минпросвещения уже в самом названии употребляется термин «государственная политика». При этом парадоксальным образом этому термину приписывается определение по сути «публичной политики» с ее множественностью субъектов (см. о государственной и публичной политике: [Соловьев, 2017; Сунгуров, 2022]). Более того, поправками к Конституции РФ 2020 г. было введено понятие «публичной власти», которое в доктринальных документах оставалось не определено. Однако Конституционный Суд дал заключение от 16 марта 2020 г., в котором постановил, что категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство» и соотносится с последним в качестве определения «политического союза (объединения) многонационального российского народа» [Заключение Конституционного Суда от 16 марта 2020 г. № 1–3].

Следующим важным расхождением стал вопрос охвата сфер политики. В целом стороны были, кажется, согласны, что документ ограничивается «внутренней» языковой политикой, видимой в качестве самостоятельной сферы управления, и не затрагивает политику внешнюю, для которой, как было отмечено выше, уже принят пакет соответствующих документов. Проект Концепции Минпросвещения рассматривает «внутреннюю» языковую политику, но при этом некоторые из конструируемых проблем, например упомянутая «дискредитация русского языка», если это не симулякр, по логике должна относиться к «внешней» языковой политике. Таким образом, проект Минпросвещения концептуально распадается. Помимо этого, Концепция Институтов РАН имеет более широкий охват и в смысле большего числа направлений политики.

6. Заключение

Результаты данного исследования подтверждают тезис о государстве как главном субъекте политики в современной России. Несмотря на заявленную множественность субъектов политики в предлагаемом проектом Концепции Минпросвещения определении понятия «государственная языковая политика», в практике политики мы видим, что государство рассматривается не просто в качестве главного, но по сути единственного субъекта в отношении языковой политики.

Когда властные структуры привлекают научных экспертов к процессу формирования политики, чиновники не воспринимают экспертов как равных партнеров, а, скорее, выполняют формальное требование согласования, неуспех которого не становится препятствием для дальнейшего движения документа. Этот вывод являет собой еще одно свидетельство того, что связь государства и общества характеризуется в последние годы в России переходом от

системы государственного корпоративизма, когда «институты гражданского общества» имеют реальное влияние на формирование политики, к системе государственного контроля.

Впрочем, как я отметил выше, проблема ограниченного участия общественных институтов в формировании политики вызвана не только игнорированием со стороны государства, но в данном конкретном случае и недостаточным уровнем экспертизы со стороны академии. По моей оценке, критика чиновниками проекта Концепции Институтов РАН верна в той части, что он не соответствует существующим формальным требованиям для разработки официальных документов. В академии пока не хватает понимания практики языковой политики как публичной политики, навыков формулировать вводные на языке политического дискурса, вести переговоры, т.е. предоставлять качественную экспертизу.

При этом по содержанию проект Институтов более убедителен, хотя оба проекта имеют идеологическое наполнение. Но в качестве результата включенного наблюдения даже интереснее и важнее, чем сами свидетельства выражения языковых идеологий в дискурсах и коммуникативных практиках, в том числе в содержании самих проектов, явилась идентификация структурных препятствий.

На сегодня прошел год с того времени, как проект Концепции Минпросвещения ушел без согласования с Институтами РАН вверх по инстанции в правительство. Его пока не утвердили, что, учитывая его несбалансированность, логично. Интересно, вернется ли проект на новое, повторное согласование. Учитывая круг затрагиваемых вопросов, такое согласование необходимо в том числе с субъектами федерации в рамках рассмотрения предметов совместного ведения.

В целом, кажется, компромисс возможен, в том числе через механизм согласования проекта с субъектами федерации, и его достижение будет заключаться в нахождении баланса между распространением общего языка коммуникации как элемента модернизации и сохранением языкового многообразия как одного из элементов сохранения культурного наследия и традиционных «духовно-нравственных ценностей». Модернистский проект формирования российской нации входит здесь в противоречие с необходимостью наполнения «национальной» идентичности на этнокультурных и языковых основаниях. В условиях практически универсального знания русского языка гражданами России включение в основу официального дискурса «духовно-нравственных ценностей» логически диктует приоритет сохранения языкового многообразия в языковой политике.

Литература

Замятин К.Ю. (2022) Языковая политика в России после поправок к Конституции 2020 года: Начало нового этапа? // Современная языковая политика в мире: Теория и практика / Отв. ред. М.Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М.: ИМЛИ РАН. С. 104–115.

Замятин К.Ю. (2023) Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке // Социолингвистика. № 3 (15). (рукопись)

Караганов С.А. (1992) Проблемы защиты интересов российско-ориентированного населения в ближнем зарубежье // Дипломатический вестник. 15–30.11. № 21, 22. С. 38–45.

Малько А.В., Гайворонская Я.В. (2020) Правовые акты как средство российской правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М.: Юстиция. 120 с.

Мухарямов Н.М., Януш О.Б. (2022) Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество. 304 с.

Рукавишников С. М. (2022) Конституционно-правовые основы формирования механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования // Актуальные проблемы российского права. Т. 17. № 5. С. 46–53.

Соловьев А.И. (ред.) (2017) Государственная политика и управление: Уч. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс. 480 с.

Сунгуров А.Ю. (2022) Российское гражданское общество и власть. СПб.: Алетейя. 338 с.

Arutyunova, E., Zamyatin, K. (2021) An Ethnolinguistic Conflict on the Compulsory Learning of the State Languages in the Republics of Russia: Policies and Discourses // The International Journal of Human Rights. Vol. 25 (5). Pp. 832–852.

Baumgartner, F., Bryan D. (1993) Agendas and Instability in American Politics. Chicago: University of Chicago Press.

Blommaert, J. (1996) Language Planning as a Discourse on Language and Society: The Linguistic Ideology of a Scholarly Tradition // Language Problems and Language Planning, 1996. Vol. 20 (3). Pp. 199–222.

Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D.C., Leoni de León, J.A. (2023) Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning. Cham: Palgrave Macmillan.

Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L., Heugh, K. (eds.) (2024). The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Abingdon: Routledge. (Manuscript)

Johnson, D. (2018) Research Methods in Language Policy and Planning // Oxford Handbook of Language Policy and Planning / J. Tollefson, M. Pérez-Milans (eds.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.

Ricento, T. (ed.) (2006) An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford: Blackwell Publishing.

Источники

Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 Дата обращения: 17 июля 2023.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019 Дата обращения: 17 июля 2023.

Заключение Конституционного Суда от 16 марта 2020 г. № 1-З о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_347691 Дата обращения: 17 июля 2023.

Закон Российской Федерации № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_ 15524 / Дата обращения: 17 июля 2023.

Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016 - 2020 годы, утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 481. http://government.ru/docs/18169/ Дата обращения: 17 июля 2023.

Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 Дата обращения: 17 июля 2023.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 Дата обращения: 17 июля 2023.

Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. №703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW _312881 Дата обращения: 17 июля 2023.

Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, утверждена Президентом РФ 3 ноября 2015 г. № Пр-2283. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145978 Дата обращения: 17 июля 2023.

Концепция «Русская школа за рубежом», утверждена Президентом РФ 4 ноября 2015 г. http://kremlin.ru/acts/news/50643 Дата обращения: 17 июля 2023.

Комплекс мер, направленных на совершенствование государственной политики в области развития, защиты и поддержки русского языка, на 2016 – 2020 годы, утвержденный Заместителем Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец от 18 февраля 2016 г. № 1036п-П8. http://www.consultant.ru/law/podborki/kompleks_mer% 252C_napravlennyh _na_sovershenstvovanie_gosudarstvennoj_politiki_v_oblasti_razvitiya%252C_zaschity_i_pod derzhki_russkogo_yazyka Дата обращения: 17 июля 2023.

Государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», финансирование на 2023 год выделено Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ "О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_433298/095f7a7639139069b998f370514736c3159743c2 Дата обращения: 17 июля 2023.

Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку, которое прошло 5 ноября 2019 года, от 1 марта 2020 г. Пр-355. http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918 Дата обращения: 17 июля 2023.

Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090 Дата обращения: 17 июля 2023.

Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2018 г. № 611 "О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации". Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71988258 Дата обращения: 17 июля 2023.

Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: https://rg.ru/documents/2020/07/22/ukaz-dok.html Дата обращения: 17 июля 2023.

Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 Дата обращения: 17 июля 2023.

Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 21 ноября 2021 г. № 633. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244 Дата обращения: 17 июля 2023.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации 31 марта 2023 г. № 229. Режим доступа: https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 Дата обращения: 17 июля 2023.

Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019 Дата обращения: 17 июля 2023.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. http://publication.pravo.gov.ru/Document /View/0001202211090019 Дата обращения: 17 июля 2023.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 г. № 204-р "Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022-2032 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов". Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403414644/ Дата обращения: 17 июля 2023.

Ведомственная целевая программа "Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации", утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июня 2021 г. № Р-120. Режим доступа: https://base.garant.ru/400870777/ Дата обращения: 17 июля 2023.

Концепция преподавания родных языков народов Российской Федерации, утвержденной на заседании коллегии Министерства просвещения Российской Федерации 1 октября 2019 года № ПК-3вн. Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document /616ab265aa2810f14a2 c3fd1203a0aaa/download/2400/ Дата обращения: 17 июля 2023.

План мероприятий Министерства просвещения Российской Федерации по реализации Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации, утвержденный Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 85 от 6 марта 2020 г. Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document /f229daff6cae6838175981a b8d99c116/download/2742/ Дата обращения: 17 июля 2023.

Информация о ходе реализации Плана мероприятий Министерства просвещения Российской Федерации по реализации Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации, утвержденной на заседании коллегии Министерства просвещения Российской Федерации 1 октября 2019 года, на 2020-2024 годы. Не публиковалась;

Протокол от 26 ноября 2021 года № СК-26/03пр заседания Правительственной комиссии по русскому языку. (рукопись)

Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Министерстве просвещения РФ от 29 декабря 2022 г. (рукопись)

Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовлен Институтами РАН от 16 июля 2021 г. Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap Дата обращения: 17 июля 2023.

References

Zamyatin, K.Yu. (2022) Yazykovaya politika v Rossii posle popravok k Konstitutsii 2020 goda: Nachalo novogo etapa? [Language Policy in Russia After the 2020 Constitutional Amendments: the Beginning of a New Stage?] // Sovremennaya yazykovaya politika v mire: teoriya i praktika / M.Ya. Kaplunova, Chzh. Zhunkhuey (Eds.). M.: RAS Institute of World Literatures. Pp. 104–115. (In Russ.)

Zamyatin, K.Yu. (2023) Issledovaniya yazykovoy politiki kak publichnoy politiki v rossiyskoy i mirovoy nauke [Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science] // Sociolinguistics. № 3 (15). (manuscript). (In Russ.)

Karaganov S.A. (1992) Problemy zashchity interesov rossiysko-orientirovannogo naseleniya v blizhnem zarubezhye [Problems of Protecting The Interests of the Russian-Oriented Population in the Near Abroad] // Diplomaticheskij vestnik. 15–30.11. No. 21, 22. Pp. 38–45. (In Russ.)

Mal'ko, A.V., Gayvoronskaya, Ya.V. (2020) Pravovye akty kak sredstvo rossijskoj pravovoj politiki v usloviyakh globalizatsii i regionalizatsii [Legal Acts As Remedies of the Russian Legal Policy Under the Conditions of Globalization and Regionalization]. M.: Yustitsiya. (In Russ.)

Mukharyamov, N.M., Yanush, O.B. (2022) Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: Faktory politicheskoy dinamiki [Language Setting of the Russian Society: Factors of Political Dynamics] / G.F. Lutfullina (Ed.). Kazan': Otechestvo. (In Russ.)

Rukavishnikov, S.M. (2022) Konstitutsionno-pravovye osnovy formirovaniya mekhanizma administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere vysshego obrazovaniya [Constitutional and Legal Basis for the Formation of A Mechanism of Administrative and Legal Regulation in the Field of Higher Education] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. Vol. 17. № 5. Pp. 46–53. (In Russ.)

Solovyov, A.I. (Ed.) (2017) Gosudarstvennaya politika i upravlenie: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Public Policy and Management. Study Guide]. M.: Aspekt Press. (In Russ.)

Sungurov, A.Yu. (2022) Rossiyskoe grazhdanskoe obshhestvo i vlast' [The Russian Civil Society and the Authorities]. SPb.: Aleteya. (In Russ.)

Arutyunova, E., Zamyatin, K. (2021) An Ethnolinguistic Conflict on the Compulsory Learning of the State Languages in the Republics of Russia: Policies and Discourses // The International Journal of Human Rights. Vol. 25 (5). Pp. 832–852.

Baumgartner, F., Bryan D. (1993) Agendas and Instability in American Politics. Chicago: University of Chicago Press.

Blommaert, J. (1996) Language Planning as a Discourse on Language and Society: The Linguistic Ideology of a Scholarly Tradition // Language Problems and Language Planning. Vol. 20 (3). Pp. 199–222.

Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D.C., Leoni de León, J.A. (2023) Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning. Cham: Palgrave Macmillan.

Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L., Heugh, K. (Eds.) (2024). The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Abingdon: Routledge. (Manuscript)

Johnson, D. (2018) Research Methods in Language Policy and Planning // Oxford Handbook of Language Policy and Planning / J. Tollefson, M. Pérez-Milans (Eds.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.

Ricento, T. (Ed.) (2006) An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford: Blackwell Publishing.

Sources

Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Available at:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority.” Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019. Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Conclusion of the Constitutional Court of March 16, 2020 No. 1-Z on the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power” ", as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation with the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Law of the Russian Federation No. 1807-1 “On the Languages of the Peoples of the Russian Federation” of October 25, 1991. Available at: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_15524. Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Federal Targeted Programme “Russian Language” For 2016–2020, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of May 20, 2015 No. 481. http://government.ru/docs/18169 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Strategy of the State Nationalities Policy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation of December 6, 2018 No. 703 “On Amendments to the Strategy of the State Nationalities Policy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666.” Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Concept of State Support and Promotion of the Russian Language Abroad, approved by the President of the Russian Federation on November 3, 2015. No. Pr-2283. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145978 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Concept of “Russian School Abroad”, approved by the President of the Russian Federation on November 4, 2015.http://kremlin.ru/acts/news/50643 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Set of Measures Aimed at Improving the State Policy in the Field of Development, Protection and Support for the Russian Language for 2016–2020, approved by Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation O.Yu. Golodets on February 18, 2016 No. 1036p-P8. http://www.consultant.ru/law/podborki/kompleks_mer%252C_napravlennyh_na_sovershenstvovanie_gosudarstvennoj_politiki_v_oblasti_razvitiya%252C_zaschity_i_podderzhki_russkogo_yazyka Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

State Program of the Russian Federation “Support and Promotion of the Russian Language Abroad”, funding for 2023 allocated by Federal Law of December 5, 2022 No. 466-FZ “On the Federal Budget for 2023 and for the Planning Period 2024 and 2025.” Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/095f7a7639139069b998f37051 4736c3159743c2 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

List of instructions following the Session of the Russian Language Council, which took place on November 5, 2019, on March 1, 2020. Pr-355. http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Federal Law of August 3, 2018 No. 317-FZ "On Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2018 No. 611 "On the Creation of the Foundation for the Preservation and Study of the Native Languages of the Peoples of the Russian Federation." Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71988258/ Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period until 2030." Available at: https://rg.ru/documents/2020/07/22/ukaz-dok.html Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation." Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Fundamentals of the State Policy in the Field of Strategic Planning in the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of November 21, 2021 No. 633. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation on March 31, 2023 No. 229. Available at: https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad, approved by Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022 No. 611. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Fundamentals of the State Policy on the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, approved by Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Order of the Government of the Russian Federation of February 9, 2022 No. 204-r "On Approval of the Plan of Main Activities for Holding the International Decade of Indigenous Languages in the Russian Federation in 2022-2032." Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403414644 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Departmental Target Program "Scientific, Methodological, Methodological and Personnel Support for Teaching the Russian Language and Languages of the Peoples of the Russian Federation", approved by Decree of the Government of the Russian Federation of June 4, 2021 No. R-120. Available at: https://base.garant.ru/400870777 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Concept of Teaching the Native Languages of the Peoples of the Russian Federation, approved at the session of the Board of the Ministry of Education of the Russian Federation on October 1, 2019 No. PK-3vn. Available at: https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/download/2400 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Action Plan of the Ministry of Education of the Russian Federation for the Implementation of the Concept of Teaching the Native Languages of the Peoples of the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 85 of March 6, 2020. Available at: https://docs.edu.gov.ru/document/f229daff6cae6838175981ab8d99c116/download/2742 Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Information on the Progress of the Implementation of the Action Plan of the Ministry of Education of the Russian Federation for the Implementation of the Concept of Teaching the Native Languages of the Peoples of the Russian Federation, approved at the session of the Board of

the Ministry of Education of the Russian Federation on October 1, 2019, for 2020-2024. (Manuscript) (In Russ.)
Minutes of November 26, 2021 No. SK-26/03pr of the session of the Government Commission on the Russian Language. (Manuscript) (In Russ.)
Draft Concept of the State Language Policy of the Russian Federation, developed in the Ministry of Education of the Russian Federation of December 29, 2022. (Manuscript) (In Russ.)
Draft Concept of the Language Policy of the Russian Federation, developed in the Institutes of the Russian Academy of Sciences of July 16, 2021. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap Access date: July 17, 2023. (In Russ.)

Замятин Константин Юрьевич – PhD, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1.
Эл. адрес: k.zamyatin@iling-ran.ru

Zamyatin Konstantin Yurievich – PhD, docent, Senior researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009, Moscow, Russian Federation.
Email: k.zamyatin@iling-ran.ru

Для цитирования: *Замятин К.Ю.* Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 119–143. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-119-143

For citation: *Zamyatin, K.Yu.* Development of the Concept of State Language Policy: The Problem of Adjusting the Bureaucratic and Academic Approaches // Sociolinguistics. No. 4 (16). Pp. 119–143. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-119-143

The article was submitted 22.09.2023;
approved after reviewing 13.11.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА
SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-144-149

КОММОДИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА
COMMODIFICATION OF LANGUAGE

Коммодификация (от англ. commodification ← commodity ‘товар’) языка – процесс обретения языком денежной стоимости и превращения его в своеобразный товар – представляет собой лингвистический феномен последних десятилетий, привлекающий внимание многих социолингвистов. Исследования коммодификации языка строятся на той же теоретической платформе, что и экономика языка, которая изучает отношения между экономическими и языковыми переменными. Экономика языка является обширной областью, имеющей ряд своих собственных направлений, основным из которых является изучение взаимосвязи заработной платы (дохода) и владения языками. Исследовано, как влияет на доход владение иностранными языками, вторыми языками, владение языками мигрантами, каковы экономические последствия языковой дискриминации и т.д. [Gazzola, Wickström, 2016; Zhang, Grenier, 2012].

Работы о связи языка и экономики базируются на идеях П. Бурдье о том, что языки – это формы символического капитала, которые можно превратить в экономический капитал (зарплата, дополнительная прибыль), а языковое пространство – рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами. В эпоху глобальной экономики эти положения были развиты канадским исследователем Моникой Хеллер и ее коллегами из Швейцарии и Каталонии Александром Дюшеном и Джоаном Пужоларом [Павленко, 2016: 24; Heller, Pujolar, Duchêne, 2014]. М. Хеллер и ее коллеги исходят из того, что в основных капиталистических странах экономическая деятельность переместилась из обрабатывающей промышленности в то, что обычно определяется как «сфера услуг» – разнородную смесь таких видов деятельности, как образование и профессиональная подготовка, администрирование, маркетинг, (теле)коммуникация, гостиничный бизнес, развлечения, туризм, дизайн и креативные индустрии и т.д. Для большинства из этих видов деятельности коммуникация является ключевым инструментом или они сами по себе являются коммуникативными актами или коммуникативными продуктами. Лингвистические, коммуникативные и дискурсивные навыки также становятся центральными для работников

будь то в форме многоязычия (уметь говорить, читать и писать на одном или нескольких языках/вариантах языка) или как способность овладевать широким и гибким спектром ресурсов для общения (перформативные навыки, жанры, регистры, стили общения) или и то, и другое [Critical sociolinguistic research methods, 2018: 6].

Хотя концепция превращения языка в товар восходит еще к идее К. Маркса, что капитализм был основан на понятии превращения труда в товар, само слово «коммодификация» появилось относительно недавно, начиная с середины 1970-х годов [Oxford Dictionary of English, 2010]. Хеллер и ее коллеги полагают, что это указывает на то, что это слово используется для характеристики отличительной черты позднего капитализма: присвоения в коммерческих целях элементов, которые до сих пор управлялись другими способами [Heller, Pujolar, Duchêne, 2014: 10]. На то, что языки имеют и экономическое измерение, обращали внимание и другие ученые. Так, о «маркетизации мышления» говорил еще в середине 1990-х годов Н. Фэрклаф [Fairclough 1993], А. Сваан писал о том, что с развитием рыночных отношений языки стали восприниматься как «гиперколлективные товары», стоимость которых возрастает пропорционально численности пользователей. Для обоснования динамики распространения языков он ввел понятие «Q-стоимости» (Q-value) как единицы измерения принятых в обществе представлений о «коммуникативном потенциале» того или иного языка, точнее о коммуникативных преимуществах его «приобретения» в результате вложения времени и средств в его изучение [Swaan, 1993; цит. по: Аликина, 2022].

Процесс коммодификации (коммерциализации) языков характерен именно для современной глобальной экономики. Этот новый лингвистический феномен изучен лингвистами неравномерно. Очевидно, что английский, как глобальный язык, имперский язык, обладает бесспорной коммодификационной ценностью и давно уже является объектом интереса лингвистов с этой точки зрения. Однако функционирование многоязычия в новой глобализированной экономике намного сложнее и связано не только с английским, но и с другими языками. Английский язык может быть необходимым условием для выхода на глобальный рынок, но его уже недостаточно для конкурентного преимущества [Павленко, 2017; Duchêne, Heller, 2012].

На сегодняшний день появилось также достаточно много работ на тему коммодификации русского языка, в значительно меньшей степени – других языков России (о последних см., напр.: [Ferguson, Sidorova, 2018; Manchurina, Samsonova, 2021; Хилханова, 2022; Иванов, 2021]). Установлено, что русский язык функционирует как commodity, т.е. как инструмент получения прибыли для коммерческих структур в тех зарубежных странах, где большой туристический поток из России, а также в постсоветских странах или странах с

большим процентом русскоязычного населения: Кипр, Финляндия, страны Балтии, Китай и др. [Павленко, 2016; Павленко, 2017; Pavlenko, 2017; Щербаков, 2020; Muth, 2017; Viimaranta et. al., 2017; Карлуччио, 2020]. Например, в работах А. Павленко коммодификация русского языка на Кипре объясняется экономическим подъемом России с конца 1990-х годов. Языковая политика перестала быть прерогативой государственных органов и стала инструментом получения прибыли для бизнеса и глобальных корпораций, превратившись в товар и на практике, и на уровне дискурса [Павленко, 2016: 30]. Положение и престиж русского языка в зарубежных странах (и особенно в странах – бывших партнерах и союзниках России) является также показателем того, как эти страны оценивают перспективы сотрудничества с Россией [Хилханова, Иванов, 2023]. Коммодификация русского языка наиболее очевидна в туристической индустрии ввиду слабого владения иностранными языками большинством российских туристов; например, в отчете «Культура Финляндии» 2014 г. утверждается, что только 29 % россиян владеют английским языком даже на начальном уровне, поэтому для посетителей из России информация о товарах или услугах на русском языке имеет решающее значение для принятия решений о покупке [Viimaranta et. al., 2017: 621]. Коммодификация русского языка в излюбленных туристических дестинациях россиян сочетается порой со скрытым негативным отношением к самим россиянам (см., напр.:имер [Pavlenko, 2017; Ryazanova-Clarke, Muth, 2015]). В исследовании С. Мута, например, говорится о том, что Литва стала популярной страной для русскоязычных медицинских туристов по причине прибыльности рынка медицинского туризма, экономического кризиса и демографических изменений в стране, и это произошло несмотря на частую демонстрацию националистических идеологий в политических дискурсах в Литве [Muth, 2017].

Коммодификационные стратегии наиболее явственно проявляются в языковых ландшафтах, что делает их одним из наиболее популярных объектов исследования феномена коммодификации языка. В то же время изучение языковых ландшафтов считается (а) социолингвистическим *методом* сбора и анализа материала и (б) самостоятельным новым *направлением*. Как коммодификация языка, так и лингволандшафтные исследования являются, безусловно, междисциплинарными научными областями, связанными, помимо экономики языка, с такими направлениями и/или дисциплинами, как критический дискурсный анализ и ряд других исследовательских областей [Хилханова, Иванов, 2023].

Литература

Аликина А.В. Глобальное и локальное в российском дискурсе трудоустройства. Дис.... канд. филол. наук. М., 2022.

Иванов В.В. (2021) Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 1 (5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.

Карлуччио, А. Коммодификация русского языка на рынке труда Италии (2020) // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Традиции и инновации: Сб. трудов науч. конф. С. 109–114

Павленко А. (2016) Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. № 1. С. 23–32.

Павленко А. (2017) Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 493–514. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514

Хилханова Э.В. (2022) Экономика языка и многоязычие: Опыт исследования в Татарстане // Научный результат: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 8. № 2. С. 52–‒65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4.

Хилханова Э.В., Иванов В.В. (2023) Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 2 (14). С. 129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153

Щербаков О.В. (2020) Commodification of Language: Evidence from Linguistic Landscape of Harbin // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сб. статей IX Междунар.науч. конф. молодых ученых (7 февраля 2020 г.). Ч. 1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ. С. 46–50. (На англ.)

Critical sociolinguistic research methods: Studying language issues that matter (2018) / Monica Heller, Sari Pietikäinen, Joan Pujolar. N. Y.: Routledge.

Duchêne, A., Heller, M. (eds.). (2012). Language in Late Capitalism: Pride and Profit. N.Y.: Routledge.

Fairclough, N. (1993) Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse: The Universities // Discourse and Society.No. 4. Pp. 133–168.

Ferguson, J., Sidorova, L. (2018) What language advertises: Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // Language Policy. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54.

Gazzola, M., Wickström, B.-A. (2016) Introduction // The economics of language policy / Eds. M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge: MIT Press. Pp. 1–18.

Heller, M., Pujolar, J., Duchêne, A. (2014). Linguistic commodification in tourism // Journal of Sociolinguistics No. 18 (4). Pp. 539–566. DOI 10.1111/josl.12082.

Manchurina, L., Samsonova, M. (2022) Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha // Sibirica. Vol. 21. No. 3. Pp. 128–158. DOI: 10.3167/sib.2022.210307.

Muth, S. (2017) Russian language abroad: viewing language through the lens of commodification // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

Oxford Dictionary of English (2010). Oxford: Oxford University Press.

Pavlenko, A. (2017) Russian-friendly: How Russian became a commodity in Europe and beyond // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 20 (4). Pp. 385–403. DOI: 10.1080/13670050.2015.1115001.

Ryazanova-Clarke, L., Muth, S. (2015). The commodification of Russian around the world // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Special iss. Pp. 1–4.

Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A. (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // Russian Journal of Linguistics. No. 21 (3). Pp. 620–634. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.

Zhang W., Grenier G. (2012) How can language be linked to economics?: A survey of two strands of research // Language Problems and Language Planning. Vol. 37. Iss. 3. Pp. 203–226.

References

Alikina, A.V. (2022) Global'noe i lokal'noe v rossijskom diskurse trudoustrojstva [Global and local in the Russian discourse of employment]. PhD thesis. (In Russ.)

Ivanov, V.V. (2021) Burjatskij jazyk v jazykovom landshafte i jazykovyh praktikah v gorode Ulan-Ude [The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude]. Sociolinguistics. No. 1 (5). Pp. 147–163. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147–163.

Karluchchio, A. (2020) Kommodifikacija russkogo jazyka na rynke truda Italii [Commodification of the Russian language in the Italian labor market] // Aktual'nye problemy russkogo jazyka i metodiki ego prepodavanija: Tradicii i innovacii: Sb. trudov nauch. konf. [Actual problems of the Russian language and methods of its teaching: Traditions and innovations: Collection of works of the scient. conf.]. Pp. 109–114. (In Russ.)

Pavlenko, A. (2016) Russkij jazyk kak lingva franka v zarubezhnoj sfere obsluzhivanija [Russian as a lingua franca in the global service industry] // Mir russkogo slova [The world of the Russian word]. No. 1. P. 23–32. (In Russ.)

Pavlenko, A. (2017). Yazykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniya russkogo yazyka za rubezhom [Linguistic Landscape and other Sociolinguistic Methods in the Study of Russian Language Abroad] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Russian Journal of Linguistics] No. 21 (3). Pp. 493–514 (In Russ.). DOI: 10.22363/2312- 9182-2017-21-2-493-514.

Khilkhanova, E.V. (2022) Ekonomika yazyka i mnogoyazychiye: Opyt issledovaniya v Tatarstane [Language economy and multilingualism: The case of Tatarstan, Research Result // Theoretical and Applied Linguistics]. No. 8 (2). Pp. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Khilkhanova, E.V., Ivanov, V.V. (2023) Kommodifikatsiya yazykov i yazykovoy landshaft stolitsy Mongolii [The commodification of languages and linguistic landscape of the capital of Mongolia] // Sociolinguistics. No. 2 (14). Pp. 129–153. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153

Shherbakov, O.V. (2020) Commodification of Language: Evidence from Linguistic Landscape of Harbin // Aktual'nye voprosy filologicheskoj nauki XXI veka: Sb. statej IX Mezhdunar. nauch. konf. molodyh uchenyh (7 fevralja 2020 g.). Ch. 1: Sovremennye lingvisticheskie issledovanija [Topical issues of philological science of the XXI century: Collection of articles of the IX International Scientific Conference of Young Scientists (February 7, 2020). Part 1: Modern linguistic research]. Ekaterinburg: UMC-UPI. Pp. 46–50.

Critical sociolinguistic research methods: Studying language issues that matter (2018) / Monica Heller, Sari Pietikäinen, Joan Pujolar. N. Y.: Routledge.

Duchêne, A., Heller, M. (eds.). (2012). Language in Late Capitalism: Pride and Profit. N. Y.: Routledge.

Fairclough, N. (1993) Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse: The Universities // Discourse and Society. No. 4. Pp. 133–168.

Ferguson J., Sidorova, L. (2018) What language advertises: Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // Language Policy. Vol. 17. No. 1. P. 23–54.

Gazzola, M., Wickström, B.-A. (2016) Introduction // The economics of language policy / Eds. M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge: MIT Press. Pp. 1–18.

Heller, M., Pujolar, J., Duchêne, A. (2014). Linguistic commodification in tourism // Journal of Sociolinguistics. No. 18 (4). Pp. 539–566. DOI 10.1111/josl.12082.

Manchurina, L., Samsonova, M. (2022) Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha // Sibirica. Vol. 21. No. 3.. Pp. 128–158. doi: 10.3167/sib.2022.210307.

Muth, S. (2017). Russkiy yazyk za rubezhom: Vzglyad na yazyk skvoz' prizmu kommodifikatsii [Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification] // Russian Journal of Linguistics. No. 21 (3). Pp. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

Oxford Dictionary of English (2010). Oxford: Oxford University Press.

Pavlenko, A. (2017) Russian-friendly: How Russian became a commodity in Europe and beyond // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 20 (4). Pp. 385–403. DOI: 10.1080/13670050.2015.1115001.

Ryazanova-Clarke, L., Muth, S. (2015). The commodification of Russian around the world // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Special iss. Pp. 1–4.

Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A. (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // Russian Journal of Linguistics. No. 21 (3). Pp 620–634. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.

Zhang, W., Grenier, G. (2012) How can language be linked to economics?: A survey of two strands of research // Language Problems and Language Planning. Vol. 37. Iss. 3. Pp. 203–226.

Э.В. Хилханова,

Институт языкознания РАН

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multicultural Russia as an example”.

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna – Doctor of Philology, leading researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: erzhen133@mail.ru

Для цитирования: *Хилханова Э.В.* Коммодификация языка // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С.144–149. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-144-149

For citation: *Khilkhanova, E.V.* Commodification of language // Sociolinguistics. 2023. No. 4 (16). Pp. 144–149. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-144-149

The article was submitted 17.08.2023;
approved after reviewing 29.10.2023;
accepted for publication 10.12.2023

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-16-150-161

ДВАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

(Москва, Институт языкознания Российской академии наук, 20 сентября 2022 г.)

THE TWENTIETH MEETING OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 20 September, 2022

20 сентября 2022 г. в Институте языкознания РАН состоялось двадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, которое прошло в онлайн-формате на платформе Zoom. На заседании с докладом на тему «Роль и место миноритарных языков в экономике (знаний)» выступил *Станислав Борисович Белецкий,* кандидат филологических наук, постдок Школы филологических наук НИУ ВШЭ (Москва), Участник Большого проекта «Речевые практики российского общества: профессиональная и социокультурная перспективы» НИУ ВШЭ.

В начале своего выступления Станислав Борисович поделился историей знакомства с данной областью исследований. Три года назад он работал в университете в Танзании: преподавал русский язык и занимался научными исследованиями языков банту. В то время у него появилась возможность принять участие в организационном комитете конференции, когда он впервые узнал об этом направлении. С.Б. Белецкий отметил, что эта область, экономика языка, во многом разрабатывалась на социолингвистическом материале африканских стран, африканского многоязычия. Такое сочетание африканистики и экономики, по мнению автора выступления, не случайно, оно, скорее, закономерно. Докладчик подчеркнул связь иллюстраций на титульном слайде (рис. 1) с практическими кейсами и его наработками в этой области.

Рис. 1

Докладчик предлажил обратить внимание на материалы слайда, в которых представлены рекламные постеры одного из провайдеров мобильной связи и мобильного интернета в Танзании. В рамках рекламной кампании на локальных крупных танзайнийских языках использовались слоганы, которые были написаны на миноритарных или коренных языках, популярных среди местных жителей. При этом в Танзании обычно запрещено использование коренных языков в рекламе, и за это могут оштрафовать. Однако компания решила использовать крупные языки для привлечения внимания и показать, что их традиции не противоречат современности и новым технологиям. В результате такого подхода последнее поколение интернета в Танзании рекламируется слоганами на коренных языках. Автор провел и опубликовал исследование на эту тему.

Экономика языка является большой областью знаний, в рамках которой выделяются отдельные направления. Автор хочет объединить экономику языка и коренные языки в дискуссионной части и показать, что коренные языки могут гармонично сосуществовать с новейшей реальностью и технологиями. Обычно подразумевается, что для развития необходимо забыть традиции и двигаться вперед семимильными шагами, как это происходит во многих странах Африки. Однако тогда возникает дилемма: сохранить традиции или отказаться от них в пользу развития. С.Б. Белецкий считает, что можно сохранять традиции и при этом использовать их креативно.

Далее автор доклада раскрывает само понятие «экономика языка». Экономика языка – это раздел экономики, в котором особое внимание уделяется роли и функциям языка в экономических процессах. Языковая проблематика как таковая в экономике не

рассматривается. Этническая принадлежность населения и национальность – это факторы экономики, которые рассматривают, они отражены в переписи населения. Экономисты работают с этими данными. Возникновение отдельного направления в экономике связано с тем, что язык не рассматривался в экономическом контексте до 60-х годов XX в. Экономика языка оперирует социолингвистическими понятиями, поскольку они измеримы, их можно квалифицировать и проиндексировать в виде макрообъектов.

Докладчик выделяет следующие параметры, которые рассматриваются в рамках экономики языка: многоязычие (например, число языков в регионе или стране), языковое разнообразие и языковые дистанции, которые позволяют проводить расчеты и определить, что является диалектом, а что – языком.

Кроме того, в экономике языка учитывается уровень усвоения второго языка или иностранного, а также степень развитости языковых навыков, которые могут определять экономические процессы. Например, человек, который владеет иностранным языком на уровне A2, может не иметь достаточных навыков для входа в модель применения их в профессиональной деятельности. Таким образом, в экономике языка существует классический набор параметров, которые учитываются в новом ракурсе.

С.Б. Белецкий подчеркивает, что его исследование опирается на методологию, которая принята в экономических науках. Это методы неоклассической экономики, которые включают теорию человеческого капитала. Язык является компонентом человеческого капитала, так как знание иностранного языка и коренного языка – важный аспект развития экономики. Для анализа используются различные методы, в том числе эмпирический, нормативный и квантигетативный анализ, статистический анализ и работа с теорией игр. Также проводится анализ затрат, стоимости и другие экономические методики. Таким образом, работа производится с лингвистическими параметрами по экономической логике.

В области исследования языка в экономике существует монография – “The Palgrave Handbook of Economics and Language” (ред. Виктор Гинзбург и Ислам Вебер), структурирующая довольно разнообразные исследования. Станислав Борисович рекомендует эту книгу как отправную точку для исследования.

Далее автор доклада дает небольшой экскурс в историю данного направления. Термин «экономика языка» был введен американским экономистом Якобом Маршаком в 1965 г. Эта идея была первой в своем роде и заключается в рассмотрении языка как параметра, обладающего важными экономическими свойствами. Язык имеет пользу, затраты и выгоду от его использования, которые необходимо учитывать. В той небольшой статье, которая является отправной точкой для исследований в данной области, автор высказывает интересную идею о

коммуникации между пилотом и диспетчером. В то время, когда технологии были менее развиты, коммуникация была затруднена, и пилоту приходилось экономить свои речевые ресурсы. Это привело к появлению законов экономии ресурсов.

Первые исследования, проведенные в 60–70-х годах прошлого века в Канаде, фокусировались на языковой политике, ее оценке с точки зрения экономики. Такие пилотные исследования были направлены на выяснение того, насколько больше зарабатывают англоязычные жители Канады по сравнению с франкоязычными. Было проведено исследование корреляции между уровнем дохода и знанием второго официального языка этой страны. В итоге ученые пришли к выводу, что для большей зарплаты англоязычным жителям Канады не обязательно знать французский, а для франкоязычных жителей Канады необходимо знание английского, чтобы их зарплата была выше. С одной стороны, этот вывод интуитивно понятен. С другой стороны, его необходимо было научно обосновать. В результате были разработаны методика и подходы, которые затем были применены к экономическому и социолингвистическому материалу европейских стран. В 1980–1990-х годах был проведен ряд исследований в Европе, направленных на изучение того, как уровень заработка и знание языка влияют на уровень дохода.

Докладчик упоминает еще одно направление экономики языка – вопрос о рентабельности изучения иностранных языков в рамках экономики образования. Исследователи пришли к обобщенному выводу, что знание иностранного языка может гарантировать прибавку к зарплате в среднем от 7 до 35 процентов. Этот вывод основан на серии кейсов, которые были проработаны в рамках исследований, начиная с 1960-х годов и заканчивая 1980-ми.

С.Б. Белецкий определяет интерес исследователей к экономическому анализу динамики языковой экосистемы как следующий этап хронологии развития экономики языка. Особый интерес уделялся языковому сдвигу, языковой политике и языковому планированию. Экономисты обратили свой взор на экосистему мультиязычия и на законы, которые действуют в ней. Докладчик отмечает, что именно в этой плоскости дальше будет вести беседу.

Изучение языка и коммуникации стали последним этапом развития экономики языка, который связывает нас с начальной точкой исследований, предложенной Маршаком. Начиная с 2000-х годов исследователи вновь обратили внимание на проблематику изучения коммуникации в кабине пилота. Они использовали лингвистический материал и экономические методы, в том числе теорию игр. Однако для понимания этих методов требуется серьезное математическое образование.

Перейдя к основной части доклада, автор сделал экскурс в историю. Упомянув тот факт, что экономисты, когда начали обращать внимание на многоязычие в странах Африки в прошлом, пришли к выводу, что языковое многообразие является причиной низкого уровня жизни, коррупции на национальном уровне и низких темпов экономического развития. Эти выводы были подтверждены статистически на базе данных о ВВП на душу населения и количестве языков в разных странах Африки. Такой вывод был основан на данных 1960–1970-х годов и на тот момент считался обоснованным и статистически значимым. В свою очередь, языковая политика, основанная на этих исследованиях, направлена на сокращение числа языков и редукции языкового многообразия к одному или двум лингва франка.

Автор доклада отмечает, что африканские страны выбрали путь языковой политики, и Танзания, в частности, является показательной страной в этом плане. В отличие от России, где существуют коренные языки и национальный язык, в африканских странах характерна трехслойная модель многоязычия. Кроме того, во многих африканских странах существует такая «надстрочка», как колониальный язык, что делает языковую ситуацию более сложной. В такой ситуации коренные языки занимают самую уязвимую позицию в этой иерархии, и если с этим не бороться, то они не будут поддерживаться и будут утрачены. Однако в последнее время появилась другая точка зрения на многоязычие как на ресурс, которым нужно управлять.

С.Б. Белецкий поделился, что в Танзании он задавал вопросы профессорам о том, повлияло ли каким-либо образом на языковую политику опровержение теории о редукции мультиязычия и появление новой точки зрения о многоязычии как ресурсе. Профессора ответили ему, что это никак не повлияло на языковую политику. Задача существующей языковой политики заключается в том, чтобы через 20–30–40 лет остатки других языков банту, на которых там говорят, воспринимались как некие диалекты суахили, который является национальным языком. Это, вероятно, является конечной задачей языковой политики, которая не выражена явно относительно коренных языков в публичной сфере. Он также отмечает, что отношения к коренным языкам в Танзании в публичной сфере негативны и что политикам, которые ведут свои предвыборные кампании, запрещено использовать языки тех регионов, куда они приезжают с предвыборными обещаниями. Это может привести к штрафам, а иногда и к снятию кандидата с процедуры.

В Танзании существует около 130 языков, что позволяет провести параллель между Танзанией и Россией. Однако в Танзании больше языков находится в благополучной зоне, и есть более 100 витальных языков, а также языки, которые находятся под угрозой исчезновения и требуют сохранения и документирования.

Восприятие многоязычия как «зла» для экономического развития было пересмотрено, и исследователи пришли к выводу, что язык является интегральной категорией, которая распадается на социокультурные переменные, такие как этническая принадлежность, поляризация и разобщенность внутри общества. Из этого автор делает вывод, что не многозычие является причиной низких темпов экономического развития, а другие факторы, которые «прятались» под языком, ускользали от внимания исследователей. С.Б. Белецкий допускает вероятность того, что экономическое развитие тормозится из-за наличия поляризации в обществе (есть этнические группы, которые не могут представить себя единой нацией, народом) и предпочтение в правительстве представителей своего клана также могут тормозить экономическое развитие в стране. Эта ситуация находится на грани гражданской войны, что произошло в Руанде в 1994 г. Автор доклада указывает, что в дополнение к языковым различиям существует множество культурных и политических различий, которые связаны с языком. Изучение и анализ этих категорий очень важны для исследователей. Современная теория утверждает, что язык и многоязычие – это ресурс, который нужно учиться грамотно использовать и управлять им, а не избавляться от него.

Станислав Борисович подчеркнул, что ценность многоязычия, включая коренные языки, не может быть сведена только к рыночной логике. Он приводит пример, когда человек, не владеющий своим коренным языком, не может получить достойного образования и найти достойную работу. Коренные языки являются основой идентичности и культуры, а также инструментом для доступа к традиционному, экологическому и историческому знанию. Все это необходимо учитывать.

В качестве примера С.Б. Белецкий приводит креативные индустрии. Создание креативной индустрии во многом основано на многоязычии: участники команды, которые говорят на разных языках, представляют разные лингвистические и культурные фонды и имеют различный жизненный опыт. Именно благодаря симбиозу разных точек зрения и подходов к проблемам возможно достижение успеха в творческой сфере.

Кроме того, коренные языки играют важную роль в устойчивом развитии, особенно в свете пересмотренной теории экономики. Исследования антропологов и этнологов показывают, что в традиционном сообществе, где используется коренной язык, накопилось традиционное экологическое знание, которое позволяет этому сообществу на протяжении веков сосуществовать в гармонии с окружающей средой. Например, жители Танзании не знают, что такое экологический кризис, поскольку они из поколения в поколение передают мудрость через сказки, легенды и мифы, которые позволяют им сосуществовать с природной

средой, не разрушая ее. Автор доклада отмечает, что коренные языки дают доступ к знанию, которое может быть востребовано в бизнесе, индустрии.

Далее автор предлагает рассмотреть теоретическую модель использования коренного миноритарного языка, которая является формальной, доступной к модификации. В модели рассматривается выбор между родным коренным миноритарным языком и национальным или крупным языком “majority”. Для того, чтобы выбрать использование миноритарного языка, необходимо соответствовать как минимум трем критериям: спикер должен быть компетентным носителем языка, обладать достаточной степенью развития навыков общения на этом языке и прагматическими знаниями о том, в каких ситуациях и по каким сценариям нужно общаться на этом языке. Сумма трех переменных, которую авторы называют “capacity”, объединяет все эти факторы. Для того, чтобы быть эффективным спикером, необходимо обладать языковым потенциалом и иметь возможность использовать его. Должно быть языковое сообщество, в котором он будет пользоваться своим потенциалом, и должны быть услуги и товары, манипуляции с которыми будут сопровождаться коммуникацией на другом языке. Третьим важным условием является желание спикера использовать этот язык.

Все три фактора могут регулироваться языковой политикой, которая влияет на все аспекты использования языка. Успех языковой политики заключается в увеличении времени использования миноритарного языка. Важно отметить, – сказал докладчик, – что не обязательно время использования миноритарного языка должно быть больше, чем время использования национального или крупного языка. После внедрения языковой политики в жизнь можно провести «замер» и оценить ее эффективность. Если количество говорящих на миноритарном языке увеличится, то это будет считаться успехом.

Показанная модель может быть представлена в виде системы уравнений, где три функции определяют результат: функция полезности, функция производительности и функция спроса. Функция полезности означает, что носитель языка должен получать выгоду от его использования, иначе он перейдет на другой язык.

Далее обозначены переменные, от которых эта выгода зависит: $U=U_i(Z_i(x_i,t_i,E_i)$, где i = a (национальный язык), b (миноритарный язык). Z – языковая деятельность, t – время, x – товары и услуги, которые служат основой коммуникации, E – возможность пользоваться языком. Второй формулой выступает формула производительности. $Ti=Zi\ \tau i(w/Pi,Ei)$, где w – добавочные затраты, τ – добавочные затраты (объем T и x, необходимые для определенной степени функционирования языка A или B). В данном контексте автор рассматривает речевую деятельность как метафору, она производится, и ее можно посчитать как товар. Ее объем

зависит от стоимости, важности и значимости тех услуг и товаров, которые служат основой коммуникации на данном языке, и времени, в течение которого эта коммуникация длится.

Далее была представлена третья формула, которая позволяет оценить время, необходимое для успешной языковой политики в рамках данного подхода. Она определяется увеличением времени использования миноритарного языка, и здесь представлена формула, по которой можно оценить это время, а также переменные, используемые для этой оценки. Кроме тех переменных, о которых уже было упомянуто, здесь присутствуют две новые переменные: стоимость коммуникативного продукта, который носитель миноритарного языка может предложить рынку, и объем времени, товара, который необходим для производства одной условной единицы коммуникации на миноритарном языке или на крупном языке. Данную переменную также можно оценить.

Простейшая интерпретация модели, по словам докладчика, следующая: параметры модели делятся на более мелкие составляющие. У этой модели есть множество интерпретаций, которые симулируются и прогоняются на данных. На основе этого формулируются рекомендации для специалистов, чтобы они могли принять решение о подходящей языковой политике. С.Б. Белецкий выделяет три кластера конкретных рекомендаций. Первый кластер – субсидии для книг на миноритарном языке, зависящие от степени дробности матрицы модели. Второй кластер – увеличение стоимости товаров, сопровождаемых коммуникацией на коренном языке, с целью развития экотуризма и культурного этнического туризма. В третьей группе рекомендаций обсуждается расширение сферы использования языка. Автор доклада более подробно останавливается на второй группе рекомендаций и иллюстрирует ее примером из своей практики, а именно рассказывает о производстве экологического знания и приводит кейс, который не был описан в теоретической литературе, но который он успешно применил на практике.

С.Б. Белецкий привел пример одного исследователя, Ту Юю, которой ученые вручили Нобелевскую премию в 2015 г. за открытие, над которым она работала несколько десятилетий. Ту Юю искала средства, которые помогли бы справиться с малярией в Китае, где в южных провинциях это является большой проблемой. Исследователь потратила 30 лет жизни на то, чтобы найти с помощью анализа традиционного знания то вещество, которое позволило создать самое действенное средство от малярии – артемизинин.

Ту Юю опрашивала традиционных целителей, чтобы узнать, какие средства они используют для лечения малярии, изучала древнюю китайскую медицинскую традицию, читала манускрипты на древнекитайском языке, и лингвисты ей помогали. Затем она составила список растений, которые использовались в лабораторных условиях, чтобы проанализировать

их эффективность в борьбе с малярией. Прошли тестирование около 400 растений, и после анализа традиционного знания 200 из них были проанализированы в лабораторных условиях. В итоге было выяснено, что самым эффективным в борьбе с малярией является банальная полынь. Из полыни было выделено и экстрагировано вещество, называемое артемиземенным, на основе которого производятся современные лекарства от малярии. Экономика использует креативное мышление и научный подход для создания продуктов и услуг, и этому предшествует сложная интеллектуальная и креативная деятельность.

С.Б. Белецкий добавляет, что в данном случае экологическое традиционное знание было получено относительно этого вещества, но традиции были прерваны. Если бы кто-то задался целью найти такое вещество не в Китае, а в Африке, это заняло бы намного меньше времени, особенно если бы они обратились к масаи, которые едят полынь для того, чтобы не болеть малярией. Традиционное знание может быть использовано индустрией при работе с этими языками и культурами. На африканском континенте и в России существует большой объем такого традиционного знания, и мы всегда можем поучиться у Африки, – отмечает докладчик.

Вдохновившись этим кейсом, Станислав Борисович решил провести исследование на материале языка, на котором говорят в городе, где он раньше жил. Там преподавали этот язык, который также является официальным языком Танзании, а регион, где он используется, называется домом для этнической группы гого, которая до сих пор сохраняет свой язык и традиционные знания, связанные с ним. Для исследования он попросил помощи магистранта, который является носителем этого языка.

Целью исследования выступало обнаружение традиционных знаний этой этнической группы по использованию растений в традиционной медицине. Они выделили три вопроса: 1) какие растения используются представителями этнической группы в качестве лекарств от малярии, диареи и в качестве антисептиков; 2) как называются эти растения на языке гого и латыни; 3) как использовать эти растения в медицинских целях.

Теоретической основой выступала лингвистическая этноботаника и социология знаний. Используемые методы включали документирование языка в поле, составление гербария, структурированные интервью и обсуждение в фокус-группе. В 2019 г. в течение двух месяцев были проведены интервью с тремя традиционными целителями, были сфотографированы 30 растений, был сформирован гербарий и была собрана информация о том, как эти растения используются в традиционной медицине. Было проведено обсуждение в фокус-группе, чтобы проверить объективность полученных данных. Фокус-группа включала 13 компетентных носителей языка, которые подтвердили мнение традиционных целителей, что 30 выделенных растений используются именно таким образом. При помощи приложения PlantSnap были

установлены научные названия этих растений и была создана небольшая база данных, содержащая названия растений на языке гого, их научное название и способы использования.

Работа с литературой показала, что из 30 растений 28 описаны и про них много что известно. Два растения остались под вопросом, возможно, из-за того, что не удалось найти литературу, в которой описывались бы их фармакологические свойства. Планировалось проверить медицинские свойства этих двух растений в лаборатории, но коллега-микробиолог, которая должна была включиться в завершающий этап исследования, вернулась в Россию из-за начала пандемии. Несмотря на незавершенность исследования, при его обсуждении команда автора доклада пришла к выводу, что оно несет информационную значимость для микробиологов, поскольку даже если не будет обнаружено приписываемых растениям свойств, это поможет предостеречь тех, кто пойдет по их стопам.

Андрей Александрович Кибрик, доктор филологических наук, директор Института языкознания РАН, заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики и сектором ареальной лингвистики поинтересовался, содержались ли в рассматриваемых медицинских и биологических журналах отсылки к народной медицине. В ответ докладчик поделился, что в журнальные статьи способы традиционного использования растений не попали. При этом сбор такой информаций осуществлялся через язык-посредник (суахили или английский). Однако суахили не является родным языком для многих людей в деревнях, поэтому ответы на данном языке более краткие.

Кроме того А.А. Кибрик попросил докладчика коротко поделиться формулировкой научного знания, которое можно использовать как контраргумент мнению о том, что знание миноритарных языков ассоциируется с бедностью. С.Б. Белецкий отметил, что в Танзании существуют крупные этнические группы, насчитывающие около девяти миллионов человек. Они говорят на своих языках, однако при этом с уважением относятся к танзанийской нации и изучают язык этой страны в школе. Одной из причин сохранения родных языков может быть большое число представителей этнической группы, что создает среду для употребления языка на практике. В Танзании также распространено двуязычие, при котором переход с родного языка на суахили не требует больших усилий, так как языки близки по структуре. Кроме того, в Танзании существует группа людей, говорящих на языке гого, который для многих не является родным и считается вторым языком. Докладчик также добавил, что в атласе этнологии перепечатывались данные 1980–1990-х годов, которые могут быть устаревшими из-за незначительного числа настоящих носителей суахили в те годы. Он говорил об этом с профессорами, которые объяснили, что в то время язык был вторым для всех и носителей

суахили было мало, но сейчас молодежь говорит на нем так же, как на родном языке, поэтому статистика должна быть иной.

Эржен Владимировна Хилханова поинтересовалась, верно ли ее впечатление, что связь миноритарных языков с экономикой находится на периферии исследований об экономике языка. В ответе докладчик отметил хронологическую разность этапов развития экономики языка, а также тот факт, что коренные языки не рассматриваются как элемент человеческого капитала и могут быть одним из возможных направлений для дальнейших исследований, например рассмотреть коренные языки как элемент равновесия, где люди могут выбирать, на каком языке говорить (либо на своем родном, либо на государственном), проанализировать факторы, влияющие на этот выбор.

У *Натальи Васильевны Ситниковой* возник вопрос по представленной в докладе модели языков: были ли у автора попытки применения этой модели на российской почве и в чем заключаются проявления корреляции в Танзании. Автор ответил на это, что с материалом российского многоязычия не работал и ранее на протяжении многих лет в его фокусе была работа с африканскими языками. Автора интересовала не математическая часть, а кейсы из литературы. Его заинтересовал случай, описанный у Ту Юю, и он попытался поставить похожий эксперимент на материале африканского языка. Автор доклада заключает, что в итоге экологическое знание было обнаружено, но тестирование в лаборатории не было проведено. Докладчик отмечает, что ранее он не был вовлечен в рабочие группы по разработке языковой политики, но использовал бы все эти теории, как минимум, в мотивационной части. Важно обосновывать необходимость сохранения языкового разнообразия научными доводами. С.Б. Белецкий обращает внимание на то, что даже если экологическое знание будет получено от одного носителя языка и оно будет ценным, пойдет в индустрию, это уже аргумент в пользу того, что многоязычие нужно поддерживать и сохранять.

Римма Иннокентьевна Васильева добавила, что традиционные знания в России широко используются в каждом регионе. Например, в Якутии ювелирная промышленность получила большой прирост в начале 1990-х годов благодаря использованию традиционных знаний в производстве украшений. Аналогично, в Таиланде традиционные знания в области лекарственных растений успешно применяются в фармацевтической промышленности, что приносит большой доход королевству. По ее мнению, традиционные знания приносят выгоду в каждой республике России и вносят положительный вклад в развитие промышленности, например в производство изделий из мягкого золота, которые традиционно изготавливаются и продаются в нашей стране.

Эржен Владимировна поинтересовалась значениями элементов третьей формулы. Докладчик пояснил, что это может быть и заработная плата, например, для экскурсовода или директора музея, которые не могут заниматься своим бизнесом без знания языка. Это может быть символическое вознаграждение человеку, который не забыл свой язык. Каждая буква распадается на свое собственное уравнение, и можно найти формальные критерии для оценки символической стоимости и значимости. Существуют различные подходы к квантификации лингвистических категорий в экономике языка. В итоге находятся способы, чтобы превратить все это в цифры.

В контексте беседы о языковом туризме докладчик также отметил, что число носителей языка сукума и гого достаточно большое, поэтому этим языкам не угрожает вымирание. И с языком хадзабе тоже все в порядке благодаря особому отношению к языку. Они не то что ограждают себя от внешнего мира, внешний мир сам понял, что их не нужно цивилизовать, что это такая жемчужина Танзании. Они их там охраняют, пытаются поддерживать их условия традиционного быта, чтобы сохранить первозданность своей культуры. Однако автор доклада дополняет, что в данном случае языковой туризм превращается в научный, поскольку многие ученые приезжают изучать культуры и языки местных жителей, например хадзабе, сукума и гого. Они приезжают для проведения научных исследований и изучения культурных особенностей местных жителей.

Подводя итог, Андрей Александрович Кибрик подчеркнул познавательный характер доклада и разносторонний характер дискуссии. Андрей Александрович отметил плодотворную работу на данном заседании и необычную тематику доклада, выразив надежду, что в будущем появится возможность познакомиться с большим количеством докладов по похожей тематике.

Более подробно ознакомиться с материалами двадцатого заседания Дискуссионно-аналитического клуба можно на сайте Института языкознания РАН по ссылке https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/220920_daclp.

К.А. Давыдова
Московский педагогический государственный университет

Давыдова Кристина Андреевна – магистрант, Московский педагогический государственный университет, Россия
Адрес: 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул. дом 29/7 стр. 4.
Эл. адрес: davykristina@gmail.com

Davydova Kristina Andreevna – master's student, Moscow Pedagogical State University, Russia
Address: 119435, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya st. building 29/7 building 4.
Email address: davykristina@gmail.com

Для цитирования: *Давыдова К.А.* Двадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике. Москва. Институт языкознания РАН. 20 сентября 2022 г. // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 150–161. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-150-161

For citation: *Davydova K.A.* The twentieth meeting of the analytical discussion club on language policy. Moscow. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 20 September.2022 // Sociolinguistics. 2023. No. 4(16). Pp. 150–161. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-150-161

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Требования и рекомендации к оформлению статей

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи – 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- Индекс УДК;
- Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- Аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
- При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов).
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.

Образец

Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: socioling@mail.ru
Ivan Ivanovich Ivanov – Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation.
Email: socioling@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению текста:

- Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.
- Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- Использование разрядки как способа выделения не допускается.
- Переносы не допускаются.
- Абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. В обозначении DOI приводится только сам номер, адрес сайта http://www.doi.org/ указывать не нужно.
Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное

название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1(61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015). Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

- авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация), выходные данные с обозначениями на английском языке.
- Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.
- В References // и / заменяются на точку.
- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, напр. (In Russ.).

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык]. Транслитерированное название журнала, 2019, Vol. 7, no. 2, pp. 34–40. (In Russ.)

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika and Mikhalchenko, Vida Yu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2, Iazykoznanie, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russ.).

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals]. The New Research of Tuva, no. 3. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation]. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan, pp. 9–12. (In Russ.)

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of modern language processes]. Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: http://www.scribd.com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 4 (16)

2023

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 30.12.2023 | Published 30.12.2023
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 21,0| Format 60x84/8. Printed sheets 21,0

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1